

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ЭТНОГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ЙОШКАР-ОЛИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЗАПАД – ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2016

Основан в 2008 году
Выходит один раз в год

Редакционный совет:

И. Шварц,

Институт истории Восточной
Европы Венского университета,
Австрийская Республика

Н. Л. Пушкарева,

Центр этногендерных исследований
Института этнологии и антропологии
РАН, Российская Федерация

М. Даниш,

Университет им. Я. А. Коменского,
Словацкая Республика

И. И. Шарифжанов,

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Российская Федерация

И. Р. Чикалова,

Белорусский
государственный
педагогический университет,
Республика Беларусь

В. Кейдан,

Университет г. Урбино,
Итальянская Республика

Л. Гарбулева,

Прешовский университет,
Словацкая Республика

Е. П. Серапионова,

Институт славяноведения РАН,
Российская Федерация

Редакционная коллегия:

Г. В. Рокина (главный редактор)

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории,
Марийский государственный университет

Г. Ф. Горбаилова,

канд. ист. наук,
Марийский государственный
университет

О. Б. Земцова,

канд. пед. наук,
Марийский государственный
университет

Е. В. Лежнина,

канд. ист. наук,
Марийский государственный
университет

Ю. С. Обидина,

доктор филос. наук,
Марийский государственный
университет

Г. Е. Шкалина,

доктор культурологии,
Марийский государственный
университет

И. М. Эрлихсон,

доктор ист. наук,
Рязанский государственный
университет им. С. А. Есенина

ISSN 2227-6874

ББК Ф2я53

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный
университет», 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

MARI STATE UNIVERSITY

LABORATORY OF ETHNIC AND GENDER RESEARCH

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

YOSHKAR-OLA BRANCH

WEST – EAST

SCIENTIFIC AND PRACTICAL YEARBOOK

Yoshkar-Ola, 2016

Founded in 2008
Published once a year

Editorial Council:

I. Shwarz,
Institute of history of Eastern
Europe of Vienna University,
Austrian Republic

N. L. Pushkareva,
Center of Ethnic and Gender Research,
Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

M. Danish,
Comenins University,
Slovak Republic

I. I. Sharifzhanov,
Kazan (Volga) Federal University,
Russian Federation

I. R. Chikalova,
Belorussian State Pedagogical University,
Republic of Belarus

B. Keidan,
University of Urbino, Italian Republic

L. Garbuleva,
University of Preshov, Slovak Republic

E. P. Serapionova,
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Editorial team:

G. V. Rokina (main editor)
Doctor of Historical Sciences, Professor of the chair of General History,
Mari State University

G. F. Gorbashova,
Candidate of Historical Sciences,
Mari State University

O. B. Zemtsova,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Mari State University

E. V. Lezhnina,
Candidate of Historical Sciences,
Mari State University

Ju. S. Obidina,
Doctor of philosophical sciences,
Mari State University

G. E. Shkalina,
Doctor of Cultural Studies,
Mari State University

I. M. Erlihson,
Doctor of Historical Sciences,
Ryazan State University
named for. S. A. Esenin

УДК 930.2

ТРАВЕЛОГ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Г. В. Рокина

Для цитирования: Рокина Г. В. Травелог как исторический источник // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 5–8.

Статьи и сообщения данного выпуска ежегодника объединяет общая тема – «Травелог как исторический источник». Во всех публикуемых статьях по-прежнему основной остается оппозиция «Запад – Восток», которая соответствует концепции издания. Прошлогодний, восьмой выпуск ежегодника объединяла тема крымских текстов, которая получила дальнейшее продолжение в научном сотрудничестве наших авторов и читателей¹. В девятом выпуске журнала авторы делятся своими выводами и результатами анализа свидетельств путешественников из разных эпох и разных стран. В этих исследованиях применялись самые различные методы, в том числе структуралистский, текстуальный, компаративистский, имагологический и историко-культурный. В нашем издании уже было обращение к теме путешествий, так как изучение историко-культурных контактов в дихотомии «Запад – Восток» невозможно представить без использования источников, обозначаемых термином «травелог»². Принято считать, что травелог – это жанр литературы с глубокими историческими корнями, уходящими во времена мифов древней Греции об Одиссее и Илиаде, крестовым походам и освоению мира мореплавателями. Он вырос из дневников путешественников, путевых записок, заметок. Действительно, путешествие как объект изучения дает исследователю очень широкие возможности. В последние годы этот термин широко вошел в нашу жизнь – не только в смысле научной деятельности, но и в повседневности. В современном информационном обществе мы почти ежедневно сталкиваемся с травелогами в постах и блогах социальных сетей. Однако традиционно принято считать, что травелоги – это книги о путешествиях: путевые дневники, заметки и рассказы, воссоздающие быт, культуру, историю места, куда судьба заносит автора. Но травелог никогда не был и никогда не будет просто путеводителем или туристическим описанием, это всегда личный сюжет, диалог

¹ См. Рокина Г. В. Крымские тексты в истории, литературе и политике // Запад – Восток. 2015. № 8.

² Рокина Г. В. Путешествия российских ученых в славянские земли // Запад – Восток. 2013. № 6. С. 38–48.

авторского «я» или героя с местом, с городом, со своим прошлым, со своим настоящим, со своей историей, культурой. Это не только хронология поездки, но и рефлексия и переживания увиденного. И в этом смысле для историка, который ставит своей целью идеальную реконструкцию прошлого, травелог становится неоценимым источником. Ассимиляция литературного жанра с историческим нарративом происходила на протяжении двух последних десятилетий, когда, по словам Л. П. Репиной, «одним из наиболее заметных знаков перемен, произошедших в конце XX века, стало интенсивное использование в исторических работах источников литературного происхождения с помощью теорий и методов, заимствованных из современного литературоведения»¹. В наше время, когда любое исследование невозможно без дисциплинарного подхода, травелог представляет собой важный материал и для историка, и для этнографа, и для антрополога, и для филолога. В российский научный оборот термин «травелог» ввел британский и американский культуролог и одновременно российский ученый А. М. Эткинд², что позволило разграничить понятия «путешествие как поездка» и «путешествие как сочинение о поездке». Нижегородский исследователь, литературовед А. Г. Бодрова, проводя анализ травелогов словенских писателей начала XX века, справедливо отметила, что в современных гуманитарных штудиях травелог является пограничным жанром, находится на периферии литературного поля – на границе между художественной и документальной литературой, нередко имеет точки соприкосновения с автобиографией, письмами, воспоминаниями³. При этом большинство ученых, которые применяют термин «травелог», следуют за литературоведом Е. Р. Пономаревым. В предисловии к своей монографии «Типология советского путешествия» он подробно разбирает проблемы научной терминологии в исследованиях путешествий и пришел к выводу, что наиболее удачным термином для обозначения реально произошедшего путешествия, отображенного в тексте, будет «травелог»: «Соединение путешествия и «логоса» дает нам некое «знание о поездке». <...> Помимо удачности и нужной широты коннотаций, он, в общем-то, понятен россиянину, ибо «логос» восходит еще к основам русской книжности, а travel стало привычной реалией последних лет»⁴.

Публикуемые в ежегоднике статьи и выводы, сделанные их авторами, включаются таким образом не только в терминологические споры, но и расширяют сферу применения травелога как источника в исторических и культурологических исследованиях. В статьях данного выпуска ежегодника исследуются не только «реально произошедшие путешествия», но и путешествия в вымышленные миры, что позволяет расширить понятие термина «травелог». Так, наш постоянный автор, член редколлегии Ю. С. Обидина рассматривает путешествие Одиссея в загробный мир как пример осмысления места человека в греческой архаической космологии.

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. С. 119.

² Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

³ Бодрова А. Г. Россия и русские в травелогах словенских писателей начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 39.

⁴ Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов: монография. СПб., 2011. С. 7.

В статье члена редакционного совета И. Р. Чикаловой, ученого из Беларуси, продолжена серия ее публикаций, посвященных восприятию и изучению Англии в Российской империи, и представлена репрезентация Англии и ее жителей в источниках личного происхождения и отчетах российских путешественников конца XVIII – начала XX веков.

В статье выпускницы исторического отделения Марийского университета, а ныне доцента Института истории Санкт-Петербургского университета Т. Н. Жуковской рассматриваются два эпизода из истории «академических путешествий» русских студентов: обучение профессорантов Петербургского педагогического института в университетах Германии, Австрии, Англии, Франции в 1808–1811 гг. и командировка студентов Педагогического института в Англию в 1816–1819 гг. для знакомства с теорией и практикой взаимного обучения по методу Дж. Ланкастера. Последний опыт был необходим для распространения начальных училищ, что оставалось самым слабым звеном образовательной реформы Александра I. Сохранившаяся переписка командированных русских студентов с Конференцией Педагогического института, министром народного просвещения и другие источники позволили автору статьи реконструировать обстоятельства их перемещения по Европе, систему научной подготовки и научной коммуникации начала XIX в., особенности повседневной жизни русских студентов за границей, восприятие ими национальных и культурных особенностей западноевропейских стран. С точки зрения профессиональных и жизненных траекторий подготовка русских профессоров за границей изменялась от регламентированного «академического путешествия», когда кандидат мог лишь по согласованию с направившим его университетом изменить местопребывание, расширить список прослушанных курсов и авторитетных консультантов, разработать дополнительное направление научной подготовки – к более свободному, автономному и краткому путешествию с целью подготовки научной работы по заранее определенной теме. Эта практика стала почти обязательной во второй половине XIX в. как для представителей точных и естественных наук, так и для гуманитариев и способствовала все более тесному включению российских университетов в общеевропейское интеллектуальное пространство.

Сопоставление целей, задач и результатов заграничных командировок ученых, студентов и кандидатов на занятие заведующих кафедр на разных этапах развития российского университетского образования дает публикация статьи преподавательницы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина Г. Н. Лебедевой, в которой раскрыта роль академических путешествий в становлении российского славяноведения.

Тема научных путешествий словацких ученых на значительном временном отрезке представлена в статье профессора Университета им. Я. А. Коменского М. Даниша.

Особое место в этом выпуске занимает публикация еще одного автора из Словакии, научного сотрудника Института истории Словацкой академии наук – Д. Кодайовой. В ее статье на основе современных методологических подходов подробно анализируется знаменитый травелог XVIII века, который одновременно является образцом женской путевой прозы, – путевые письма англичанки лэди Мэри Уортли Монтегю.

Преемственность с крымской тематикой предыдущего выпуска нашего ежегодника демонстрирует публикация известного ялтинского журналиста, краеведа,

главного редактора историко-краеведческого альманаха «Старая Ялта» Л. Лысовой, которая поделилась уникальными материалами об авторе первого путеводителя по Крыму.

Традиционно в журнале представлена рубрика «Гендерные исследования в гуманитарных науках». Здесь – в соответствии с гендерным балансом – опубликованы статьи двух авторов. Это исследование известного не только в России, но и за рубежом ученого Н. Л. Пушкаревой о феномене писателя Л. Н. Толстого как «символа русской сексуальной мощи» и статья о практике династических браков в Монгольской империи в XIII–XIV веках профессора Марийского государственного университета, автора получивших широкое признание работ по истории Казанского ханства А. Г. Бахтина.

В разделе «Публикация документов и материалов» продолжена тема Первой мировой войны: здесь размещены воспоминания свидетелей войны из Беларуси, обработанные в глубоко личном очерке руководителя белорусской диаспоры Республики Марий Эл, доцента кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета В. М. Новик, а также завершена публикация солдатского дневника времен войны уроженца Марийского края.

Редакционный совет и редколлегия ежегодника выражают огромную благодарность всем авторам и рецензентам за подготовку этого выпуска.

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, galina@rokina.ru

TRAVELOGUE AS A HISTORICAL SOURCE

G. V. Rokina

Citation for an article: Rokina G. V. Travelogue as a historical source. 2016, no. 9, pp. 5–8.

Rokina Galina V., Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, galina@rokina.ru

УДК 03.09.23

**ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИССЕЯ В ЗАГРОБНЫЙ МИР: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ
МЕСТА ЧЕЛОВЕКА В ГРЕЧЕСКОЙ АРХАИЧЕСКОЙ КОСМОЛОГИИ**

Ю. С. Обидина

В статье рассматривается путешествие Одиссея в загробный мир как пример осмысления места человека в греческой архаической космологии. Показано, что применение междисциплинарных подходов к трактовке мифа позволяет привести в соответствие данные эпоса и представления древних греков об устройстве Вселенной. В качестве метода исследования избран контекстуальный анализ, методологической основой стали исследования в области антропологии и исторической психологии. Автор отмечает, что описанное Гомером путешествие Одиссея по морю нельзя рассматривать лишь в горизонтальной плоскости, поскольку традиционные попытки воссоздать путешествие Одиссея с помощью исторической реконструкции наталкивались на многочисленные противоречия как синхронного, так и диахронного характера. Подчеркивается, что теории локализации потустороннего мира, понимаемые комментаторами Гомера в самом буквальном смысле, не вписываются в космологические представления древних греков. Неслучайно у Гомера нет определенности в локализации царства Аида. Также отмечается, что бесконечный путь Одиссея по морю – это нечто гораздо большее, чем просто путешествие. Вселенная, описанная Гомером, представляется как три одномерных объединения. В статье подчеркивается амбивалентный образ моря в греческой культуре, который приводит человека в царство мертвых. Образ моря олицетворяет собой образ смерти, поскольку морское путешествие может привести либо в царство мертвых, либо на острова Блаженных. Именно море является связующим звеном между мирами живых, мертвых и богов. Показано, что описанные Гомером представления о загробном мире имеют аналоги и в других культурах, предшествовавших древнегреческой, или следовавших за ней. Вода соединяет различные части мира, как реальные, так и воображаемые, как в греческой, так и в ближневосточной традициях. В статье сделан вывод о том, что анализ мифа позволяет сделать то, что не удалось сделать исторической реконструкции путем нанесения маршрута Одиссея на географическую карту.

Ключевые слова: Гомер, Одиссей, Аид, Эреб, океан, море, Тартар, космология, миф.

Для цитирования: Обидина Ю. С. Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления места человека в греческой архаической космологии // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 9–17.

Теория мифа сегодня широко применяется в междисциплинарном поле гуманитарных наук, опираясь на антропологию, классическую филологию, фольклор, историю,

лингвистику, психологию, философию. Мифы, рассказы, легенды, фольклор, эпос способны дать ценную информацию о том, как люди воспринимают окружающий их мир. Эпос, устная и письменная традиции содержат в себе опыт поколений в осмыслении Вселенной, устанавливают нормы и стандарты поведения и отражают культурные ценности.

Можно утверждать, что ни один другой литературный текст не несет в себе так много информации, как гомеровские поэмы. Это поистине кладезь сведений об античной цивилизации. Язык эпоса часто подчеркивает контраст между нашим восприятием окружающего мира и его историческими коннотациями. Новые методологические подходы к традиционным историческим источникам позволяют открывать ранее не известные смыслы и ментальные установки.

Особо показательна в этом плане «Одиссея» Гомера. Возвращение Одиссея домой из-под стен разрушенной Трои и его скитания давно привлекают не только исследователей, но и писателей, художников, сценаристов, кинематографистов. В самой поэме много различных напластований, как исторических, так и культурных, которые зачастую не только не согласуются, но и противоречат друг другу. В качестве одного из примеров такого рода мы выбрали путешествие Одиссея в загробный мир, которое давно привлекает внимание исследователей, как древних, так и современных.

Почему именно Одиссей? Его путешествие в загробный мир, описанное Гомером, поистине уникально. Во-первых, он живым попадает туда и живым оттуда возвращается. Во-вторых, очевидно, что это путешествие не имеет никакого отношения к географии [4, с. 51]. В-третьих, некоторые исследователи полагают, что все странствие Одиссея происходит в загробном, потустороннем мире [5]. Путь Одиссея по морю – это нечто гораздо большее, чем просто путешествие [8]. Это – попытка осмысления места человека, как в космическом, так и в человеческом континууме.

Миф о путешествии в загробный мир есть у многих народов, но у древних греков он получил не только особое поэтическое обрамление, но и в философическое обоснование.

Уже древние комментаторы Гомера пытались воссоздать путешествие Одиссея и указывали несколько известных им входов в подземное царство. Именно с них берут начало так называемые «теории локализации», поставившие перед собой задачу нанести на карту весь маршрут Одиссея, включая его путешествие в загробный мир. Анализ современного состояния данной концепции приведен у Ю. В. Андреева в его замечательной «Поэзии мифа и прозе истории» [1]. Л. А. Гиндиным был сделан лингво-филологический анализ X песни «Одиссеи» [5], а начиная с исследователей школы «Анналов» образ подземного царства рассматривается как граница греческой идентичности [5]. В. Буркерт считает, что подробное описание царства Аида в «Одиссее» призвано «раз и навсегда отделить мертвых от мира живых» [3]. Наша же задача – показать, что подробная загробная география свидетельствует о том, что греки перестали ограничивать обитаемый мир только местом своего обитания (полис в то время еще не сложился), а расширили ойкумену до размеров Вселенной.

Путешествие Одиссея в загробный мир описано у Гомера дважды. Первый раз, когда Цирцея извещает Одиссея, что он должен пересечь реку Океан на своем корабле и оставить мир живых позади. Он должен достичь противоположного берега, рощи Персефоны, где он оставит свой корабль. Далее он будет идти пешком к Аиду, пока не достигнет места, где две реки, Коцит и Пирифлегетон, встречаются

и впадают в озеро Ахерон. Слияние двух рек отмечено камнем; в этом месте Одиссей должен выкопать яму и вызывать души мертвых из-под земли.

Второе описание этого путешествия дано самим Одиссеем (Од., XI, 1–22). Он и его люди плыли к концу Океана и прибыли в царство киммерийцев, расположенное в вечном тумане, куда никогда не проникают солнечные лучи. Царство киммерийцев, согласно этой истории, расположено не на севере, как думали уже некоторые поздние античные авторы (см.: Геродот. 4, 11), а по другую сторону реки Океан.

Важно отметить, что область, расположенная за рекой Океан, не освещена Солнцем, так как оно было оставлено Одиссеем и его спутниками позади. Вследствие этого Одиссей углубляется по мере своего путешествия в страну сумерек, которую Гомер, а вслед за ним и другие античные авторы, называют Эребом. И наконец, Одиссей и его спутники долго идут по берегу реки и достигают того места, где они встречаются с тенями мертвых.

В обоих описаниях путешествие мыслится как происходящее на горизонтальном уровне, а не как спуск в подземный мир. В ходе путешествия мы можем выделить три основных этапа: первый этап влечет за собой пересечение Океана; второй этап включает в себя путешествие по берегу Океана; третий этап является прибытием к месту слияния двух рек.

Четвертый этап включает в себя рытье ямы для жертвоприношения. Из всех этих этапов первый является наиболее важным, поскольку он требует пересечения реки, являющейся границей между миром живых и миром мертвых.

Но в последней книге «Одиссеи» мы встречаем и третье описание пути в загробный мир. Это путешествие душ убитых женихов во главе с Гермесом. Женихи тоже идут по берегу реки Океан, проходят мимо белого камня, а затем приходят к воротам дома Солнца и, наконец, достигают луга асфоделей (Од., XXIV, 10–14).

Эти ориентиры отличаются от описанных Цирцеей, и все же они не противоречат ее рассказу, так как во всех случаях река Океан является границей. Здесь тоже нет упоминания о спуске. Параллели таких представлений о загробном мире можно найти и у других народов [12].

Таким образом, Океан, согласно сведениям Гесиода и Гомера (Гесиод. Теогония, 242; Гомер. Илиада, XIV, 200–1), находится на краю обитаемого мира. Вдоль его берегов мы находим не только царство мертвых, но и острова Блаженных. Это означает, что Океан является концом одного мира; в то же время он – начало другого мира.

Согласно архаической космологии, Солнце не заходит в Аид; однако, следует отметить, что такое представление изменяется, уже начиная с Пиндара, который упоминает, что Солнце светит в загробном мире (Пиндар, Олимп, II, 110). В последней книге «Одиссеи» души женихов, путешествуя вдоль берегов Океана, проходят мимо ворот Солнца (Од., XXIV, 12), что позволяет предположить, что границы обитаемой Вселенной были отмечены этими воротами. Ни у Гомера, ни у других античных авторов нет никакого упоминания о Солнце, которое светит по ту сторону Океана. Напротив, есть вполне убедительные свидетельства, что Солнце не заходит в Аид. Ключ к пониманию такой ситуации представляет сюжет в «Одиссее», в котором Солнце выражает свое неудовольствие богам, потому что спутники Одиссея убили коров Гелиоса. Солнце угрожает взбунтоваться и начать светить среди мертвых. Зевс следит за тем, чтобы порядок во вселенной сохранял стабильность (Од., XII, 377–88). Таким образом, очевидно, что присутствие Солнца в Аиде является признаком космического расстройтва.

Следующим ключевым пунктом на пути Одиссея является остров Цирцеи. Это также своего рода граница, поскольку он одинаково близок и к восходу и к закату солнца. То, что Запад и Восток могут соприкоснуться в одном месте является нелогичным; тем не менее это четко указано в тексте. Одиссей и его спутники на острове Цирцеи оказываются дезориентированными, потому что они не могут различить, где восходит Солнце и где оно заходит. «Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос; Где светоносный под землю спускается Гелиос, где он на небо восходит» (Од., X, 190–92; пер. В. Жуковского). Из этого отрывка видно, что восток и запад очень близко друг к другу; так близко, что Одиссей не может отличить их друг от друга. Эту головоломку можно решить, если мы будем рассматривать остров Цирцеи как границу между обитаемым миром и Аидом. Здесь, возможно, и находится граница между мирами, которую Гомер описывает как ворота Солнца. То есть граница между миром мертвых и миром живых не является географической точкой на карте ойкумены, как это пытались представить многие авторы после Гомера. Два доказательства подтверждают эту точку зрения. Во-первых, Гесиод говорит о доме Ночи, который находится в непосредственной близости от дома Дня, и описывает пути дня и ночи, как смежные (Гесиод. Теогония, 750–56). Во-вторых, египтяне представляли себе переход в мир иной как проход через двойные ворота.

Таким образом, понятно, что Гомер увидел остров Цирцеи как место смены дня и ночи и как границу обитаемого универсума и царства мертвых, которое лежит за его пределами. Это делает Цирцею своего рода стражем границы. Она отпугивает проходящих через ее острова в Аид; но если кому-то удастся пройти, как это произошло с Одиссеем и его спутниками, то путешественники должны непременно вернуться на остров, прежде чем они продолжат свой путь.

Описание путешествия Одиссея содержит еще несколько доказательств того, что Солнце не пересекает Океан. Когда Одиссей и его люди уплыли с острова Цирцеи, Солнце село и не восходило до возвращения компании из загробного мира (Од., XII, 8). Таким образом, Одиссей и его спутники оказываются вне сферы орбиты Солнца, когда направляют свои паруса через Океан к Аиду.

Итак, граница орбиты Солнца находится на берегу реки Океан (Од., XXIV, 12). Но тогда возникает другой вопрос: если Солнце не заходит в Аид, где оно находится ночью?

Ответ на этот вопрос можно найти в одном фрагменте Мимнерма. Согласно ему, Солнце спит в золотой камере на берегу Океана (Мимнерм. Фрагм. 7), сделанной самим Гефестом. Солнце путешествует вдоль Океана с запада, через землю Гесперид, на восток, в землю эфиопов. Короче говоря, Солнце проходит вдоль реки с запада на восток, а затем поднимается вверх. Важно подчеркнуть, что ни в коем случае Солнце не пересекает Океан; Солнце путешествует по нему и поднимается по небесному своду (Мимнерм. Фрагм. 10). Получается, что Вселенная, описанная Гомером, представляется как три одномерных объединения.

Соединив описание Гомера со свидетельствами Гесиода и Мимнерма, мы приходим к трем важным выводам. Во-первых, загробный мир находится на другой стороне реки Океан. Во-вторых, существует также вертикальное измерение космоса, как это видно из отрывков Мимнерма. В-третьих, Аид является темной Вселенной, не освещаемой лучами Солнца.

Теперь мы переходим к Тартару, чтобы понять, где он находится? С одной стороны, он ясно представляется в нижней части Вселенной. Это отвратительное место, яма

очень широкая и глубокая. «Широкий Тартар глубоко», – говорит Зевс Гере в «Илиаде» (Ил., VIII, 477–81). В другом отрывке указано, что Тартар так глубоко под Аидом, как небо высоко над землей (Ил., VIII, 13–16; см. также VIII, 478–81; XIV, 279).

Гесиод лишь слегка изменяет это пространственное описание, говоря, что Тартар расположен так далеко под землей, как земля под небом. Он делит вертикаль между землей и небом на девять единиц, что соответствует девяти дням и ночам. Если наковальня упала с неба, то, как он пишет, она достигнет Тартара на десятый день (Теогония, 719–21). Таким образом, и Гомер, и Гесиод представляют Вселенную как вертикаль и помещают Тартар на ее дно. Пиндар описывает Тартар как глубоко лежащий под землей (Пиндар, Пиф., 4. 40). С другой стороны, Гесиод говорит, что Тартар – отдаленная местность, что может подразумевать горизонтальную, плоскую Вселенную (Теогония, 731; 807–14).

В одном отрывке, Гесиод описывает вселенную как горизонтальную и вертикальную одновременно: «под землей и на ее окраинах», – пишет он (Теогония, 617–23). Гомер в Илиаде располагает Тартар «по краям земли» (Ил., VIII, 478–81).

Таким образом, может быть только один возможный вывод: вертикальная и горизонтальная модели вселенной не являются несовместимыми, а дополняют друг друга. Вселенная состоит из трех измерений, включая также дополнительный канал, который должен соответствовать расположению дома Фетиды в «Илиаде». Мы находим описание как ее пути вверх из пещеры на дне моря до высоты небес, так и наоборот, из глубины моря к вершинам Олимпа (Ил., I, 496–97; XXIV, 95–99). Это явно вертикальное путешествие. Тем не менее, мы также получаем информацию из уст Гефеста, что Океан находится вокруг дома Фетиды (Ил., XVIII, 402–5). Поскольку Океан расположен на краях Вселенной, мы можем задать вопрос, как может Фетида жить как под Океаном, так и среди него?

Опять же, ответ, видимо, должен заключаться в том, что обитаемая Вселенная трехмерна, и что она представляет собой сферу. Океан окружает обитаемый мир, как наружный слой. Вселенная одновременно содержит в себе и окружает орбиту Солнца, в том смысле, что Солнце движется только в этой сфере. Но есть дополнительный слой за пределами океана, это Аид, Эреб и Тартар, к которым мы обратимся далее. Однако перед этим должен быть задан еще один вопрос: ограничен или безграничен Тартар? Несмотря на то, что он подразумевается как глубокий и широкий, Гесиод делает предположение, что он ограничивается стенами из бронзы; ночь разливается вокруг него; над ним дно земли и моря (Теогония, 726–28).

Античная концепция Эреба очень интересна. Это область тьмы, которая противопоставляется области света. Причем эта область отлична и от ночи (нюкты), которая несет в себе потенциал дня. Если мы обратимся к «Теогонии» Гесиода, то мы можем определить Эреб как первоисточник вечной тьмы, созданной Хаосом (Теогония, 123–125).

Первобытная тьма может быть приравнена к Аиду и Тартару. Гесиод упоминает, что наглый человек был брошен в Эреб (Теогония, 515), что ясно в данном контексте указывает на преисподнюю. Не ясно, однако, что конкретно имеет в виду сам Гесиод: Аид или Тартар; возможно, эти различия не столь значительны.

В «Одиссее» Эреб обозначает место, откуда умершие приходят поговорить с Одиссеем (Од., XI, 35). Он также используется для обозначения места заката на западе (Од, X, 528). Именно в Эреб отправляется Персефона и также выходит из Эреба в гомеровском гимне к Деметре (К Деметре, 335, 349, 409). В «Антигоне»

Софокла Эреб находится под морем (Софокл. Антигона, 587). В «Эдипе в Колоне» герой упоминает в молитве Эреб и Тартар, как если бы они являлись одним и тем же местом (Софокл. Эдип в Колоне, 1390).

Как видно из вышеизложенного, Эреб является еще одним термином для обозначения Аида. И хотя оба имеют разные нюансы, у них есть один важный общий фактор: они оба находятся за пределами обитаемой Вселенной.

Таким образом, судя по путешествию Одиссея, Эреб квалифицируется как регион, который не освещается Солнцем, и который, в конце концов, становится синонимом Аида, при этом Эреб является как бы внешним слоем Аида, куда могут проникать представители мира живых. Оба эти понятия связаны с архаической греческой космологией.

Стоит задаться вопросом, а не противоречит ли предпринятая нами локализация загробного мира укоренившимся в народных верованиях представлениям об Аиде, который находится глубоко под землей? С точки зрения горизонтального видения проблемы – возможно, но с точки зрения греческой космологии два видения Аида, как расположенного за морем или глубоко под землей не противоречат друг другу.

В греческой космологии земля окружена плотной пеленой реки Океана, которую можно достичь из Средиземного моря через Столпы Геракла (Гибралтарский пролив), или из Черного моря. В реке Океан сливается в единое целое свод неба и бездна Преисподней, образуя сферу, диаметр которой занимает океан. Таким образом, смерть представляется как морское путешествие к Океану, этот путь может привести либо к Преисподней, либо к островам Блаженных. Таким образом, море находится между землей, подземным миром и Олимпом, и является связующим звеном между мирами живых, мертвых и богов.

Греческий взгляд на море в качестве точки контакта между воображаемым миром и повседневной реальностью имеет аналоги в других культурах, как предшествовавших, так и последующих. Древние месопотамские, вавилонские и ближневосточные мифы имеют замечательные точки сравнения с греческими материалами, пожалуй, наиболее важной из которых является космологическая организация вселенной, изображенная в этих мифах. Как и в греческой концепции мира, мифы Месопотамии и Ближнего Востока делят мир либо на три части, а именно: земля, небеса, и подземный мир, либо на четыре части: земля, небо, море и подземное царство. Вода, особенно подземные воды, играет важную роль в этом мировоззрении.

В месопотамской космологии Апсу, подземная река, является источником происхождения всех рек Земли. Эту роль Апсу можно сравнить с ролью Океана в «Теогонии» Гесиода (337–62), поскольку Океан также приходится отцом всех рек. В Теогонии Стикс, река подземного царства, названа дочерью Океана, тем самым указывая на прочные связи между Океаном и Преисподней. Таким образом, мы можем увидеть близкое сходство между греческой и месопотамской космологией в данном вопросе.

Таким образом, вода соединяет различные части мира, реальные или воображаемые, как в греческой, так и в ближневосточной традициях.

Другая точка сравнения греческой и восточной космологии – описание царства мертвых, которое находится под землей. После смерти нужно спуститься в подземный мир. Тем не менее, чтобы попасть туда, нужно пересечь реку, как это делает Одиссей, пересекая океан, или, как это делают другие, пересекая Ахерон при спуске в Аид. Точно так же Гильгамеш должен пересечь воды реки смерти, чтобы найти место жительства Ут-напшима и корень бессмертия. Кроме того, в греческой и семитской

традиции, умирающие ассоциируются с Западом, они должны пересечь либо западный океан либо реку в западном направлении. Мартин Вест считает, что греческое слово «*Acheron*» «река Ахерон» практически идентично по звучанию еврейскому слову «*ahòaròn*», что может означать «западный» [15]. Таким образом, в обеих мифологиях, греческой и ближневосточной, водоем, расположенный на Западе, является точкой перехода между жизнью и смертью, и таким образом – переходом от обычного мира к воображаемым землям, которые невозможно достичь, будучи живым.

Вода также является точкой перехода между жизнью и смертью в мифе о потопе, общим для Ближнего Востока и греческой культуры. В греко-римской традиции, Зевс решает уничтожить человеческий род, наслав на него наводнение в конце бронзового века. Точно так же Энлиль, царь богов в эпосе о Гильгамеше, хочет уничтожить человечество. И наконец, в Ветхом Завете, Господь решает очистить землю от человечества из-за творимого им насилия и беззакония. Во всех случаях один праведный человек переживает наводнение, а именно Девкалион, Ут-напиштим и Ной соответственно. Все эти нарративы настолько тесно связаны, что лишь немногие ученые сомневаются в заимствованиях греческой версии от семитского источника. Во всех случаях мы видим, что вода играет неоднозначную роль в этих историях. Вода также является инструментом божественной мести и служит, чтобы наказать людей за их нечестие. Таким образом, вода – это средство общения между людьми и богами.

Джеймс Ромм, исследовавший географическую литературу как жанр, отмечает, что море – безбрежное пространство, которое пленяет воображение греков и, таким образом, играет важную роль в их географических повествованиях. Античные авторы используют море в качестве параметра, чтобы говорить о самых отдаленных уголках космоса и бесконечных числах жутких персонажей и ландшафтов, которые могут быть созданы в этих труднодоступных районах. Таким образом, море позволяет авторам обсуждать не только облик мира, но также и людей и нелюдей, населяющих этот мир. Эмпирическая география пересекается с воображаемой географией и этнографией.

Хайнц-Гюнтер Нессельрат в своей статье, опубликованной в 2005 году, систематически исследует литературные традиции, относящиеся к западному океану, в частности, отношения между мифическими путешествиями по океану и фактическими мореплаваниями. Нессельрат показывает, что, несмотря на значительную эволюцию от архаики до римского периода, понятия, относящиеся к западному Океану, особенно острова Блаженных, находящиеся за пределами досягаемости смертных, остаются удивительно последовательными в греческой литературе [17].

Таким образом, море представляет собой двусторонний проход из мира живых в мир мертвых. В целом разнообразные исследовательские приемы дают возможность всестороннего изучения греческого мифологического языка, изображений и конвенций. Иногда, из-за фрагментарного характера дошедших до нас источников, такой способ является нашей единственной возможностью. Греческие мифы изменились и эволюционировали, но сохранили свои основополагающие характеристики.

Трудно понять греческую космографию в соответствии с нашими представлениями о времени и пространстве. Анализ «дневника путешествия» Одиссея объясняет то, что не может объяснить простая реконструкция представлений о подземном царстве Аида и нанесение на географическую карту маршрута Одиссея. Древний эпос при глубоком и всестороннем его изучении может дать еще множество ответов на вопросы, которые до сегодняшнего дня вызывают недоумения исследователей.

Список использованных источников

1. Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.
2. Артог Ф. Возвращение Одиссея // Одиссей. М., 1997. С. 71–95.
3. Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика / пер. с нем.: М. Витковской и В. Витковского. СПб., 2004.
4. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
5. Гиндин Л. А. Лингво-филологический анализ X песни «Одиссеи» и некоторые принципы гомеровской поэтики // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 65–67.
6. Гесиод. Полное собрание текстов. / пер.: В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. Вступительная статья В. Н. Ярхо. Комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. Лабиринт, 2001.
7. Гомер. Илиада: пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. М., 1987.
8. Гомер. Одиссея: пер. с древнегреч. В. Жуковского. М., 1985.
9. Гомеровские гимны. К Деметре: пер. с древнегреч. В. В. Вересаева // Античные гимны / под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1988.
10. Обидина Ю. С. Представления о загробном мире в контексте коллективной памяти древних греков: опыт Одиссея как человека «границы» // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 1. С. 38–41.
11. Софокл. Трагедии / пер. с древнегреч. С. В. Шервинского. М., 1988.
12. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1989.
13. Эллинские поэты / пер. В. В. Вересаева. М., 1963.
14. Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / пер. с аккадского И. М. Дьяконова. СПб., 2006.
15. Martin L. West The East Face of Helicon: West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth. Oxford: Clarendon Press, 1997.
16. James S. Romm. The edges of the earth in ancient thought Princeton, N. J., 1992.
17. Heinz-Günther Nesselrath. Where the Lord of the Sea Grants Passage to Sailors Through the Deep-Blue Mere no More: The Greeks and the Western Seas // Greece & Rome 2005. No 52. P. 153–171.

Поступила 15.09.2016; принята к публикации 15.10.2016

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, *basiley@mail.ru*

**ODYSSEUS'S JOURNEY TO THE AFTERLIFE: EXPERIENCE
OF COMPREHENSION OF HUMAN PLACE IN GREEK THE ARCHAIC COSMOLOGY**

Yu. S. Obidina

The article deals with the journey of Odysseus to the underworld as an example of understanding of man's place in the Greek archaic cosmology. It is shown that the use of interdisciplinary approaches to the interpretation of the myth allows you to align the data of the epic and imaginations of the ancient Greeks about the structure of the universe. As a research method contextual analysis is chosen, as a methodological basis researches in anthropology and historical psychology became. The author notes that the journey of Odysseus at sea described by Homer can not be seen only in the horizontal plane as the traditional attempts to recreate the journey of Odysseus with the help of historical reconstruction encountered numerous contradictions of both synchronous and diachronic character. It is emphasized that the theory of localization of the other world, understood by commentators of Homer in the most literal sense, does not fit into the cosmological ideas of the ancient Greeks. It is no coincidence in Homer there is no certainty as to the localization

of kingdom of Hades. It is also noted that the endless path of Odysseus in the sea – it is much more than just a journey. The universe described by Homer is represented as a three-dimensional association. The article highlights the ambivalent image of the sea in Greek culture, which leads man to the kingdom of the dead. The image of the sea represents the image of death, because the sea voyage could lead either to the realm of the dead, or to a Blessed Island. That sea is the link between the worlds of the living, the dead and the gods. It is shown that the notions of the afterlife described by Homer has counterparts in other cultures that preceded the Greek, or follow her. Water connects the different parts of the world, both real and imagined, as in Greek, and in the Middle Eastern traditions. The article concludes that the myth of analysis allows us to do what could not be done by applying a historical reconstruction of the route of Odysseus on a map.

Keywords: Homer, Odyssey, Hades, Erebus, ocean, sea, tartar, cosmology, myth.

Citation for an article: Obidina Yu. S. Odysseus's journey to the afterlife: experience of comprehension of human place in Greek the archaic cosmology. *West – East*. 2016, no. 9, pp. 9–17.

References

1. Andreev Ju. V. Pojezija mifa i proza istorii [Poetry of the myth and prose of history]. L., 1990. (In Russ.)
2. Artog F. Vozvrashhenie Odiseja [Return of Odysseus]. *Odissej* = Odysseus. Moscow, 1997, pp. 71–95. (In Russ.)
3. Burkert V. Grecheskaja religija. Arhaika i klassika [Greek religion. Archaic and Classical]. Per. s nem.: M. Vitkovskoj i V. Vitkovskogo. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
4. Vidal'-Nakje P. Chernyj ohotnik. Formy myshlenija i formy obshhestva v grecheskom mire [Black Hunter. Forms of thought and forms of society in the Greek world]. Moscow, 2001. (In Russ.)
5. Gindin L. A. Lingvo-filologicheskij analiz H pesni «Odisei» i nekotorye principy gomerovskoj poetiki [Linguistic and philological analysis of X song “Odysseus”, and some of the principles of poetics]. *Antichnaja kul'tura i sovremennaja nauka* = The ancient culture and modern science. Moscow, 1985, pp. 65–67. (In Russ.)
6. Gesiod. Polnoe sobranie tekstov [The full collection of texts]. Per.: V. V. Veresaeva, O. P. Cybenko. Vstupitel'naja stat'ja V. N. Jarho. Kommentarii O. P. Cybenko i V. N. Jarho. Labirint, 2001. (In Russ.)
7. Gomer. Iliada [Iliad]: per. s drevnegrech. V. V. Veresaeva. Moscow, 1987. (In Russ.)
8. Gomer. Odiseja [Odyssey]: per. s drevnegrech. V. Zhukovskogo. Moscow, 1985. (In Russ.)
9. Gomerovskie gimny. K Demetre [To Demeter]: per. s drevnegrech. V. V. Veresaeva. *Antichnye gimny* = Ancient hymns. Pod red. A. A. Taho-Godi. Moscow, 1988. (In Russ.)
10. Obidina Ju. S. Predstavlenija o zagrobnom mire v kontekste kolektivnoj pamjati drevnih grekov: opyt Odiseja kak cheloveka «granicy» [Conceptions of the afterlife in the context of the collective memory of the ancient Greeks: the experience of the Odysseus as a man “border”]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2015, no. 1, pp. 38–41. (In Russ.)
11. Sofokl. Tragedii [Tragedy]. Per. s drevnegrech. S. V. Shervinskogo. Moscow, 1988. (In Russ.)
12. Tejlor Je. Pervobytnaja kul'tura [Primitive Culture]. Moscow, 1989. (In Russ.)
13. Jellinskie pojety [Hellenic poets]. Per. V. V. Veresaeva. Moscow, 1963. (In Russ.)
14. Jepos o Gilgameshe («O vse vidavshem») [Epic about Gilgamesh (“Having seen everything”)]. Per. s akkadsckogo I. M. D'jakonova. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
15. Martin L. West The East Face of Helicon: West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth. Oxford: Clarendon Press, 1997.
16. James S. Romm. The edges of the earth in ancient thought Princeton, N. J., 1992.
17. Heinz-Günther Nesselrath. Where the Lord of the Sea Grants Passage to Sailors Through the Deep-Blue Mere no More: The Greeks and the Western Seas. *Greece & Rome* 2005. No 52, pp. 153–171.

Submitted 15.09.2016; revised 15.10.2016

Obidina Yuliya S., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, basiley@mail.ru

УДК 910.4(420)“17/19”:82-992(470)

**НАБЛЮДЕНИЯ ОБ АНГЛИИ И АНГЛИЧАНАХ
В ЭГОДОКУМЕНТАХ И ОТЧЕТАХ РОССИЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

И. Р. Чикалова

Статья посвящена репрезентациям Англии и ее жителей в источниках личного происхождения и отчетах российских путешественников конца XVIII – начала XX веков. Она продолжает серию публикаций автора, посвященных восприятию и изучению Англии в Российской империи. Первоначально благоприятные условия для путешествия российского дворянства за границу появились после манифеста Екатерины II 1762 года. В России растет интерес к истории и культуре Англии, поощряемый официальными властями. Среди дневников путешественников того времени, сохранивших описание Англии и англичан выделяется сочинение Н. М. Карамзина. В журнале «Вестник Европы», основанном этим историком, регулярно публикуются отрывки из травелогов российских путешественников, содержащие познавательные сведения об Англии. Значительный интерес представляют публикации путевых дневников и заметок российских путешественников, побывавших в Англии, в различных российских изданиях (П. П. Свинын, П. И. Сумароков, А. Г. Глаговлев, М. П. Погодин и другие). К литературным произведениям относятся художественно обработанные впечатления посетивших Англию русских писателей – И. С. Тургенева, П. А. Вяземского и И. А. Гончарова. Особую группу источников составляют официальные отчеты о путешествиях-командировках российских ученых и государственных деятелей, а также посетителей Всемирной промышленной выставки в Лондоне 1851 года. Еще один пласт литературы об Англии представлен сочинениями русских подданных, оказавшихся в Англии по политическим мотивам. Определенным рубежом в развитии русско-английских отношений стала Крымская война, которая изменила тональность исследований. Автором отмечается: если до середины XIX столетия мемуарная литература, дневники и записки путешественников были основными источниками сведений об Англии, то к концу века положение изменилось. Этот литературный жанр дополнял общую картину сведений, которые в избытке можно было почерпнуть из множества опубликованных к этому времени научных книг и статей. Тем не менее записки и наблюдения путешественников продолжали пользоваться читательским интересом.

Ключевые слова: Англия, англичане, Россия, путешествия, источники личного происхождения, имагология, конец XVIII – начало XX вв.

Для цитирования: Чикалова И. Р. Наблюдения об Англии и англичанах в эго-документах и отчетах российских путешественников (конец XVIII – начало XX вв.) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 18–35.

Вестернизация российских элит, начавшаяся в годы правления Петра I, для которого эталоном в деле реформирования общества стали европейские страны, шла и при его преемниках, особенно при Екатерине II. Императрица активно поощряла освоение западной культуры и англофильство русских дворян. Своим манифестом

1762 г. она отменила обязательную дворянскую службу, что давало возможность больше времени посвящать личным интересам, а разрешение выезжать за границу закреплялось за дворянством как сословная привилегия. Путешествие за границу стало восприниматься «как возможность своими глазами увидеть достижения европейской культуры, могло быть формой досуга, этапом обучения, приключением, наконец, способом навестить друзей и родных, в силу разных причин оказавшихся за границей» [49, с. 216]. На русский язык стали переводить британских авторов – политэкономов, писателей, публицистов, критиков, моралистов, а детей аристократов начали учить английскому языку. На русском языке выходят романы Г. Филдинга, Т. Дж. Смоллетта, Л. Стерна. Даже сама Екатерина II пыталась переводить Шекспира. Для основанного ею Эрмитажа императрица приобрела, в числе других, полотна английских художников Р. Уокера, У. Добсона, Дж. Райта, сделала несколько заказов знаменитому портретисту Дж. Рейнольдсу. В Петербурге работали живописец Р. Бромптон, создавший портреты императрицы и членов ее семьи, граверы Дж. Уолкер, Дж. Аткинсон, Т. Мэлтон, архитектор Ч. Камерон, впоследствии при Александре I назначенный на должность главного архитектора Адмиралтейства. Не любя французские, т. н. регулярные, парки, Екатерина отдавала предпочтение английским ландшафтным, и для их создания в окрестностях Петербурга были приглашены британские мастера. Английская культура становится популярной, английское влияние поднимается на невысказанную прежде высоту.

Популярность и престижность приобретает в Санкт-Петербурге Английское собрание, или «Англицкий клуб», основанный в 1770 г. «для приятного времяпрепровождения» своих соотечественников, к которым впоследствии присоединились многие русские аристократы и деятели искусства. В 1772 году появляется Московский английский клуб, тогда же начинает действовать *Великая масонская ложа Англии*. В Петербурге растет спрос на английских слуг, преподавателей, гувернеров [56, с. 125; 58; 48]. Посол Франции, историк Луи-Филипп Сегюр, наблюдавший российское общество в конце царствования Екатерины II, писал в своих записках, что «встречал здесь много нарядных дам и девиц, которые говорили на четырех, пяти языках, играли на разных инструментах и в совершенстве знакомы были с произведениями известнейших романистов Англии, Франции и Италии» [16, с. 32]. Известный издатель и просветитель Н. И. Новиков, внесший наибольший для своего времени вклад в дело популяризации просветительской литературы Великобритании (благодаря ему увидели свет труды Локка, Попа, Свифта, Филдинга, Смоллетта, Голдсмита, Стерна, Юнга), в 3-м номере своего сатирического журнала *«Живописец»* в 1772 г. констатировал: «Ныне и мужчины, и женщины стремятся имитировать все английское; все английское теперь кажется нам хорошим, превосходным и наполняет нас энтузиазмом» [56, с. 124].

Англофилами, смотревшими «на Англию с почтением и восторгом», стали такие известные деятели екатерининской эпохи, как граф И. Г. Чернышев, граф А. Р. Воронцов, граф Г. А. Потемкин, княгиня Е. Р. Дашкова и другие, знавшие ее не понаслышке. Блестяще образованный граф А. Р. Воронцов был русским послом в Лондоне. Е. Р. Дашкова много путешествовала по европейским странам, бывала в Лондоне, жила в Эдинбурге, где учился в университете ее сын, у нее в гостях еженедельно бывали Адам Смит, его учитель, историк и философ Адам Фергюсон и другие известные личности, о чем она сообщала в своих записках [17, с. 107–108, 136–142].

Дневники и воспоминания, наряду с художественной литературой того времени, представляют существенный источник изучения представлений русских об Англии и англичанах. Так, результатом длительного путешествия в 1789–1790 гг. в Европу Н. М. Карамзина стал первый отечественный роман-путешествие «Письма русского путешественника», принесший известность его автору. Много страниц в нем (123 из 800) Н. М. Карамзин посвятил описанию Англии, которую он тоже посетил в ходе поездки. Сочинение было опубликовано в нескольких номерах ежемесячного «Московского журнала» [26], но фрагмент «Путешествие в Лондон» впервые был напечатан Н. М. Карамзиным позже, в 1794 г., в альманахе «Аглая»: «Кто скажет вам: “Шумный Лондон!” тот, будьте уверены, никогда не видал его. Многолюден, правда, но тих удивительным образом, не только в сравнении с Парижем, но даже и с Москвою. Кажется, будто здесь люди или со сна не разгулялись, или чрезмерно устали от деятельности и спешат отдыхать. Если бы от времени до времени стук карет не потрясал нерв вашего слуха, то вы, ходя по здешним улицам, могли бы вообразить, что у вас залегли уши. Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты, пьют красное португальское вино, и хорошо, если в десять минут услышите два слова – какие же? “Your health, gentleman!” – “Ваше здоровье!” Мудрено ли, что англичане славятся глубокомыслием в философии? Они имеют время думать. Мудрено ли, что ораторы их в парламенте, заговорив, не умеют кончить? Им наскучило молчать дома и в публичке» [27, с. 673]. В девятой книжке основанного Карамзиным «Вестника Европы» за 1804 г. появилась любопытная публикация – «Россиянин в Лондоне, или Письма к друзьям моим». Она принадлежала майору в отставке *Петру Ивановичу Макарову*, который летом 1795 г. отправился в Лондон без знания английского языка, без средств и рекомендательных писем и прошел пешком часть Англии [30, с. 3–22]¹.

В среде дворянства и образованных людей все больше проявлялись интерес к жизни зарубежных стран и стремление познать их собственными наблюдениями. Не все дневники и воспоминания первой половины и середины XIX века были опубликованы при жизни их авторов, как, например, сохранившийся в архиве английский дневник тогда лейтенанта, а позднее фельдмаршала и военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, посетившего Лондон в 1841 г. [1]. Однако немало их было напечатано и попало в поле зрения соотечественников. Авторами дневников были П. И. Макаров, П. П. Свинын, П. И. Сумароков, Р. Ниберг, А. Г. Глаголев, М. П. Погодин, Н. Греч, Н. Д. Брашман, С. А. Корсаков, И. М. Симонов, А. П. Заблоцкий-Десятовский, К. П. Паулович, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, К. Н. Посьет, А. И. Кошелев и другие. «Как точно подметила О. А. Казнина, все они, «независимо от степени их предшествующего знакомства с английской культурой <...>, передают ощущение поразительной чуждости и непохожести английской культуры на все, с чем их сталкивал прежний опыт странствий. Англию и англичан они показывают глазами наивного чужестранца, “постороннего”, представителя иной цивилизации <...> Под воздействием английского опыта иным становится у русских писателей переживание российской реальности» [23, с. 22–23].

Павел Петрович Свинын много путешествовал по Европе, в 1814–1815 гг. оставался в Англии. Естественно, вел дневники. Свои впечатления он зафиксировал в лондонском дневнике, в основном посвященном театральной жизни [44].

¹ Ее первая часть была опубликована в журнале «Московский Меркурий» (1803. Ч. 1. С. 29–31).

Племянник знаменитого драматурга, писатель и историк, почетный член Виленского университета *Павел Иванович Сумароков* в 1821 г. издал в четырех частях работу «Прогулка за границу». Ее третий том полностью посвящен Англии, в которой он пробыл несколько месяцев в ходе заграничного путешествия 1817–1818 гг. [50]. *Рейнгольд Ниберг* в книге «Путешествие по Германии, Италии, Швейцарии, Франции, Англии и Нидерландам в 1828 и 1829 годах...» дал описание главных городов Европы, различных учреждений (образовательных, благотворительных, лечебных), мест развлечений, увеселений и других достопримечательностей [37]. Критик и теоретик литературы *Андрей Гаврилович Глаголев* издал в 1837 г. «Записки русского путешественника с 1823 по 1827 г.». Пребыванию в Лондоне уделено 25 страниц, заполненных в основном перечислением музеев и общественных зданий [10]. Историк, писатель и публицист, издатель журналов «*Московский вестник*», «*Московский наблюдатель*», «*Москвитянин*», профессор Московского университета *Михаил Петрович Погодин* в заметках «Год в чужих краях» описанию музеев, театров и дворцов Лондона уделил 40 страниц, хотя его пребывание в английской столице длилось всего 5 дней [41]. Журналист, писатель и общественный деятель *Николай Иванович Греч* в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» описал внешний вид Лондона, прессу и издательское дело, детали быта и нравов, отведя Англии примерно 165 страниц в первой части книги [12].

Чешско-русский математик, механик и педагог *Николай Дмитриевич Брашман* в 1842 г. совершил поездку в Германию, Францию и Англию, в ходе которой познакомился с ведущими европейскими математиками и выступил с докладом в присутствии знаменитых математиков разных стран на заседании Британской математической ассоциации в Манчестере. О впечатлениях от поездки рассказал в очерке «Об английских университетах» [3]. Публицист, писатель и переводчик *Сергей Александрович Корсаков* в «Рассказе о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции 1839 г.» уделил Англии 24 страницы, заполненные в основном сведениями из справочников [28].

Участник кругосветного путешествия Беллинсгаузена, профессор, а с 1847 г. ректор Казанского университета, астроном *Иван Михайлович Симонов* оставил «Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году» [45]. Неоднократно бывавший на протяжении 1840-х гг. в командировках за границей публицист, экономист, историк и государственный деятель *Андрей Парфеньевич Заблоцкий-Десятовский* опубликовал в «*Отечественных записках*» «Воспоминания об Англии» [15]. К моменту зарубежного путешествия уже ушедший в отставку ординарный профессор кафедры международного права Харьковского университета *Константин Павлович Паулович* в 1840 г. пробыл в Англии пять месяцев, написав «Замечания о Лондоне» [40]. Его книга явилась самым крупным по объему сочинением об Англии, однако, как заметил и Н. А. Ерофеев, она представляет собой «простой пересказ, порой дословный перевод известного немецкого путеводителя Егера» [13, с. 50]. Все же, несмотря на это, ценность книги для русского читателя была несомненной.

Писатель *Иван Сергеевич Тургенев* 1838–1843 годы провел за границей, а затем дважды приезжал в Англию. Отзвуком этих поездок стали его очерки «Обед в Обществе английского литературного фонда» (1858) и «Письма об Англии» (1879). Оставил воспоминания об Англии и П. А. Вяземский. Ее он посетил осенью 1838 года. Сохранившиеся в архиве воспоминания о поездке были опубликованы

посмертно [6], они проникнуты большой долей скептицизма: «Смотря на Англичанина, особенно в Англии, чувствуешь его нравственное достоинство и силу. И этим, хотя и с грустью пополам, объясняешь себе превосходство и тяжеловесность Английской политики в делах Европы и всего мира. Английский деспотизм обычаев превосходит всякое понятие. В оперную залу не впускают иностранца, если у него серая шляпа в руках. Если едешь на омнибусе и поклонись знакомому на улице, он примет это за неприличие и за обиду. За обедом есть не как едят другие, ставить рюмку не на ту сторону где должно, резать, а не ломать свой ломоть хлеба: все это может погубить человека в общественном мнении; и как ни будь он умен и любезен, а прослышет дикарем» [5, с. 181].

Один из крупнейших русских писателей *Иван Александрович Гончаров* во время кругосветного путешествия в декабре 1852 г. на фрегате русского военно-морского флота «Паллада» в составе экспедиции адмирала Е. В. Путятина вел путевые заметки. По возвращении из путешествия, начиная с 1855 г., после литературной обработки его «Очерки кругосветного плавания» печатались в разных журналах, а в 1858 г. вышли отдельным изданием под названием «Фрегат “Паллада”». Они нашли многочисленного и благодарного читателя, которого увлекали художественность изложения, прекрасный язык, созданные автором образы, картины природы и быта народов. Книга неоднократно переиздавалась, надолго пережив самого автора. Одним из первых пунктов остановки фрегата «Паллада» был Портсмут, откуда И. А. Гончаров посетил Лондон, где, среди прочего, стал свидетелем похорон герцога Веллингтона и наблюдал за поведением иностранных туристов. Писать про Англию и англичан он сначала ничего не хотел, считая эту тему избитой, но потом все же не выдержал и сделал свои английские наблюдения одной из глав «Фрегата “Паллада”». Записки И. А. Гончарова об англичанах довольно саркастичны. Англию он покидал без сожаления. Его товарищ по «Палладе», в будущем выдающийся деятель русского флота, министр путей сообщения *Константин Николаевич Посьет* тоже оставил свои впечатления об Англии, опубликовав в 1855 г. «Письмо с кругосветного плавания» в «*Отечественных записках*» [42].

Что касается содержания большей части «путевых писем», «записок и воспоминаний», «обзрений» (разумеется, речь не идет о крупных литераторах и ученых, не только творчеству, но и «путевым заметкам» которых присущи талант наблюдателя и мастерство рассказа), то их общую оценку дал Н. А. Ерофеев: «Рассказы русских путешественников, подобно всем сочинениям этого жанра, страдали поверхностным знанием, этноцентризмом, а порой и предубеждением. О многих из них можно было бы сказать то же, что в 1829 г. написал “*Вестник Европы*” по поводу рассказов иностранцев о России: “Что за охота господам иностранцам ездить к нам в Россию как будто нарочно для того, чтобы, ничего в ней не видевши, рассказывать после небылицы в лицах, частные случаи представлять в виде господствующих обычаев и причуды одного или двух человек приписывать всему высшему классу или даже всей нации?!” [13, с. 51]. Вслед за Н. А. Ерофеевым и о воспоминаниях русских путешественников можно сказать: «Нас здесь интересует не столько то, что в Англии было на самом деле, сколько то, что видели там русские люди» [13, с. 51].

Помимо большей частью описательных, подчас восхищенных, а иногда и критических заметок о внешней стороне жизни английского общества, публиковались отчеты о поездках, преследовавших профессионально-хозяйственные интересы.

Секретарь Императорского московского общества сельского хозяйства, основатель и редактор «Земледельческого журнала» *Степан Алексеевич Маслов* опубликовал краткий официальный отчет о поездке в Англию и контактах с английскими сельскохозяйственными деятелями [31]. Министерство финансов командировало в Лондон на Всемирную промышленную выставку 1851 г. члена ученого комитета министерства *Леонтия Марковича Самойлова* и профессора Петербургского технологического института *Александра Александровича Шерера*, которые и написали 200-страничное «Обозрение Лондонской всемирной выставки по главнейшим отраслям мануфактурной промышленности». В «Обозрении» были широко показаны достижения промышленности, ввоз и вывоз промышленных изделий в Англию и из нее [42].

Точно так же крупный предприниматель и помещик, известный публицист и общественный деятель, издатель славянофильского «Московского сборника» *Александр Иванович Кошелев* рассказал в очерке «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку» о своем путешествии, двухмесячном пребывании в Англии, впечатлениях от научно-технических достижений, равно как и от самого Хрустального дворца, выдающегося архитектурного сооружения, созданного специально для размещения экспонатов выставки [29]. На пути домой, остановившись в Кельне, он записал в дневнике: «Всемирная выставка произвела в здешних краях прилив народа невероятный: словно вся Германия двинулась – и ученые, и неученые, и ремесленники, и государственные люди, и торговцы, и земледельцы – все стремится в Лондон. Везде разговор один: Выставка, Лондон, Англия, Английская полиция, Английское чувство законности – одним словом на разные лады высказывается одно чувство – чувство удивления к Великобритании; разница только в том, что одни уже на возвратном пути рассказывают о виденном, замеченном, испытанном; другие расспрашивают возвращающихся, желая вперед удостовериться от самовидцев о действительности читанного и слышанного» [29, с. 149].

Еще один пласт литературы об Англии представлен сочинениями русских подданных, оказавшихся в Англии по политическим мотивам, по существу эмигрантов. Участник декабристского движения *Николай Иванович Тургенев* с 1824 г. находился за границей, в 1825 г. был заочно приговорен к смертной казни и вернулся в Россию лишь в 1858 г. В 1826–1833 г. жил в Англии, затем во Франции. Его впечатления об Англии первоначально были опубликованы на французском языке в книге «Россия и русские» (1847). В переводе на русский язык первый том этого сочинения под названием «Воспоминания изгнанника» появился в 1915 г. под редакцией А. А. Кизеветтера [54, с. 137–141]. Его брат *Александр Иванович Тургенев* с 1825 г. жил преимущественно за границей, 4 раза (в 1826, 1828, 1835 и 1836 гг.) приезжал в Англию, оставил дневниковые записи. Однако они стали доступны читателю только в 1964 г. [53]. С 1852 по 1864 г. жил в Англии революционер *Александр Иванович Герцен*, посвятивший ей страницы в «Былом и думах»: «Нет города в мире, который бы отучал от людей и больше приучал к одиночеству, как Лондон. <...> Кто умеет *жить* один, тому нечего бояться лондонской скуки» [7, с. 517]. Герцен невзлюбил Англию и англичан. Встречающиеся в его письмах ближайшим друзьям характеристики людей и страны уничижительны: «Англичане просто низшая порода людей, они положительно глупы и удивительно дурно воспитаны» [9, с. 324] ... «Я полагаю, что есть необходимость, очень важная притом, для психической гигиены, – dann und wann оставлять Англию, чтоб больше уважать ее и больше получить к ней отвращения. Меня поражает на каждом шагу – громкий

разговор, хохот, незнакомые говорят в вагонах, курят – на станциях везде большие буфеты – люди бегают, едят с хохотом пирожки, пьют коньяк, и только англичане так же противно не люди, как и в Англии. Все в задумчивом столбняке. Да, это большое несчастье – что нельзя выехать (а разумеется, нельзя) из Англии» [8, с. 294].

После окончания Крымской войны, во второй половине 1850-х гг. в России заметно ослабились цензурные ограничения, смягчилась политика в сфере образования. С 1857 года была возобновлена практика командирования наиболее способных выпускников университетов в заграничные научные центры. Эпоха, отмеченная духом реформ Александра II, открыла российским ученым дорогу к научному изучению истории, экономики и политики Англии. Этому процессу уже не смогут помешать повороты в российско-английских отношениях, хотя, несомненно, они сказывались на тональности исследований. С начала 1860-х годов, особенно после принятия университетского устава 1863 г., заграничные командировки российских выпускников университетов с целью приготовления к профессорскому званию вошли в обычай.

Из Петербургского университета в двухгодичную заграничную командировку был отправлен *Василий Васильевич Бауер*, с чьим именем связано начало планомерного и регулярного преподавания и изучения в Санкт-Петербургском университете новой истории. В ходе поездки, помимо немецких и французских университетских городов, он посетил также Лондон и Оксфорд, о чем отчитался на страницах «*Журнала Министерства народного просвещения*» [38, с. 43–56]. Из Харьковского университета несколько путешествий за границу (1858–1859, 1864, 1866, 1868 и 1870) предпринял *Дмитрий Иванович Каченовский*. В ходе их он посетил Лондон и Оксфорд, застал избирательную кампанию в Англии, что позволило ознакомиться с приемами предвыборной агитации в стране. Свои впечатления Д. И. Каченовский обстоятельно заносил в дневник. Отчет о первой поездке за границу он напечатал в Харькове в 1860 г. [39], заметки о следующих путешествиях остались в рукописи.

«*Журнал Министерства народного просвещения*» был не только наполнен материалами о состоянии образования в зарубежных странах, в том числе и в Англии, но и регулярно печатал отчеты российских стипендиатов об их пребывании в заграничных научных центрах. Работа по ознакомлению с иностранными образовательными системами стала одним из важных направлений не только для этого журнала, но и для других периодических изданий. Не остался в стороне «*Русский вестник*», который в 1864 г. в четырех номерах поместил материал о порядках в Оксфордском университете¹. Редакцию привлекло то, что автор, *Николай Роу*², сам бывший студент Оксфорда, «передает действительные события, имея в виду главным образом представить верный очерк английской университетской жизни».

Впоследствии разные журналы помещали очерки об английских университетах, написанные В. Н. Александренко, А. С. Окольским, П. Г. Мижуевым, П. Н. Милюковым, К. А. Тимирязевым, К. И. Цветковым на основе их личных впечатлений. «*Мир Божий*» напечатал очерк *Павла Николаевича Милюкова* о практике организации летних университетов для широкой публики на примере одного из подобных

¹ Роу Н. Университетская жизнь в Англии. Воспоминания бывшего студента // Русский вестник. 1864. № 6. Т. 51. С. 498–451; № 7. Т. 52. С. 272–321; № 8. Т. 53. С. 690–727; № 9. Т. 54. С. 217–252.

² Николай Роу в 1861–1862 гг. за подписью «Н. Р.» помещал корреспонденции из Лондона в «Современной летописи».

начинаний в Кембридже [32]. В двух номерах «Вестника Европы» за 1909 г. был помещен подробный рассказ выдающегося естествоиспытателя *Климента Аркадьевича Тимирязева* о поездке в Кембридж в связи с юбилейными торжествами по случаю 100-летнего юбилея Дарвина [52]. В разгар Первой мировой войны в «Историческом вестнике» за подписью *К. И. Цветков* появилось еще одно описание поездки в Кембриджский университет группы российских подданных, состоявшейся незадолго до ее начала [57]. Очерк был проиллюстрирован фотографиями и изобилует интересными для русского читателя наблюдениями и детальными подробностями жизни студенческой и профессорской университетской корпорации Кембриджа, содержал сравнения с российскими университетами.

Расширение университетского образования, чтение лекционных курсов по истории, политике, экономике Англии не могло не расширить круг интересующихся английскими порядками, жизнью англичан вообще. Записки путешественников всегда были в моде и публиковались не только в журналах, но и выходили отдельными изданиями. Среди них «Очерки заграничной жизни» *Алексея Ивановича Забелина*. В них два письма – тринадцатое («От Парижа до Лондона») и четырнадцатое («Лондон») [14] – посвящены путешествию в Англию, со множеством любопытных личных наблюдений. Вот одно из них: «Редко удавалось мне видеть Англичанина, который бы путешествовал один: почти всегда ему сопутствует жена, богатые же едут с целым семейством. <...> Замечательно, что Англичане не только мужчины, но и женщины в вагонах постоянно смотрят в свой английский гид (у Англичан свои гиды и самые лучшие из всех, напечатанных на всех языках) и на карты, при нем находящиеся и каждый имеет свою маленькую записную книжку, в которую и вписывает свои дорожные заметки. Англичане, таким образом, путешествуя вдвоем, не скучают и не имеют нужды заводить знакомства в вагоне; они сидят себе рядом или друг против друга и ведут свою родную беседу. Наоборот, как только ввалится в вагон Русский или Немец, особенно Француз, сей час же начинаются знакомство и болтовня, иногда самая утомительная и неприятная для лиц посторонних» [14, с. 298–299].

После ослабления цензуры журналы стали важнейшим рупором российской интеллигенции. Каждый журнал проводил определенную философско-политическую линию и рассчитывал на определенный читательский круг. В журналах появились подробные «иностранные обозрения». На массового читателя ориентировался журнал универсального содержания «Библиотека для чтения» – первый в России многотиражный ежемесячный толстый журнал, основанный еще в 1834 году. Занимая умеренно либеральные позиции, он продолжал издаваться вплоть до 1865 г. в Петербурге. К примеру, только в одном его выпуске – 6 – за 1855 г. материалам о Великобритании было отведено более 120 страниц. На его страницах была помещена статья «Англия», представлявшая собой путеводитель по всем сторонам жизни страны (географическое положение, территория и население, климат, почвы, растительность, национальный характер англичан, валлийцев и ирландцев, земледелие, скотоводство, промышленность, внутренняя и внешняя торговля, богатство и бедность, церкви, государственные учреждения и политическое устройство, личные права граждан, судебные учреждения, военные силы).

Вне зависимости от идейной направленности журнала статьи и очерки на «английскую» тему печатали все издания. Время от времени на страницах журналов появлялись очерки и статьи авторов, более или менее длительное время живших

в Англии и делившихся о ней своими впечатлениями. В 1859 году «*Современник*» в четырех номерах опубликовал «Лондонские заметки» публициста и писателя *Михаила Ларионовича Михайлова*, посетившего британскую столицу в феврале – марте 1859 года. В Лондон одновременно приехали Шелгуновы, с ними Михайлов поселился в пансионе в центре города. Все достопримечательности Лондона гостям показывал Герцен, который, по воспоминаниям Л. П. Шелгуновой, «ходил с мужчинами на митинг воров, в ночлежные дома, вообще был очень радушен» [59, с. 91]. «Лондонские заметки» писались М. Л. Михайловым уже по приезде в Петербург, что дало писателю возможность обобщить наблюдения и изложить их систематично¹ [33].

Видные деятели публиковались в «*Русском вестнике*». На страницах журнала только за период 1856–1862 гг. было опубликовано несколько десятков очерков и статей, касавшихся вопросов общественно-политической жизни Англии, развития ее промышленности и сельского хозяйства, права, науки и искусства; кроме того, публиковались статьи авторитетных иностранных авторов, посвященные отдельным аспектам социальной жизни и экономике страны. При этом создавался идеализированный образ Англии. Она представлялась страной, где все самое лучшее – не только политический строй, но и «лучшие породы собак, свиней, коров, овец, кур и пр. «Англия должна была служить воплощением представлений авторов журнала о хорошо устроенном государстве» [55, с. 12]. Темы, нарушавшие восприятие Англии как образца, обходились молчаливым, как будто их не существовало, что было «сознательно избранным способом пропаганды политических взглядов» редакции [51, с. 64].

Свои наблюдения и статьи в «*Русском вестнике*» помещали чиновники, по роду своей деятельности связанные с Англией, например, представитель российского министерства финансов в Лондоне *Гавриил Павлович Каменский* [24], чиновник министерства иностранных дел *Дмитрий Алексеевич Капнист*. В 1860 году журнал опубликовал материал члена комиссии по подготовке судебной реформы *Митрофана Ивановича Зарудного* «Английские суды» [18]. В условиях подготовки судебной реформы служащие министерства юстиции отправлялись в командировки, главным образом в Англию и Францию, чтобы на практике ознакомиться с организацией третьей ветви власти. Отчеты юристы публиковали, вписывая их в контекст конкретной страны. Так, М. И. Зарудный в качестве фона своих личных впечатлений от судебной и пенитенциарной системы Англии избирает практически пасторальную картину жизни ее провинции. Но и в характеристиках Лондона – одного из больших и имевших высокий уровень преступности городов мира – прослеживается невольное любовное отношение к ней, насколько право пронизывает жизнь англичан. Зарудному принадлежали и другие публикации, например, «Очерк шотландского судоустройства», «Различные виды присяжных в Англии и Шотландии» [20; 21; 22]. Впоследствии они вошли в его книгу «Общественный быт Англии» [19], которой он предпослал 46 страниц очерков и воспоминаний о некоторых городах Англии, Шотландии, Ирландии (Лондоне, Глазго, Эдинбурге, Бенгоре, Дублине, Корке, Галвее), постаравшись, как он писал, «придать практическое значение своим заметкам, сделать из них краткий *путеводитель* для будущих наших путешественников» [19, с. 8].

¹ Михайлов М. Л. Лондонские заметки // *Современник*. 1859. № 6. С. 219–238; № 7. С. 1–16; № 8–9.

Если в первой половине и середине XIX столетия мемуарная литература, записки путешественников были основными источниками сведений об Англии, то к концу века положение изменилось. Этот литературный жанр дополнял общую картину сведений, которые в избытке можно было почерпнуть из множества опубликованных к этому времени научных книг и статей. Тем не менее записки и наблюдения путешественников продолжали пользоваться читательским интересом. Наиболее крупной в жанре записок путешественников стала книга *А. Вадина* «Лондон. Заметки и впечатления» [4], автор которой так определяет цель своего описания британской столицы: представить в ряде легких, живых очерков «картину лихорадочно деятельной и дышащей, по словам Виктора Гюго, “всеми живыми силами прогресса” жизни современного Лондона». В соответствии со своим планом Вадин показывает Лондон в разных его ипостасях – от общей панорамы, до его отдельных, составных миров. Перед глазами читателя проходит Лондон «финансовый и торговый, официальный и политический, научный, литературный и журнальный, артистический и театральный, аристократический и плебейский, уличный и трущобный» [4].

Несколько книг путевых заметок принадлежат *Константину Аполлоновичу Скальковскому*. Горный инженер по профессии, он был и административным деятелем, и знатоком балета, и много путешествовавшим писателем-публицистом. В одной из своих книг путевых впечатлений [46] он описывает свое пребывание в Лондоне и впечатления от города – перемены в организации жизни, облик города, цены, кухня, концертная и театральная жизнь: «Я не был в Лондоне слишком двадцать лет и нашел в нем очень большие перемены. Уже на железной дороге заметно влияние постоянных путешествий англичан на континент. Хотя станционные здания очень скромны, вагоны тесны и неудобны, поезда приходят и уходят без звонков, предоставляя публике разбираться самой, но кондукторы и другие служащие очень вежливы и предупредительны. Я не разинул рта, а мой багаж был получен с бельгийского парохода, досмотрен в таможне и уложен в поезд. В городе также огромные перемены: во-первых, он стал гораздо опрятнее; прежде чистили только траву в скверах, в настоящее время отличную мостовую на главных улицах, деревянную или асфальтовую, метут беспрерывно, тротуары чисты и гладки, дома, крашенные масляною краскою моют часто мылом» [46, с. 135–136].

Крупнейшей в мемуарном жанре была книга «Столицы мира» драматурга и публициста *Петра Дмитриевича Боборыкина*, завершенная им в 1897 г. и изданная в конце 1911 года [2]. Все пятнадцать глав книги насыщены наблюдениями и сравнениями двух «столиц мира» – Парижа и Лондона, культуры и жизни двух стран и их жителей на протяжении тридцати лет, с 1865 по 1895 год. Здесь мы встретим рассуждения автора о всемирном значении двух столиц, об их роли в качестве центров государственной и общественной жизни, устройстве городской жизни, городских достопримечательностях, университетской корпорации и личных знакомствах автора с мыслителями и учеными, литературном процессе, художественной и театральной жизни, периодической печати и ее нравах, социальном вопросе и пропаганде социализма и анархизма, семейных нравах и повседневной жизни жителей двух столиц, молодежи и ее воспитании в школе и университете.

К своим лондонским впечатлениям Боборыкин вновь обращается в опубликованных уже после его ухода из жизни воспоминаниях: «Ни один город в Европе не дает этого впечатления громадной материальной и культурной мощи, как британская

столица. После лондонских уличных «пережитков» и парижское движение в самых деловых кварталах кажется «средней руки». И этот «контраст» с десятками лет вовсе не уменьшился. Напротив! Двадцать восемь лет спустя, в третье мое пребывание в Лондоне, он сделался еще грандиознее и красивее – с новыми набережными. И опять, попадая прямо оттуда в Париж, и во второй половине 90-х годов вы не могли не находить, что он после Лондона кажется меньше и мельче, несмотря на то что он с тех пор (то есть с падения империи) увеличился в числе жителей на целых полмиллиона! <...> Размеры и напряженность уличной лондонской жизни – вот что дает это впечатление громадности. И жизнь во всех ее проявлениях так огромна и типична, что вы очень быстро забываете всю красивую, милую, нарядную и тоже по-своему обширную жизнь французской столицы. Вы так же быстро миритесь с однообразием улиц, где ряды закоптелых кирпичных домов стоят без малейшего намека на архитектурную красоту, где торговый и промышленный склад накладывает на все свою лапу и не дает вам ничего красивого и привлекательного. Но все это бледнеет перед мощью энергической жизни, перед накоплением ценностей, перед картинами не одной только телесной, но и духовной энергии. И рядом со всем этим вы и здесь, и там, и на больших пространствах находите то, что вам не даст Париж – ни такой реки, ни такой пристани, ни таких домов, ни таких парков, ни таких зданий, как парламент, ни таких катаний, как в Гайд-Парке, ни таких народных митингов, как на Трафальгар-Сквере» [2, с. 449, 482–483].

Под влиянием туристического подъема рубежа XIX–XX веков в стране стали издаваться иллюстрированные журналы «Поездки за границу», «Русский путешественник», «Русский турист», на страницах которых также находил отражение опыт заграничного путешествия. Редакторы этих изданий с целью привлечения читателей стремились к сотрудничеству с известными литераторами и очеркистами. На их страницах помещались путевые заметки, рекламные объявления, путеводители. Рост выездного туризма вызывал необходимость иметь на русском языке книги-путеводители. И хотя Англия по разным причинам привлекала русских путешественников гораздо меньше, ей тоже нашлось место в путеводителях. В 1911 году Обществом распространения технических знаний была издана предназначенная для широкого читателя, снабженная иллюстрациями и картами книга-путеводитель по Лондону [47]. В ней содержался краткий исторический очерк города, была описана его структура и управление, представлены частные просветительские учреждения, исторические и архитектурные памятники, музеи, библиотеки, художественные галереи, концертные залы. Специальный раздел был посвящен рабочим кварталам города. В одном из путеводителей, составленном лицензиатом Парижского университета (как указывалось в выходных данных) Алексеем Павловичем Ненашевым, имелся раздел, посвященный Англии [36]. В другом его путеводителе в качестве самостоятельного туристического объекта был представлен Лондон [35]. Как писал Ненашев в предисловии, «взяв за образец, лучшие из иностранных, мы стремились в своих путеводителях избегать малоинтересных подробностей, но зато дали исчерпывающие сведения о всем, что достойно внимания русского интеллигентного туриста» [35, с. V].

К рубежу веков путешествия, занятия спортом, чтение газет и журналов, посещение кинотеатров, библиотек, музеев, концертов и театров стали доступными для многих из тех, кто раньше не мог об этом и помышлять. Собрания шедевров мировой художественной культуры превратились в общедоступные музеи, например,

Британский музей и Национальная галерея в Лондоне. В европейских столицах, а также в крупных городах и исторических центрах регулярно проводились художественные и промышленные выставки, привлекавшие тысячи посетителей. Лишь финансовые возможности диктовали выбор мест посещения, которых было в изобилии для удовлетворения как взыскательного вкуса, так и скромных притязаний. 27 тысяч – столько в среднем ежегодно выдавалось в России заграничных паспортов в начале XX ст. Российские подданные, имевшие материальную возможность путешествовать, устремлялись за границу, где им были обеспечены как безопасность и комфорт, так и разнообразные развлечения. Впитанными впечатлениями делились в письмах. Наблюдения фиксировались в дневниках, они во множестве публиковались в форме очерков и зарисовок на страницах периодических изданий.

Список использованных источников

1. Английский дневник Д. А. Милютина 1841 г. Публикация Н. А. Ерофеева // Проблемы британской истории. М.: Наука, 1974. С. 188–217.
2. Боборыкин П. Д. Столицы мира: (тридцать лет воспоминаний). М.: Сфинкс, [1911]. 516 с.
3. Брашман Н. Д. Об английских университетах // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. 3. Кн. 4. С. 1–30.
4. Вадин А. Лондон. Заметки и впечатления / с илл. Г. Доре. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1883. 168 с.
5. Вяземский П. А. Об Англии // Казнина О. «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945.
6. Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1883. Т. 8.
7. Герцен А. И. Лондонские туманы // Герцен А. И. Былое и думы. Л.: ОГИЗ, 1947.
8. Герцен А. И. Н. П. Огареву и Н. А. Тучковой-Огаревой. Брюссель, 2 октября 1859 г. // Герцен А. И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 26. Июнь 1856 – декабрь 1859 гг. М., 1962.
9. Герцен А. И. Рейхель М. К. Лондон, 31 декабря 1855 г. // Герцен А. И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 25. Письма 1853–1856 годов. М., 1961.
10. Глаголев А. Записки русского путешественника А. Глаголева, с 1823 по 1827 год: в 4 частях. Ч. 4: Париж. Лондон. Германия. СПб.: Тип. Императорской российской акад., 1837.
11. Гончаров И. А. От Кронштадта до мыса Лизарда // Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия Ивана Гончарова в двух томах. СПб.: Изд. А. И. Глазунова, 1858.
12. Греч Н. Путевые письма из Англии, Германии и Франции: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. VIII, 254 с.
13. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982.
14. Забелин А. Письмо XIII: От Парижа до Лондона; Письмо XIV: Лондон // Забелин А. Очерки заграничной жизни. М.: Изд. Книгопродавца А. Ф. Черенина. 1861. С. 295–374.
15. Заблоцкий А. П. Воспоминания об Англии // Отечественные записки. 1849. Т. 81. № 1, 2. С. 305–412.
16. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789) / пер. с франц. с примеч. переводчика. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865.
17. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой / пер. с англ. [Г. Е. Благосветлова; с предисл. А. И. Герцена]. London: Trubner & Co, 1859. С. 107–108, 136–142.
18. Зарудный М. И. Английские суды. Из путевых заметок // Русский вестник. 1860. № 8. Кн. 1. С. 481–502.
19. Зарудный М. И. Общественный быт Англии: Очерки земства, города и суда с характеристикою соответствующих учреждений Франции и современных преобразований в России. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1865. [4], 212 с.

20. Зарудный М. Очерк шотландского судостроения // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 1. С. 81–106.
21. Зарудный М. Различные виды присяжных в Англии и Шотландии // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 7. С. 13–36.
22. Зарудный М. Суды общего права и справедливости в Англии // Журнал Министерства юстиции. 1862. Т. 14.
23. Казнина О. Англия глазами русских // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945 / подг. О. А. Казнина, А. Н. Николокин. М.: РОССПЭН, 2001.
24. Каменский Г. Эпизоды из английской жизни // Русский вестник. 1860. Т. 29. № 9. Кн. 2. Современная летопись. С. 89–106.
25. Капнист Д. А. Местное самоуправление в Англии // Русский вестник. 1863. Т. 48. Кн. 11. С. 112–136.
26. Карамзин Н. Н. Письма русского путешественника // Московский журнал. 1791–1792.
27. Карамзин Н. Н. Письма русского путешественника // Сочинения Карамзина: в 9 т. М.: Тип. Силивановского, 1814. Т. 2.
28. Корсаков С. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н. А. Корсакова в 1839 году. М.: Тип. Н. Эрнста, 1844. 112 с.
29. Кошелев А. И. Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку. М.: Тип. Ал. Семена, 1852. [2], 99 с.
30. Макаров П. И. Россиянин в Лондоне, или Письма к друзьям моим // Вестник Европы. 1804. Кн. 9.
31. Маслов С. А. О поездке по Англии в 1851 году: [Донесение неперемного секр.] [Моск. о-в сельск. хоз.]. М.: Тип. А. Семена, 1851. 22 с.
32. Милуков П. Н. Летний университет в Англии (Из поездки в Кембридж) // Мир Божий. 1894. № 5. С. 194–206.
33. Михайлов М. Л. Лондонские заметки // Современник. 1859. № 6. С. 219–238.
34. Ненашев А. П. Бельгия, Голландия и Лондон: С карт. ж. д. Бельгии, Голландии и юго-вост. части Англии и планами Брюсселя, Антверпена и Лондона. М.: И. Кнебель, 1911. 297 с.; 2-е изд., доп. новыми сведениями и изм. по 1 мая 1914 г. М.: И. Кнебель, 1914. 303 с.
35. Ненашев А. П. Бельгия, Голландия и Лондон: С карт. ж. д. Бельгии, Голландии и юго-вост. части Англии и планами Брюсселя, Антверпена и Лондона. М.: И. Кнебель, 1911. С. V.
36. Ненашев А. П. Путеводитель по Западной Европе: (Германия, Бельгия, Англия, Франция, Италия, Швейцария и Австро-Венгрия). 2-е изд., просмотр. и испр. М.: Д. П. Ефимов, 1901. XVI, 272, 32 с., 13 л. карт., план.
37. Ниберг Р. Путешествие по Германии, Италии, Швейцарии, Франции, Англии и Нидерландам в 1828 и 1829 годах доктора Р. Ниберга, содержащее описания главных городов Европы, учебных, богоугодных и лечебных заведений, увеселительных мест и других достопримечательностей: Ч. 1–3. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1831. Ч. 1. 1831. 246, [8] с.; Ч. 3. 1831. 222, [3] с.
38. О преподавании истории в германских и английских университетах (Отчеты магистра В. Бауэра) // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. Часть СХII. № 10–12. Отд. 3. С. 43–56.
39. Отчет о путешествии по Западной Европе профессора Д. Каченовского в 1858–59 годах. Харьков: Унив. тип., 1860. [2], 47 с.
40. Паулович К. П. Замечания о Лондоне: Отрывки из путешествия по Европе, части Азии и Африки. Харьков: Унив. тип., 1846. [8], XIV, 530, XVI с.
41. Погодин М. П. Год в чужих краях (1839): Дорожный дневник. Ч. 1–4, Ч. 2–4: Тип. Н. Степанова. М.: Унив. тип., 1844.
42. Посыет Н. К. Письмо с кругосветного плавания // Отечественные записки. 1855. Кн. 3. С. 1–26; Кн. 4. С. 116–127.
43. Самойлов Л. М., Шерер А. А. Обзорение Лондонской всемирной выставки по главнейшим отраслям мануфактурной промышленности. СПб.: в тип. Департамента внешней торговли, 1852. X, 212 с.
44. Свиньин П. П. Ежедневные записки в Лондоне. СПб.: Тип. Воспит. дома, 1817. VIII. 249 с.
45. Симонов И. М. Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году профессора Симонова. Казань: Унив. тип., 1844. [6], 335 с.
46. Скальковский К. Лондон и Париж // Скальковский К. Новые путевые впечатления. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889. С. 135–164.

47. Соколов А. В. Лондон / Геогр. комис. при Учеб. отд. О[-во] Р[аспространения] Т[ехн]. З[наний]. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911. 187 с.: ил., карт. Авт. установлен по изд.: Книжная летопись за 1911 г., № 4542.
48. Солодянкина О. Ю. Иностранцы-гувернантки в России: (вторая половина XVIII – первая половина XIX веков). М.: Academia, 2007. 511 с.
49. Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2010.
50. Сумароков П. И. Прогулка за границу. Ч. 1–4. СПб., 1821. Ч. 3. 436 с.
51. Твардовская В. А. Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850-х – 1860-х гг. // Освободительное движение. 1975. № 4.
52. Тимирязев К. А. Кэмбридж и Дарвин (Из воспоминаний о празднествах 22–24 июня) // Вестник Европы. 1909. Кн. 11. С. 238–263; Кн. 12. С. 682–706.
53. Тургенев А. И. Дневник в Англии // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826) / Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.: Наука [Ленингр. отд.], 1964. С. 392–424.
54. Тургенев Н. Россия и русские. М.: Кн-во К. Ф. Некрасова, 1915. Т. 1: Воспоминания изгнанника / пер. Н. И. Соболевского под ред. А. А. Кизеветтера. С. 137–141.
55. Удалова Т. В. Русская публицистика конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. об общественно-политическом и экономическом развитии Англии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.
56. Уткин А. А. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000.
57. Цветков К. И. Поездка в Кембридж // Исторический вестник. 1916. Т. 143. Январь. С. 257–278.
58. Чеснокова А. Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: немцы, французы, британцы, 1703–1917: историко-краеведческие очерки. СПб.: Сатис, 2003. 332 с.
59. Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого: Переписка Н. В. Шелгунова с женой / [сост.] Л. П. Шелгунова. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1901.

Поступила 29.06.2016; принята к публикации 29.07.2016

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет, Республика Беларусь, г. Минск, *irinachikalova@gmail.com*

**OBSERVATIONS ABOUT ENGLAND AND THE ENGLISH
IN EGO DOCUMENTS AND RECORDS OF RUSSIAN TRAVELERS
(THE END OF XVIII – EARLY XX CENTURIES)**

I. R. Chikalova

The article is devoted to representations of England and its inhabitants in the sources of personal origin and records of Russian travelers late XVIII – early XX centuries. It continues a series of author's publications devoted to the study of perception of Britain in the Russian Empire. This literary genre complement the overall picture of information which in excess can be gleaned from a variety of published by this time of scientific books and articles. Nevertheless, notes and observations of travelers continued to use the reader's interest. Initially, favorable conditions for the Russian nobility travelling abroad came after the manifesto of Catherine II in 1762. In Russia an interest in the history and culture of England is growing, encouraged by the authorities. Among the diaries of travelers of the time kept the description of England and the English people, essay by N. M. Karamzin stands. In the magazine "Herald of Europe" based by this historian excerpts from travelogues of Russian travelers containing educational information about England are published regularly. Of considerable interest are the publications

of the travel diaries and notes of Russian travelers who visited England in various Russian periodicals (P.P. Svinin, P.I. Sumarokov, A.G. Glagolev, M.P. Pogodin and others). Artistically processed impressions of Russian writers Ivan Turgenev, PA Vyazemsky and Goncharov, who visited England, belong to literary works. A special group of sources is made by official reports about travel-trips of Russian scientists and statesmen, as well as visitors of the World Industrial Exhibition in London in 1851. Another layer of the literature of England is represented by the works of Russian citizens stranded in England for political reasons. A definite milestone in the development of Russian-British relations was the Crimean War, which changed the tone of research. The author notes, if, before the middle of the XIX century memoirs, diaries and notes of travelers were the main sources of information about the UK, by the end of the century the situation changed. This literary genre complemented the overall picture of information which in excess can be gleaned from a variety of scientific books and articles published by this time. Nevertheless, notes and observations of travelers continued to use the reader's interest.

Keywords: England, the British, Russia, travels, ego-documents, travel reports.

Citation for an article: Chikalova I. R. England, the British, Russia, travels, ego-documents, travel reports, the end of the XVIIIth – the beginning of the XXth centuries. West – East. 2016, no. 9, pp. 18–35.

References

1. Anglijskij dnevnik D. A. Miljutina 1841 g. Publikacija N. A. Erofeeva [English diary by D. A. Milutin 1841. Publication by N. A. Erofeev]. *Problemy britanskoj istorii* = Problems of British history. Moscow: Nauka, 1974, pp. 188–217. (In Russ.)
2. Boborykin P. D. Stolicy mira: (tridcat' let vospominanij) [Capitals of the world: (thirty years of memories)]. Moscow: Sfinks, [1911], 516 p. (In Russ.)
3. Brashman N. D. Ob anglijskih universitetah [About English universities]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* = Journal of the Ministry of Education. 1843, ch. 3, kn. 4, pp. 1–30. (In Russ.)
4. Vadin A. London. Zametki i vpechatlenija [London. Notes and Impressions]. S ill. G. Dore. St. Petersburg: Tip. S. Dobrodeeva, 1883, 168 p. (In Russ.)
5. Vjazemskij P. A. Ob Anglii [About England]. *Kaznina O. «Ja bereg pokidal tumannyj Al'biona...»*. *Russkie pisateli ob Anglii* = Kaznina O. "I left the beach of Albion ...". Russian writers of England. 1646–1945. (In Russ.)
6. Vjazemskij P. A. Staraja zapisnaja knizhka [Old notebook]. *Vjazemskij P. A. Polnoe sobranie sochinenij* = Vyazemskij P. A. Complete collection of works. St. Petersburg: Izd. gr. S. D. Sheremeteva, 1883, t. 8. (In Russ.)
7. Gercen A. I. Londonskie tumany [London fogs]. *Gercen A. I. Byloe i dumy* = Herzen A. I. Past and Thoughts. L.: OGIZ, 1947. (In Russ.)
8. Gercen A. I. N. P. Ogarevu i N. A. Tuchkovej-Ogarevoj. Brjussel', 2 oktjabrja 1859 g. [To N. P. Ogarev and N. A. Tuchkova-Ogaryovo. Brussels, 2 October 1859]. *Gercen A. I. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah* = A. Herzen. Collected Works in thirty volumes. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, t. 26. Ijun' 1856 – dekabr' 1859 gg. Moscow, 1962. (In Russ.)
9. Gercen A. I. Rejhel' M. K. London, 31 dekabrja 1855 g. [Reichel M. K. London. December 31, 1855]. *Gercen A. I. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah* = A. Herzen. Collected Works in thirty volumes. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, t. 25. Pis'ma 1853–1856 godov. Moscow, 1961. (In Russ.)
10. Glagolev A. Zapiski russkogo puteshestvennika A. Glagoleva, s 1823 po 1827 god: v 4 chastjah. Ch. 4: Parizh. London. Germanija [Notes of Russian traveler A. Glagolev, from 1823 to 1827: in 4 parts. Part 4: Paris. London. Germany]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoj rossijskoj akad., 1837. (In Russ.)
11. Goncharov I. A. Ot Kronshtadta do mysa Lizarda [From Kronstadt to Cape Lizard]. *Goncharov I. A. Fregat «Pallada»*. *Ocherki puteshestvija Ivana Goncharova: v dvuh tomah* = Goncharov I. A. Frigate "Pallada". Travel Sketches of Ivan Goncharov in two volumes. St. Petersburg: Izd. A. I. Glazunova, 1858. (In Russ.)
12. Grech N. Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii: v 3 ch. [Travel letters from England, France and Germany: in 3 parts]. Ch. 1. St. Petersburg: Tip. N. Grecha, 1839. VIII, 254 p. (In Russ.)

13. Erofeev N. A. Tumannyj Al'bion: Anglija i anglichane glazami russskih. 1825–1853 gg. [Albion England and the English by Russian eyes. 1825-1853]. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)
14. Zabelin A. Pis'mo XIII: Ot Parizha do Londona; Pis'mo XIV: London [Letter XIII: From Paris to London; Letter XIV: London]. *Zabelin A. Očerki zagranichnoj zhizni* = A. Zabelin Essays life abroad. Moscow: Izd. Knigoprodavca A. F. Cherenina, 1861, pp. 295–374. (In Russ.)
15. Zablokij A. P. Vospominanija ob Anglii [Memories of England]. *Otechestvennye zapiski* = Notes of the Fatherland. 1849, t. 81, no. 1, 2, pp. 305–412. (In Russ.)
16. Zapiski grafa Segjura o prebyvanii ego v Rossii v carstvovanie Ekateriny II (1785–1789) [Notes of graph Segur about his stay in Russia during the reign of Catherine II (1785-1789)]. Per. s franc. s primech. perevodchika. St. Petersburg: Tip. V. N. Majkova, 1865. (In Russ.)
17. Zapiski knjagini E. R. Dashkovej, pisannye eju samoj [Notes by Princess E. Dashkova, written by herself]. Per. s angl. [G. E. Blagosvetlova; s predisl. A. I. Gercena]. London: Trubner & Co, 1859, pp. 107–108, 136–142. (In Russ.)
18. Zarudnyj M. I. Anglijskie sudy. Iz putevyh zametok [English courts. From the travel notes]. *Russkij vestnik* = Russian messenger. 1860, no. 8, kn. 1, pp. 481–502. (In Russ.)
19. Zarudnyj M. I. Obshhestvennyj byt Anglii: Očerki zemstva, goroda i suda s harakteristikoj sootvetstvujushchih uchrezhdenij Francii i sovremennyh preobrazovanij v Rossii [Public life of England: Essays of district council, city and ships with the characteristics of the relevant institutions in France and modern transformations in Russia]. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i K^o (N. Nekljudova), 1865, [4], 212 p. (In Russ.)
20. Zarudnyj M. Očerok shotlandskogo sudoustrojstva [Essay on the Scottish judicial system]. *Zhurnal Ministerstva justicii* = Journal of the Ministry of Justice. 1862, no. 1, pp. 81–106. (In Russ.)
21. Zarudnyj M. Razlichnye vidy prisjaznyh v Anglii i Shotlandii [Different types of jury in England and Scotland]. *Zhurnal Ministerstva justicii* = Journal of the Ministry of Justice. 1862, no. 7, pp. 13–36. (In Russ.)
22. Zarudnyj M. Sudy obshhego prava i spravedlivosti v Anglii [Courts of common law and equity in England]. *Zhurnal Ministerstva justicii* = Journal of the Ministry of Justice. 1862, t. 14. (In Russ.)
23. Kaznina O. Anglija glazami russskih [England by Russian eyes]. «*Ja bereg pokidal tumannyj Al'biona...*». *Russkie pisateli ob Anglii. 1646–1945* = “I left the beach of Albion ...”. Russian writers of England. 1646-1945. Podg. O. A. Kaznina, A. N. Nikoljukin. Moscow: ROSSPJeN, 2001. (In Russ.)
24. Kamenskij G. Jepizody iz anglijskoj zhizni [Episodes of English life]. *Russkij vestnik* = Russian messenger. 1860, t. 29, no. 9. Kn. 2. So-vremennaja letopis', pp. 89–106. (In Russ.)
25. Kapnist D. A. Mestnoe samoupravlenie v Anglii [Local government in England]. *Russkij vestnik* = Russian messenger. 1863, t. 48, kn. 11, pp. 112–136. (In Russ.)
26. Karamzin N. N. Pis'ma russskogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler]. *Moskovskij zhurnal* = The Moscow magazine. 1791–1792. (In Russ.)
27. Karamzin N. N. Pis'ma russskogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler Karamzin]. *Sochinenija Karamzina: v 9 t.* = Works: 9 t. Moscow: Tip. Silivanovskogo, 1814, t. 2. (In Russ.)
28. Korsakov S. A. Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Francii N. A. Korsakova v 1839 godu [The story of the journey through Germany, Holland, England and France N. A. Korsakov in 1839]. Moscow: Tip. N. Jernsta, 1844, 112 p. (In Russ.)
29. Koshelev A. I. Poezdka russskogo zemledeľca v Angliju i na Vsemirnuju vystavku [Russian farmer trip to England and the World's Fair]. Moscow: Tip. Al. Semena, 1852, [2], 99 p. (In Russ.)
30. Makarov P. I. Rossijanin v Londone, ili Pis'ma k druž'jam moim [The Russian in London, or letters to my friends]. *Vestnik Evropy* = Messenger of Europe. 1804, kn. 9, pp. 3–22. (In Russ.)
31. Maslov S. A. O poezdke po Anglii v 1851 godu: [Donesenie nepremennogo sekr.] [Mosk. o-vu sel'sk. hoz.] [About a trip to England in 1851: [Report to the indispensable secretarial] [to Moskow society of rural areas. households]. Moscow: Tip. A. Semena, 1851, 22 p. (In Russ.)
32. Miljukov P. N. Letnij universitet v Anglii (Iz poezdki v Kembridzh) [Summer University in England (From a trip to Cambridge)]. *Mir Bozhij* = The peace of God. 1894, no. 5, pp. 194–206. (In Russ.)
33. Mihajlov M. L. Londonskie zametki [London notes]. *Sovremennik* = Contemporary. 1859, no. 6, pp. 219–238. (In Russ.)

34. Nenashev A. P. Bel'gija, Gollandija i London: S kart. zh. d. Bel'gii, Gollandii i jugo-vost. chasti Anglii i planami Brjusselja, Antverpena i Londona [Belgium, the Netherlands and London: With the cards of railways of Belgium, Holland and the south-east. of England, and the plans of Brussels, Antwerp and London]. Moscow: I. Knebel', 1911. 297 p.; 2-e izd., dop. novymi svedenijami i izm. po 1 maja 1914 g. Moscow: I. Knebel', 1914. 303 p. (In Russ.)
35. Nenashev A. P. Bel'gija, Gollandija i London: S kart. zh. d. Bel'gii, Gollandii i jugo-vost. chasti Anglii i planami Brjusselja, Antverpena i Londona [Belgium, the Netherlands and London: With the cards of railways of Belgium, Holland and the south-east. of England, and the plans of Brussels, Antwerp and London]. Moscow: I. Knebel', 1911. P. V. (In Russ.)
36. Nenashev A. P. Putevoditel' po Zapadnoj Evrope: (Germanija, Bel'gija, Anglija, Francija, Italija, Shvejcarija i Avstro-Vengrija) [Guide to Western Europe (Germany, Belgium, England, France, Italy, Switzerland and Austria-Hungary)]. 2-e izd., prosmotr. i ispr. Moscow: D. P. Efimov, 1901. XVI, 272, 32 p., 13 l. kart., plan. (In Russ.)
37. Niberg R. Puteshestvie po Germanii, Italii, Shvejcarii, Francii, Anglii i Niderlandam v 1828 i 1829 godah doktora R. Niberga, soderzhashhee opisaniya glavnyh gorodov Evropy, uchebnyh, bogougodnyh i lechebnyh zavedenij, uveselitel'nyh mest i drugih dostoprimechatel'nostej [Travel to Germany, Italy, Switzerland, France, England and the Netherlands in 1828 and 1829 Dr. R. Nyberg, contain a description of the main cities of Europe, educational, charitable and medical institutions, entertainment places and other places of interest]: Ch. 1–3. St. Petersburg: Tip. A. Pljushara, 1831. Ch. 1. 1831. 246, [8] p.; Ch. 3. 1831. 222, [3] p. (In Russ.)
38. O prepodavanii istorii v germanskih i anglijskih universitetah (Otchet magistra V. Baujera) [On history teaching in German and English universities (Master Reports B. Bauer)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija* = Journal of the Ministry of Education. 1861. Chast' SHII. № 10–12. Otd. 3. Pp. 43–56. (In Russ.)
39. Otchet o puteshestvii po Zapadnoj Evrope professora D. Kachenovskogo v 1858–59 godah [Report of the journey through Western Europe Professor D. Kachenovsky in 1858–59]. Har'kov: Univ. tip., 1860. [2], 47 p. (In Russ.)
40. Paulovich K. P. Zamechanija o Londone: Otryvki iz puteshestvija po Evrope, chasti Azii i Afriki [Comments about London: Excerpts from a trip to Europe and parts of Asia and Africa]. Har'kov: Univ. tip., 1846. [8], XIV, 530, XVI p. (In Russ.)
41. Pogodin M. P. God v chuzhizh krajah (1839): Dorozhnyj dnevnik [Year in foreign lands (1839): Road blog]. Ch. 1–4, Ch. 2–4: Tip. N. Stepanova. Moscow: Univ. tip., 1844. (In Russ.)
42. Pos'et N. K. Pis'mo s krugosvetnogo plavanija [Letter circumnavigation]. *Otechestvennyye zapiski* = Notes of the Fatherland. 1855. Kn. 3, pp. 1–26; Kn. 4, pp. 116–127. (In Russ.)
43. Samojlov L. M., Sherer A. A. Obozrenie Londonskoj vsemirnoj vystavki po glavnejshim otrasljam manufakturnoj promyshlennosti [Review of the London world exhibition on the main branches of manufacturing industry]. St. Petersburg: v tip. Departamenta vneshnej trgovli, 1852. X, 212 p. (In Russ.)
44. Svin'in P. P. Ezhednevnye zapiski v Londone [Daily notes in London]. St. Petersburg: Tip. Vospit. doma, 1817. VIII. 249 p. (In Russ.)
45. Simonov I. M. Zapiski i vospominanija o puteshestvii po Anglii, Francii, Bel'gii i Germanii v 1842 godu professora Simonova [Notes and memories of a journey through England, France, Belgium and Germany in 1842, professor Simonov]. Kazan': Univ. tip., 1844. [6], 335 p. (In Russ.)
46. Skal'kovskij K. London i Parizh [London and Paris]. *Skal'kovskij K. Novye putevye vpechatlenija* = Skalkovsky K. New travel impressions. St. Petersburg: Tip. A. S. Su-vorina, 1889, pp. 135–164. (In Russ.)
47. Sokolov A. V. London. Geogr. komis. pri Ucheb. otd. O[-vo] R[asprostraneniya] T[ehn.] Z[nanij]. Moscow: T-vo I. D. Sytina, 1911. 187 s.: il., kart. Avt. ustanovlen po izd.: Knizhnaja letopis' za 1911 g., no. 4542. (In Russ.)
48. Solodjankina O. Ju. Inostrannye guvernantki v Rossii: (vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX vekov) [Foreign governesses in Russia (second half XVIII – first half XIX centuries)]. Moscow: Academia, 2007, 511 p. (In Russ.)
49. Stefko M. S. Evropejskoe puteshestvie kak fenomen russskoj dvorjanskoj kul'tury konca XVIII – pervoj chetverti XIX vekov [European tour as a phenomenon of Russian noble culture of the late XVIII – the first quarter of the XIX century]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow: In-t ros. istorii RAN, 2010. (In Russ.)

50. Sumarokov P. I. Progulka za granicu [Walk abroad]. Ch. 1–4. St. Petersburg, 1821. Ch. 3, 436 p. (In Russ.)
51. Tvardovskaja V. A. Politicheskaja programma «Russkogo vestnika» na rubezhe 1850–1860-h gg. [Political program “Russian Messenger” at the turn of the 1850s – 1860s.]. *Osvoboditel'noe dvizhenie* = Liberation movement. 1975, no. 4. (In Russ.)
52. Timirjazev K. A. Kjembridzh i Darvin (Iz vospominanij o prazdnestvah 22–24 ijunja) [Cambridge and Darwin (From the memories of celebrations 22–24 June)]. *Vestnik Evropy* = Herald of Europe. 1909. Kn. 11. S. 238–263; Kn. 12, pp. 682–706. (In Russ.)
53. Turgenev A. I. Dnevnik v Anglii [Diary in England]. *Turgenev A. I. Hronika russkogo. Dnevniki (1825–1826)* = Turgenev A. I. Chronicle of Russian. Diaries (1825–1826). Izd. podgotovil M. I. Gille'son. Moscow: Nauka [Leningr. otd.], 1964, pp. 392–424. (In Russ.)
54. Turgenev N. Rossija i russkie. Moscow: Kn-vo K. F. Nekrasova, 1915. T. 1. Vospominanija izgnannika [Russia and Russian. Moscow: by K. F. Nekrasov, 1915. T. 1: Memories of exile]. per. N. I. Sobolevskogo pod red. A. A. Kizevettera, pp. 137–141. (In Russ.)
55. Udalova T. V. Russkaja publicistika konca 50-h – nachala 60-h gg. XIX v. ob obshhestvenno-politicheskom i jekonomicheskom razvitii Anglii [Udalova Russian journalism of late 50's – early 60-ies. XIX century. on the social-political development and economical England]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2009. (In Russ.)
56. Utkin A. A. Rossija i Zapad: istorija civilizacij [Russia and the West: the history of civilizations]. Moscow: Gardariki, 2000. (In Russ.)
57. Cvetkov K. I. Poezdka v Kembridzh [Trip to Cambridge]. *Istoricheskij vestnik* = Historical messenger. 1916, t. 143, janvar', pp. 257–278. (In Russ.)
58. Chesnokova A. N. Inostrancy i ih potomki v Peterburge: nemcy, francuzy, britancy, 1703–1917: istoriko-kraevedcheskie ocherki [Chesnokov A.N. Foreigners and their descendants in St. Petersburg: Germans, French, British, 1703–1917: Historical, regional essays]. St. Petersburg: Satis, 2003, 332 p. (In Russ.)
59. Shelgunova L. P. Iz dalekogo proshlogo: Perepiska N. V. Shelgunova s zhenoj [From the distant past: Correspondence of N.V. Shelgunov with his wife]. [sost.] L. P. Shelgunova. St. Petersburg: Tip. M-va put. soobshh. (t-va I. N. Kushnerev i K°), 1901. (In Russ.)

Submitted 29.06.2016; revised 29.07.2017

Chikalova Irina R., Doctor of Philosophy, Full Professor, The Republic of Belarus, Minsk, irinachikalova@gmail.com

УДК 94(437.6)+94(47):82-992"17"

**СЛОВАКИЯ И РОССИЯ В ЗАПИСКАХ СЛОВАЦКИХ
И РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII ВЕКА**

Мирослав Даниш

В статье на основе путевых записок и дневников исторических деятелей XVIII века реконструируется картина восприятия образа России глазами словаков. Словакия в тот период была частью Венгерского королевства, что придает этим источникам особую ценность для идентификации авторов травелогов. Исследование проведено на основе малодоступной литературы и архивных материалов Украины. Образ Словакии и России дан на основе путевых заметок, дневников и писем четырех авторов. Первый источник – записки словацкого посланника к шведскому королю Карлу XII Д. Крмана. В нем особую ценность представляет описание Полтавской битвы и роли женщин в обороне Веприка. В записках содержатся характеристики знаменательных исторических личностей начала XVIII века – русского царя Петра I, украинского гетмана Мазепы, шведского короля Карла XII, венгерского князя Франтишека Ракоци и других. Второй источник, сохранивший впечатления словацких путешественников о российских землях, словацких городах, территории Австрии и Венгрии, принадлежит В. Григоровичу-Барскому. Записки В. Григоровича-Барского оказали влияние на распространение в России знаний об архитектурных памятниках, этнографических особенностях, географии, истории и культуре многих городов и местностей Европы (в частности, словацкого города Кошице). Наибольшей популярностью в ту эпоху пользовались путевые записки графа М. Беневского, словака по происхождению, волею судеб ставшего королем Мадагаскара. Его путевые заметки в период русского плена сохранили картины жизни в российских городах – Казани, Киеве, Петербурге, а также в Сибири и на Камчатке. Четвертым источником данного исследования является «Краткое географическое описание Венгрии», принадлежащее перу видного церковного и культурного российского деятеля И. Фальковского, представителя русской Токайской комиссии в Венгрии. Дополнительно к этому труду в статье анализируются письма Фальковского как источник к изучению истории братиславского лица в конце XVIII века. Сохранившиеся до сегодняшних дней записки, дневники, письма словацких и российских деятелей являются свидетельством общения, богатства культур словацкого и российского народов, их взаимного узнавания.

Ключевые слова: Словакия, российские путешественники, Д. Крман, В. Григорович-Барский, М. Беневский, И. Фальковский.

Для цитирования: Даниш М. Словакия и Россия в записках словацких и российских путешественников XVIII века // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 36–44.

Своеобразными памятниками российско-словацких культурных связей в XVIII столетии являются записки путешественников. Феномен культуры любого народа определяется не только внутренними закономерностями его развития, но и взаимодействием с культурами других народов. Взгляд «со стороны» лучше помогает познать свою культуру. Записки в совокупности с дневниками и воспоминаниями можно рассматривать как важный исторический источник, который представляет

«исключительную ценность как содержащий материалы, не нашедшие отражения ни в официальных документах, ни в источниках других типов».

В начале XVIII столетия свои воспоминания о путешествии по России и о военных событиях Полтавской битвы 1709 года в период Северной войны пишет словак Даниел Крман¹, посол к шведскому королю Карлу XII².

Для Д. Крмана само путешествие не являлось главной целью. Он выполнял особые поручения. В 1707 году лютеранский синод в Ружомберке решил отправить посольство в протестантские страны, в Пруссию и Швецию за помощью и поддержкой лютеран Словакии, преследуемых католической контрреформацией австрийских Габсбургов³. Для выполнения этой миссии были выбраны Д. Крман и представитель словацкой шляхты Самуил Подгорский. Шведский король Карл XII в это время участвовал в военных походах против Российского государства на Украине, куда вслед за ним направились словацкие посланники. Через Польшу и Литву они добрались до Могилева, где располагался военный лагерь шведского войска. После нескольких официальных приемов у короля посольство завершилось успешно, получило от него материальную и моральную поддержку, но из-за сложной военной ситуации Д. Крман и С. Подгорский вынуждены были вместе со шведскими войсками продолжать путь до Полтавы, откуда только после разгрома шведов им удалось вернуться через Молдавию и Закарпатье в родные места.

В своих записках Д. Крман значительное место уделяет описанию Полтавской битвы 1709 года [24]. Путевые записки содержат чрезвычайно ценные детали Северной войны на территории Украины 1708–1709 годов. Так, например, Д. Крман отмечает роль женщин в обороне Веприка – небольшого городка на Полтавщине: «Стоя на крепостном валу, они обливали кипятком и осыпали градом камней поднимавшихся по штурмовым лестницам шведов. Когда же Веприк пал, женщин победители зарубили мечами» [7, с. 426]. Вместе с тем, Крман рассказывает о самых разных сторонах жизни на Украине. Автора «Путевых записок» в течение его почти двухлетнего «хождения по чужим землям» интересовали история,

¹ Даниел Крман (1663–1740) родился в словацкой протестантской (лютеранской) семье. Учился в Бреслави, Липске, Виттенберге. После окончания учебы несколько лет работал преподавателем в словацких народных школах. В 1706 году на синодальном собрании словацких лютеран в Ружомберке был избран суперинтендентом (высокая церковная должность). Крман выступил с программой основания университета в Прешове, открытия в некоторых городах публичных библиотек, книжных лавок, новой словацкой типографии. Эту программу с интересом и большим вдохновением встретили в широком кругу словацкой интеллигенции. Для получения материальной поддержки этих планов решили отправить посольство к шведскому королю.

² Записки Д. Крмана впервые были изданы в многотомном сборнике источников по истории Венгерского королевства (*Monumenta Hungariae historia scriptores*. Buda 1894. D. 33.). Они являются уникальным источником по истории Северной войны в период Полтавской битвы 1709 года и истории Украины. В 1906 году украинский историк С. Томашевский обратил внимание на ее источниковедческую ценность для украинской истории. (Словацкий вислоаник на Україні 1708–1709 pp. // Науковий збірник, присвячений професорові Михайлові Гуршевському. Львів, 1906. С. 302–344). До настоящего времени российскими историками не сделан полноценный критический анализ этой работы. Опубликованный журналом «Жовтень» (№ 1–3 за 1988 г.) украинский перевод путевых записок Д. Крмана сделал это произведение доступным для широкого круга специалистов и позволяет провести подробный анализ источника, сопоставить его с широко известными русскими и шведскими источниками по Северной войне.

³ Политику контрреформации проводили все преемники Фердинанда II, вплоть до Марии-Терезии, умершей в 1780 году. Своего апогея реакционная политика Габсбургов достигла в первые десятилетия XVIII века. В Словакии преследования затронули более всего протестантское население.

география, социально-экономическая ситуация, этнографические особенности разных народов. Он не просто констатирует тот или иной факт, но и дает ему оценку. Ценными являются подробные сведения о языке, одежде, традициях и привычках, религии, архитектуре и других явлениях жизни¹ [7]. Даниэл Крман в период своей поездки научился читать и писать по-русски, покупал здесь много русских книг [7]. Состоя при обозе и штабе Карла XII, Крман и его спутник имели возможность общаться с «наиближайшими» шведского короля и его союзниками. В записках содержатся очень интересные характеристики знаменательных исторических личностей начала XVIII века – русского царя Петра I, украинского гетмана Мазепы, шведского короля Карла XII, князя Франтишека Ракоци и других. Путевые записки Даниэла Крмана представляют большой интерес не только как свидетельство современника, но и как литературное произведение.

Следующим источником, сохранившим впечатления словацких путешественников о российских землях, принадлежит В. Григоровичу-Барскому.

Василий Григорович родился в Киеве в 1701 году. При содействии Феофана Прокоповича ему удалось попасть в Киево-Могилянскую академию, где он проходил курс обучения в 1715–1723 годах. Учеба в академии заложила основы гуманистически-просветительского мировоззрения Барского, определившего его творческие поиски в последующей деятельности [2]. В 1723 году он оставляет академию, идет во Львов и, назвавшись Барским (предки его были родом из города Бара), поступает в иезуитскую коллегию. Иезуиты вскоре разоблачили его как «схизматика» и выгнали из коллегии. Барский к тому времени успел каким-то образом заручиться несколькими весомыми рекомендациями, с которыми он пешком отправляется в дальние странствия. Совершая паломничество в «святые места», он прошел Польшу, Словакию, Венгрию, Австрию и Италию. Затем посетил Грецию, Египет, Сирию, Арабию, Иерусалим [2]. Барский возвращается в 1747 году в Киев, где спустя месяц умирает, оставив свои путевые записки, снабженные многочисленными чертежами, планами, зарисовками.

Оставленное им обстоятельное описание всех своих путешествий широко распространялось в списках вплоть до выхода в 1778 году первого издания. В предисловии к нему издатель книги В. Рубан писал: «Тридцать лет уже прошло как сию книгу, двадцать четыре года пешеходного путешествия содержащую, по кончине сочинителя ее, с превеликою жадностью списывали все те, до коих о ней хотя малейшее дошло сведение. В Малой России и в окружающих оную губерниях нет ни одного знатного места и дома, где бы не было ее списка» [2, с. 1]. Путевые записки и полтора десятка рисунков В. Григоровича на протяжении второй половины XVIII–XIX веков выдержали семь изданий, что свидетельствует об их исключительной популярности. Близкое знакомство с записками В. Барского показывает, что его путешествие не было только лишь путешествием по «святым местам», как это пытались подчеркнуть значительная

¹ Даниэл Крман, например, пишет: ...«Наше внимание в Литве и позже в Козакии привлекли кладбища около сел, на возвышенных местах, обычно обрамленных высокими старыми березами (с. 60). ...Мы ночевали под открытым небом недалеко от бани. Некоторые из нас, избавившись от стыда, решились в нее войти и потеть. Была это очень темная халупка с небольшим медным котлом и несколькими раскаленными камнями. Камни поливались водой и паром, который от этого получался, парились. Это была та знаменитая парная баня (с. 36). ...В селе Лукнов местные жители поднесли своему воеводе (Мазепе – М. Д.) и королю (шведскому королю Карлу XII – М. Д.) хлеб и соль с рыбой, медом и сыром (с. 69).

часть авторов. Сочинение путешественника отличается от традиционных «хождений» прежде всего светским характером материала, а в лице автора мы видим ренессансного открывателя мира и неутомимого просветителя, желавшего познать лучшие интеллектуальные и духовные достижения многих стран и народов. Во время путешествий Барского больше всего интересовали учебные заведения, библиотеки, архитектура городов, археология, история, экономика и культура разных областей и государств. После ухода из Львова В. Григорович переходит территорию Польши, в Словакию. 6 мая 1724 года он преодолевает горские хребты Бескид, где на него произвела особое впечатление прекрасная картина Высоких Татр [7]. Путешествуя словацкими селами и городами (Грушев, Гуменное, Стражское, Бачко, Клечанова, Бедовцы), Барский дает краткую характеристику проживающего здесь народа: «...короткое и тесное одеяние носит, и язык отменный имеет». Значительное место в его записках уделено описанию королевского города Кошице. Барский восхищается красотой каменной архитектуры соборной церкви святой Елизаветы, каменным столбом с многими скульптурами, построенным в 1624 году, при котором каждое утро и вечер «избранные от коллегии студенты или певцы поют песни красивые». В городе, как пишет автор путешествия, «дома все каменные, белые и чистые, многие с железными на окнах решетками, железными дверьми от вне красками испещрены, ... каждый дом имеет свой кладец». Проходя впоследствии городами Венгрии и Австрии, Григорович часто ищет в их архитектуре параллели с архитектурой Кошице. Из Кошиц он добирается через словацкие деревни Ганиска и Гарагна в венгерские города Сиксо, Мишкольц, Буду и другие. Свои впечатления о Венгерском королевстве Барский суммировал так: «Ведоме да будет, яко по всей венгерской земли аще и различных верь обретаются людие, обаче вси суть гостеприимны». Пользуясь популярностью в народе, записки В. Григоровича-Барского оказали влияние на распространение в России знаний об архитектурных памятниках, этнографических особенностях, географии, истории и культуре многих городов и местностей Европы (в частности, словацких).

Широкой популярностью в конце XVIII, в XIX вв. пользовались путевые записки графа Морица Бенековского, словака из города Врбове (Нитранский комитат – М. Д.) [5; 6]. Переведенные на несколько языков эти записки представляют взгляд человека, вышедшего из дворянской среды, постоянно ищущего и не находящего полную свободу и спокойствие. М. Бенековский участвовал в военных действиях Барской конфедерации против русских войск (1768 г.) и оказался в русском плену¹. Позже он попадает в Киев, Казань, Петербург, а потом в Сибирь и на Камчатку. Там Бенековский вместе с русскими ссыльными поднимает восстание. Восставшие захватывают судно и на нем совершают в высшей степени трудное и изнурительное путешествие по морям и океанам, в ходе которого пристают к японскому берегу, заходят на Тайвань и в Макао и завершают путь во Франции². Здесь Бенековский поступает на королевскую службу и плывет к берегам Мадагаскара с поручением колонизировать и подчинить остров власти французов. На Мадагаскаре он успешно справляется со всеми заданиями.

¹ В городе Баре на Подолии группа магнатов и шляхтичей создала конфедерацию – военное и политическое объединение, целью которого была борьба за сохранение их неограниченных прав и привилегий. Собрав 10-тысячное войско, Барская конфедерация начала вооруженную борьбу против польских правительственных и русских войск, которые поддерживали польского короля.

² Русские источники в целом подтверждают рассказ Бенековского, расходясь с ним лишь в частных вопросах.

Однако политические интриги французского королевского двора убеждают его в несправедливости их поступков, и он переходит на сторону мадагаскарского народа, который избирает его своим королем. В неравной борьбе с французскими войсками Беневский был убит в 1786 году, защищая права свободного Мадагаскара.

Значительное место в записках этого словацкого автора занимает описание военных операций Барской конфедерации против русских войск на Правобережной Украине. Кроме описаний военных событий он показывает особенности жизни в России. После взятия русскими в плен, описывая дорогу на Камчатку, Беневский дает сведения об отдельных городах и губерниях Центральной и Восточной Сибири. Странствия Морица Беневского, продолжавшиеся несколько лет, полны драматических перипетий и самых неожиданных приключений, которые могли бы составить основу исторического романа.

В 1777–1778 годах в Братиславе находился Иван Фальковский, ставший впоследствии видным церковным и культурным деятелем в России. Он пробыл в Братиславе и других местах Венгерского королевства восемь лет и оставил нам свои записки и письма. Фальковский в письмах отцу, жившему в городе Токае, подробно описывает свою ежедневную жизнь и учебу в Братиславе. «Между тем я в новом городе (Братиславе – *М. Д.*) проживал и во вся по немецки говорит не зная с великими трудностями боролся. Хозяйка моя, пока я не приобучился мало по немецки, по словенски со мною говорила» [4].

В 1775 году молодой Иван Фальковский был вынужден прервать учебу в Киево-Могилянской академии потому, что его отец Юстин был назначен иеромонахом православной церкви при русской Токайской комиссии в Венгрии.

28 февраля 1775 года Фальковский прибыл с отцом в Токай. Киевской академии в то время были нужны хорошие преподаватели немецкого, французского языков и математики. В связи с усилением интереса к европейской общественно-политической и научной мысли в начале XVIII в. возрастает интерес к европейским языкам. На возникшую в обществе потребность откликается и Киевская академия. Отец Ивана Фальковского это знал, так как когда-то сам учился в академии. Он ищет для сына в период их проживания в Токае учебное заведение, после окончания которого ему было бы обеспечено место преподавателя Киево-Могилянской академии. После неудачной попытки устроить сына в Венский университет, отец направляет его в Братиславский лицей, где конфессиональное направление не было определяющим, а вместе с латинским на высоком уровне изучались современные иностранные языки.

В Братиславу Иван Фальковский прибыл вместе со Стефаном Осватом из Токая, с которым учился в одном классе. В начале обучения Фальковский заявил, что он родом из Киева, ему 16 лет, и что он сын церковного служителя. Он стал студентом третьего класса (синтаксима), и у него единственного среди студентов в личных материалах было отмечено, что он был лучшим среди учеников. Об его отношении к учебе свидетельствует и переписка с отцом. В одном из писем от 16 октября 1777 года отец пишет Ивану: «... с радостью моею слышал, что тебе и там (в Братиславе – *М. Д.*) так, как в Токаю учителя за прилежание твое к учению похваляют». Обучаясь в лицее, Иван также нанимал и частного преподавателя, дававшего ему уроки латинского и немецкого языков. Чему и как обучали молодого Фальковского в лицее, показывает присланное отцу подробное недельное расписание уроков и занятий от 8 декабря 1777 года. В Братиславе Иван Фальковский

близко контактировал с сербскими студентами [4]. В своей работе «Краткое географическое описание Венгрии», которую он написал на основании работ учителя истории и географии Братиславского лицея словака Яна Томка Саского, Фальковский специально выделяет часть, посвященную сербам [3]. Он пишет: «Сербский народ, называемый попросту рацким, между которым я три года почти проживал, будучи одной православной с ними веры, достоин подлинно того, чтобы мы историю и приключения его прилежно читали» [3, Л. 152]. Сохранилась переписка Фальковского с сербским митрополитом Викентием Видаком.

В период своего проживания в Братиславе Иван Фальковский вел книгу расходов, по которой можно узнать о его материальном положении и образе жизни. В здешних книжных лавках он купил много книг, среди них работы словацких ученых – Яна Томка Саского и Матея Бэла, которые он впоследствии забрал с собой в Киев. В рукописной работе историко-географического характера о Венгерском королевстве Фальковский соглашается с научными взглядами Матея Бэла и признает себя его учеником.

После пожара в Киевской академической библиотеке в 1780 году многие преподаватели жертвовали свои книги в эту библиотеку. Среди них был и Иван Фальковский. 816 книг было куплено у Константина Крыжановского, учившегося в 1750 году в Братиславе. В списке купленных книг у Крыжановского находятся книги венгерских ученых, а также книги чешского ученого – педагога Яна Амоса Коменского.

В каталоге книг Киевской академии конца XVIII века были обнаружены более 20 книг, изданных в типографиях Трнавы, Братиславы, Кошице, Будина, Дебрецена, вероятно, попавшие в академическую библиотеку из личных библиотек преподавателей Академии, которые когда-то учились в Венгрии.

В 1778 году умер отец Ивана Фальковского. После года обучения в Братиславском лицее он переехал в Пешт, где продолжал учебу в гимназии ордена пиаристов¹. Причина этого переезда состояла в сравнительной дешевизне платы за квартиру и питание в Пеште, имеющая при слабом материальном обеспечении студентов за границей значительную роль в их жизни и учебе. Плата за квартиру в Братиславе, столичном городе Венгерского королевства, достигала 80 гульденов, тогда как в Пеште – пятьдесят.

В одном из своих писем Фальковский констатирует: «В Братиславу я ради совершенного изучения немецкого языка и других учений охотнее бы поехал».

Пребывание Фальковского в Пеште и его учебу в университете г. Буда, где он изучал экспериментальную физику, детально описал историк Янош Штернберг. Интересный факт связей украинских и сербских студентов в Венгрии дает проживание Фальковского в Пеште у учителя сербской школы Минацкого. В 1733 году сербский митрополит Викентий Йованович обратился к митрополиту Р. Заборовскому, протектору Киево-Могилянской академии, с просьбой прислать десять учителей в Сербию для того, чтобы они обучали сербскую молодежь также, как и в Академии киевской. В этом же году воспитанники Киевской академии выехали в Сербию, среди них был и Иван Минацкий, преподававший впоследствии риторiku

¹ Пиаристы – католический орден монахов, основанный в 1607 году в Риме с целью образования по всей Европе учебных заведений и учебы там молодежи. Его влияние распространилось прежде всего в Испании, Чехии, Моравии, Австрии и Венгерском королевстве. В гимназиях монашеского ордена пиаристов училась молодежь разных национальностей и вероисповеданий.

в сербских Карловцах. Пятьдесят пять лет спустя Иван Фальковский поселился в Пеште у сына Ивана Минацкого.

В 1783 году Фальковский возвращается в Киев, отказавшись от предложения стать писарем русского посольства в Вене. Свой поступок он объясняет тем, что не хочет работать на гражданской должности за границей, а хочет жить дома (в Киеве – *М. Д.*) стать учителем. Иван Фальковский преподавал в Киево-Могилянской академии более 20 лет и в 1803 году стал ее ректором. Его колоссальный труд представляет 92 тома рукописных и печатных книг: трактатов и исповедей, исторических и географических работ, статей по математике, физике, астрономии.

Письма Ивана Фальковского становятся важным источником по истории братиславского Лицея в конце XVIII столетия, его организационной структуры, количества и расписания предметов, объема излагаемых курсов и других моментов лицейской жизни. Переписка Фальковского в период его пребывания в Венгерском королевстве, с отцом, друзьями – А. Пекалицким, А. Ставицким и сербским митрополитом В. Видаком, показывает многогранную деятельность Токайской комиссии в Венгрии, учебу российских студентов в Братиславе, дает много доказательств о существующих российско-словацких культурных связях того периода.

Приведенные нами примеры записок, дневников, писем XVIII века показывают, что интерес их авторов простирался на самые разные стороны жизни. Большинство людей, «толпами» путешествующие с разными целями и намерениями по России и Словакии, наблюдающие здесь ежедневную жизнь XVIII века, остались неизвестными. Путешествовать в описываемое время было нелегко. Путешественники подвергались различным опасностям и неудобствам. Передвигаться приходилось на лошадях, волах или пешком, ночевать в палатках или движущихся экипажах. Сохранившиеся до сегодняшних дней записки, дневники, письма как свидетельства общения народов, являются бесценным богатством культур словацкого и российского народов, их взаимного узнавания.

Список использованных источников

1. Зайончковский П. А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях (XV–XVIII вв). М., 1973. Т. 1.
2. Пешеходца В. Григоровича-Барского, Плаки-Албова, уроженца, киевского монаха антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке находящихся, предприняты в 1723 и окончены в 1747 году им самим писаное, ныне же на иждивении его святости князя Г. А. Потемкина. Издано под смотрением В. Г. Рубана. СПб., 1778.
3. Украинский государственный архив. Рукопись № 725/580/. Л. 147–162.
4. Центральная национальная библиотека Украины. Отдел рукописей. Муз. рук. № 929.
5. Benyovszky M. Reisen durch Sibirien und Kamtschatka. Aus dem englischen übersetzt. Berlin, 1790.
6. Benyowsky Maurice-Auguste. Voyages et mémoires de Maurice-Auguste comte de Benyowsky, magnat des Royannes d’Hongrie et de Pologne, etc. Paris, 1791. D. I–II.
7. Krman Daniel ml. (1663–1740). Itinerárium (Cestovný denník z rokov 1708–1709). Bratislava, 1969.

Поступила 15.09.2016; принята к публикации 15.10.2016

Даниш Мирослав, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории,
Университет имени Я. А. Коменского, Словакия, Братислава,
miroslav.danis@uniba.sk

**SLOVAKIA AND RUSSIA IN NOTES OF SLOVAK AND RUSSIAN
TRAVELERS OF THE XVIII CENTURY**

Miroslav Danish

On the basis of the travel notes and diaries of historical figures of the XVIII century the picture of the perception of the image of Russia is reconstructed through the eyes of the Slovaks. Slovakia at that time was part of the Hungarian kingdom, which makes these sources particularly valuable to identify the authors of travelogues. The study was conducted on the basis of inaccessible literature and archival materials in Ukraine. The image of Slovakia and Russia is given on the basis of travel notes, diaries and letters of four authors. The first source is notes of a Slovak envoy to the Swedish king Charles XII D. Krmana. It is particularly valuable description of the Battle of Poltava and the role of women in Vepruk defense. The notes contain characteristics of significant historical figures of the beginning of the eighteenth century – Russian Tsar Peter I, Ukrainian Hetman Mazepa, the Swedish King Charles XII, the Hungarian prince Frantisek Rakoczi and others. The second source, retaining the impressions of travelers Slovak Russian lands, the Slovak cities in Austria and Hungary, is owned by Vladimir Grigorovich-Barsky. Notes by V. Grigorovich-Barsky had an impact on the spread in the Russian knowledge of architectural monuments, ethnographic peculiarities of geography, history and culture of many towns and areas of Europe (in particular, the Slovak city of Kosice). The most popular in that era were the travel notes of Count Mikhail Benevskaya, Slovak origin, fated to become the king of Madagascar. His travel notes between Russian captivity kept the pictures of life in Russian cities – Kazan, Kiev, St. Petersburg, as well as in Siberia and Kamchatka. The fourth source of this research is “short geographical description of Hungary” from the pen of a prominent church and cultural figure of Russia I. Fal'kovskii, representative of the Russian Commission Tokaj in Hungary. In addition to this work the article analyzes letters by Fal'kovskii as a source for studying the history of the Lyceum in Bratislava at the end of the XVIII century. Surviving to the present day notes, diaries, letters, Slovak and Russian figures are evidence of communication, cultural richness of Slovak and Russian peoples, their mutual recognition.

Keywords: Slovakia, Russian travelers, D. Krman, Grigorovich-Barsky, M. Benevskaya.

Citation for an article: Danish M. Slovakia and Russia in notes of Slovak and Russian travelers of the XVIII century. West – East. 2016, no. 9, pp. 36–44.

References

1. Zajonchkovskij P. A. Istorija dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikah i vospominanijah (XV–XVIII vv) [History of pre-revolutionary Russia in the diaries and memoirs (XV–XVIII centuries)]. Moscow, 1973, t. 1. (In Russ.)
2. Peshehodca V. Grigorovicha-Barskogo, Plaki-Albova, urozenca, kievskogo monaha antio-hijskogo, puteshestvie k svjatym mestam v Evrope, Azii i Afrike nahodjashhihsja, predprinjatj v 1723 i okoncheny v 1747 godu im samim pisanoe, nyne zhe na izhdivenii ego svjatosti knjaza G. A. Potemkina. Izdano pod smotreniem V. G. Rubana [Peshehodtsa V. Grigorovich-Barsky, Plaka-Albova, native, Kiev monk

of Antioch, the journey to the holy places in Europe, Asia and Africa are, taken in 1723 and finished in 1747 by the written them, but now is a dependent of his holiness prince G. A. Potemkin. Published in looking at V. G. Ruban]. St. Petersburg, 1778. (In Russ.)

3. UGA. Rukopisnyj otdel. Ruk. no. 725/580/. (In Russ.)
4. CNB AN Ukrainy. Otdel rukopisej. Muz. ruk. 929. (In Russ.)
5. Benyovszky M. Reisen durch Sibirien und Kamtschatka. Aus dem englischen übersetzt. Berlin, 1790.
6. Benyowsky Maurice-Auguste. Voyages et mémoires de Maurice-Auguste comte de Benyowsky, magnat des Royannes d'Hongrie et de Pologne, etc. Paris, 1791. D. I–II.
7. Krman Daniel ml. (1663–1740). Itinerárium (Cestovný denník z rokov 1708–1709). Bratislava, 1969.

Submitted 15.09.2016; revised 15.10.2016

Danish Miroslav, Full Professor, Professor of the Department of General History,
Comenius University, The Slovak Republic, Bratislava, *miroslav.danis@uniba.sk*

УДК 94(41):913(044.2)

**«Из Лондона в Константинополь»: путевой дневник
английской аристократки леди Мэри Уортли Монтегю**

Д. Кодайова

В работе на основе современных методологических подходов представлен уникальный источник XVIII века – первый женский травелог английской путешественницы, супруги дипломата, которая сопровождала его на пути из Лондона в Константинополь (Стамбул). Путевой дневник леди Мэри можно оценивать с точки зрения раскрытия различных тем. В нем представлены современные тому времени исторические реалии, проблема положения политической элиты, феномен путешествия нового времени, история повседневности, гендерные исследования, вопросы рецепции импульсов другой культурной среды. В статье подробно описаны обстоятельства жизненного пути автора путевого дневника, оформленного в виде писем. Дочь известного аристократа, принадлежавшего к партии консерваторов, вышла замуж за Уортли Монтегю, тяготевшего к либеральным политическим взглядам. Несмотря на успешную карьеру писательницы, она выбрала путь верной супруги английского дипломата, отправленного служить в Османскую империю. Почти двухлетнее путешествие леди Мэри через всю Европу на Восток отражено в фиктивных письмах друзьям. В статье анализируется часть этих писем, в которых сохранились впечатления от посещения земель Габсбургской монархии. Показаны исторические и политические обстоятельства путешествия по территориям, недавно освобожденным от турок, состояние дорог, религиозные предпочтения, характеристика местных жителей, в первую очередь политической элиты. Картины местной жизни представлены через призму сторонницы англиканской церкви. Приведен ряд сюжетов о посещении супругами Монтегю Османской империи. Особый интерес у автора путевого дневника вызвало положение женщин при дворе султана. Леди Мэри стала первой европейской писательницей, которая представила мусульманский мир с точки зрения женщины. Из Турции она привезла не только свои яркие впечатления, но и опыт вакцинации против оспы. В заключение сделан вывод о значении этого источника для развития традиции светского женского травелога.

Ключевые слова: путевой дневник, дипломатия, английская писательница, Габсбургская монархия, Османская империя.

Благодарности: данная статья подготовлена при поддержке Агентства по поддержке исследований и развития на основе договора № APVV-15-0349.

Для цитирования: Кодайова Д. «Из Лондона в Константинополь»: путевой дневник английской аристократки леди Мэри Уортли Монтегю // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 45–58.

С момента выхода дневника путешествий, автором которого является английская аристократка леди Мэри Уортли Монтегю, прошло более чем двести пятьдесят лет. Тем не менее ее труд до сих пор переиздается и имеет своих поклонников и читателей. Дневник отличает оригинальный художественный слог, который

демонстрирует высокий интеллектуальный уровень его автора. Известно, что в современной историографии и литературоведении путешествия и травелоги рассматриваются как один из важных факторов культурного трансфера¹.

Англичанка леди Мэри Уортли-Монтегю (1689–1762) уже в юном возрасте была известна как поэтесса и писательница, автор юмористических эссе. В первой половине XVIII века она становится известной общественной деятельницей. Аристократическое происхождение, либеральные взгляды, оригинальные идеи, нетрадиционное поведение, широкий диапазон интересов и знаний говорили о ней как о даме, имевшей самые современные взгляды своего времени. Свои произведения она публиковала в популярных и престижных журналах и газетах, ее публицистика стала модной сенсацией, о чем говорят многочисленные цитирования взглядов леди Мэри в современной печати. В некотором смысле это был мейнстрим того времени. Но и современные авторы в работах по истории XVIII века часто обращаются к работам Мэри Монтегю². Авторы, которые занимаются темой женской литературы, относят Мэри Уортли Монтегю к основательницам особого жанра женской литературы [6]. Ее путевым дневникам посвящены отдельные главы в историографии путешествий [3]. Способность называть вещи своими именами и мужество, чтобы открыто выразить свое мнение, принесло ей прозвище – Острая Леди (Леди-бритва).

Семья будущей Леди-бритвы

Леди Мэри, урожденная Мэри Пьерпонт, родилась в Лондоне, в богатой и уважаемой семье. Она была старшим ребенком в семье герцога Пьерпонта и Эвелин Филдинг. Ее отец стал в 1713 году первым герцогом из Кингстона, а мать была известна не только своим богатством, но и тем, что популярный романист Генри Филдинг был ее двоюродным братом. Эти родственные связи и лондонская литературная жизнь открывали для молодой леди доступ ко всем книжным новинкам и к литературным дискуссиям. По семейной традиции ее излюбленным местом в доме, как и для ее матери, была библиотека, которая после смерти матери взяла на себя заботу о воспитании пятилетней Мэри [5]. Мэри буквально пожирала книги других авторов, но очень скоро она и сама начала писать. Она не была скрытной, с удовольствием вступала в дискуссии и искала возможность обсудить новые книги и показать свои. В семье поддерживали ее тягу к знаниям и склонность к литературному творчеству. Отец, бабушка, дядя-епископ и другие члены семьи вращались в высшем английском обществе и относились к политическому лагерю тори. Сама Мэри, *роскошное ангельски красивое и талантливое дитя*, была представлена во дворе королевы Анны как любимица публики [1, p. 189]. В 1712 году Мэри, вопреки воле своего отца, вышла замуж за Эдварда Уортли.

¹ Методологический подход, который применяется в европейской историографии для всестороннего изучения феномена путешествия и путевых дневников, удачно демонстрирует чешский историк Я. Панек. См.: J. Panek. Cestování jako modernizační činitel středověké a raně novověké společnosti. (Problémy a úkoly českého výzkumu). // Cesty a cestování v životě společnosti, Acta Universitatis Purkynianae, Philosophica et Historica, Studia historica II. Ústí nad Labem, 1995. S. 10–22.

² Авторы публикации, посвященной новаторским направлениям в литературе, философии, экономике эпохи Просвещения, целую главу посвящают отрывкам из ее работы и их комментаторам, высоко оценивая ее подход ко многим проблемам. См.: Hyland P. The Enlightenment. A sourcebook and reader. London and New York: Routledge, 2003. P. 297–304.

Некоторые биографические исследования содержат сведения об их бегстве и тайной свадьбе. Романтическая версия истории супружеской пары во многом была создана биографами Мэри. При этом есть свидетельства, что эта связь была известна в течение нескольких лет, поэтому свадьба не была секретом и неожиданностью для их окружения. По сохранившейся обширной переписке супругов можно судить об их общих взглядах на политику, культуру и искусство. Все это говорит о том, что эта дама, живущая в первой половине XVIII века, относилась к людям высокого интеллектуального уровня. Их письма отражают общие взгляды на внутреннюю и внешнюю политику Великобритании. Кстати, одной из причин несогласия отца с этой свадьбой была отличная от него позиция молодого зятя по политическим вопросам. В то время как семья герцога из Кингстона относилась к партии тори, к консерваторам, человек, которого двадцатитрехлетняя Мэри выбрала в своего спутника жизни, Эдвард Уортли-Монтегю, был сторонником вигов, либералов.

После свадьбы Эдвард начал использовать полное семейное имя Уортли-Монтегю. За свою поддержку при вступлении на английский престол Ганноверской династии он был вознагражден и стал сэром Уортли-Монтегю. С 1714 года он был членом парламента от партии вигов, а в 1716 году назначен послом в Османскую империю и занимал этот пост до 1718 года. Вместе с новым послом в Константинополь отправилась и его жена. В 1716–1718 годы молодая английская аристократка дважды пересекла всю Европу. Официальная миссия ее мужа давали ей политический статус и дипломатическую неприкосновенность. В некоторых государствах ей пришлось участвовать в переговорах, или у нее была отдельная программа вместе с супругами других дипломатов и их сопровождающих. Во время своих путешествий леди Мэри вела обширную переписку и путевой дневник. Через 45 лет эти записки послужили ей источником для публикации путевых заметок в виде писем.

Путевой дневник в виде переписки

Большинство писем, которые писала леди Мэри, имели фиктивный характер. В действительности она не отправляла их указанным адресатам, а оформляла в виде путевого дневника. Такие фиктивные письма в те времена были излюбленным литературным жанром, подобным образом был оформлен и другой бестселлер того времени – «Страдания молодого Вертера» И. Г. Гете [12, S. 34]. Публикация корреспонденции леди Мэри осуществлялась в период с 1763 по 1767 годы. Завершения всей публикации леди Мэри не дождалась (она умерла в 1762 году). Первым редактором этого труда стала ее дочь, жена Джона Стюарта, графа Буте, который в 1762–1763 годы был премьер-министром Великобритании. Участие жены политического деятеля первого ранга в этом издательском проекте придавало ему особую значимость и получало самые лестные рекомендации. Письма 1716–1718 годов стали основой опубликованного в трех томах травелога под названием «Письма досточтимой леди Мэри Уортли Монтегю». Работа неоднократно переиздавалась в Великобритании (1820, 1837, 1861, 1893 гг.). Труд леди Мэри был настолько популярным, что вскоре были опубликованы его переводы на немецком и французском языках [7]. В Праге были изданы избранные письма на чешском языке под названием «Впечатления об Европе и Турции» в 1908–1909 годах¹.

¹ Библиография опубликованных томов: *Town Eclogues* (1716, reedición 1747), *Court Poems by a Lady of Quality* (1716), *Turkish Letters* (1763).

Популярности этого травелога в XIX веке во многом способствовала и ставшая в то время модной в литературе, живописи и дизайне интерьера восточная тема. Интерес к работе леди Мэри сохранился и в XX веке, когда в 1965–1967 годах было издано полное собрание ее корреспонденции в трех томах¹.

По своему жанру работа английской аристократки относится к путевым дневникам-отчетам политиков и дипломатов. Однако стиль работы не позволяет полностью отнести ее к таким официальным сводкам. Наоборот, работа содержит яркие картины, интересные наблюдения, любопытные факты о посещенных местах и описание тех чувств, которые эти места вызывали.

Путевой дневник представляет собой письма, адресованные широкому кругу друзей. Первый том состоит из писем, датированных с августа 1716 по апрель 1717 года, написанных на пути из Лондона через Нидерланды в Вену, а затем через Чешское королевство в Баварию, Ганновер и Саксонию и обратно в Вену, но уже через Венгрию и территорию венгерско-османской границы в Адрианополь. Второй том состоит из писем, описывающих двухлетнюю дипломатическую миссию в Османской империи. Письма, которые составляют третий том, описывают обратный путь семьи Монтегю из Константинополя через Тунис, Геную, Францию в Лондон в 1718 году. Письма из Османской империи, которые неоднократно издавались отдельным томом, особо ценны своими обширными описаниями турецких реалий. Для исследователей Габсбургской империи интерес представляет первый том, где опубликованы письма за период трехмесячного пребывания при габсбургском дворе, а также месячный переезд через территорию Венгрии в Белград, а также двухмесячный переезд в Адрианополь.

Все цитаты в данной работе взяты из венского издания «Писем досточтимой леди Мэри Уортли Монтегю», опубликованного в двух томах в 1797 году. Именно этот второй том позже переиздавался в самых различных редакциях [13, р. 40]. В него включены 42 письма (объемом 321 страница) с вышеуказанных маршрутов. Большинство писем адресовано конкретному получателю, они, как правило, датированы и пронумерованы римскими цифрами. Леди Мэри не меняла стиль или тему письма в зависимости от адресата. Она не делила сюжеты писем на мужские или женские темы, а свои впечатления записывала в хронологическом порядке.

Письма, адресованные друзьям, носят личный, но не интимный характер, они являются достаточно информативными и достоверными. Автор не драматизирует трудности путешествия, чтобы придать большую привлекательность изложению. Увиденное передается не как приключение, а как пережитый опыт. При этом во всем повествовании автор писем постоянно подчеркивала свою официальную миссию, связанную с дипломатическим статусом мужа.

Обстоятельства путешествия

В политических условиях, наступивших после 1713 года, когда был заключен Утрехтский мирный договор, сделавший Великобританию де-факто ведущей державой Европы и изменивший всю систему международных договоренностей, посла Великобритании принимали при европейских дворах как посла этой «новой Британии».

¹ Halsband R. (Ed.). *The Complete Letters of Lady Mary Wortley Montagu*. London, 1965–1967. Обзор последующих изданий писем см.: Ousby I. (Ed.). *The Cambridge Guide to Literature in English*, Cambridge: Cambridge University Press, 1991. S. 679.

Дипломат Эдвард Уортли Монтегю и его сопровождающие отправились в путешествие в августе 1716 года. Его жена в это время находилась на взлете небывалого успеха в связи с ее недавним литературным дебютом – публикацией «Городских эклог» и «Придворных стихов». Критика с энтузиазмом встретила эти произведения. В это время ей было 27 лет, и она уже четыре года была в браке, имела сына, который родился в 1713 году, и ожидала второго ребенка. О своей беременности леди Мэри упоминает только в одном письме в связи с обстоятельствами путешествия, когда пишет, что *«они счастливо добрались до Вены и, благодаря Богу, и ее тело и ребенок в нем перенесли все трудности»* (Письмо VII. С. 25). Других упоминаний о беременности нет даже в тех письмах, когда по сроку должны были быть предполагаемые роды (в октябре – декабре 1716 года), которые совпали с пребыванием супружеской пары в Вене. Еще одной важной причиной для дальнего путешествия и отказа от художественной и литературной жизни Лондона для леди Мэри стала болезнь, которая настигла ее накануне. Она заболела оспой, последствия которой отразились на ее лице. С этими изменениями во внешности она долго не могла смириться. В биографии леди Мэри замечено, что, когда *завершился период ее былой красоты*, свою горечь она скрывала за завесой иронии и неумолимо острым языком [1, p. 189].

Состояние дорог и транспорта

Тема, которая постоянно присутствует на страницах путевого дневника, – это описание состояния современных дорог. Леди Мэри и ее муж проводили в дороге по восемь, а иногда и все 24 часа *«в почтовой карете, без сна и отдыха»*. О том, что в карете она не могла заснуть, леди Мэри упоминает в одном из писем (Письмо XV. С. 71). Путешественницу восхитило превосходное состояние дорог в Нидерландах, она описывает их как удобные, хорошо вымощенные, чистые, приятные для прогулок и езды. *«Вы можете увидеть, как слуги моют тротуары, и делают это намного тщательные, чем наши слуги убираются в наших спальнях»* (Письмо I. С. 4). Учитывая современное тому времени состояние европейских дорог, стоит отметить, что супруги путешествовали в обычной почтовой повозке, хотя статус посла позволял иметь и более комфортабельный транспорт. Только по одному упоминанию в письмах можно предположить, что они использовали собственную переносную постель. Ни в одном из писем леди Мэри нет упоминаний о паспортах или обмене денег. Все официальные дела были обязанностью господина Уортли. Много раз упоминается, что ее супруг организовывал, пересылал, договаривался, ускорял договоренности и т. п. Организационные вопросы по упаковке багажа, питанию, содержанию гардероба и подготовки к отъезду вообще не касались леди Мэри. И своих адресатов в письмах она не обременяет подобной информацией о бытовых подробностях путешествий. Не упоминает она и о сопровождавших их в путешествии людях и о багаже. Она, как настоящая аристократка, считает, что хорошая обслуга – та, которую не видно и не слышно¹. С другой стороны, леди Мэри не забывает оценить разнообразие, вкус и внешний вид продуктов питания, напитков, а также сервировку и украшение праздничного стола.

¹ Редактор полного издания корреспонденции и жизнеописания леди Мэри на основе публикаций периодической печати того времени отмечал, что супруги путешествовали налегке, а весь багаж был отправлен из Лондона морским путем прямо в Константинополь. По суше посол путешествовал с большой помпой в сопровождении двадцати сопровождающих его помощников. См.: Halsband R. The Life of Lady Mary Wortley Montagu. Oxford: Clarendon Press, Oxford, 1956. P. 58.

Картины посещенных мест

Свой литературный талант леди Мэри успешно демонстрирует при описании местности, которую они посетили во время путешествия. Письма сохранили красочные описания красивых пейзажей и творения рук человеческих или самой природы. Замечания и комментарии часто сделаны с юмором, а иногда и с иронией. Как жительницу острова ее удивило разнообразие погодных условий континентальной Европы, в частности, экстремальность холодной погоды. Когда осенью 1716 года температура опустилась до отрицательных значений, она была в Праге и с юмором описывала женщин, кутающихся в шубы. *«Это не просто описать, как выглядят такие фигуры... Такая личность для информации иностранцев должна носить табличку на спине с надписью «Это женщина»* [9, s. 348]. Однако уже через пару недель, в январе 1717 года, она испытала еще более сильные морозы в Вене. В письмах она писала, что *«Дунай полностью замерз, погоду невозможно пережить без шубы, но воздух настолько чист, что подобного я никогда в Англии не чувствовала. Холод, однако, никому не мешал, в городе начался карнавал, все украшено, люди на улицах, в общественных местах проходят балы. Даже шубы не мешают забаве. Я теперь очень позитивно настроена»* (Письмо XX. С. 94).

Этот восторг о венских впечатлениях проявился намного позже. В сентябре 1716 года, когда леди Мэри еще только приближалась к городу, она была увлечена природой и окрестностями, описывая в письмах романтическую долину Дуная. Супруги путешествовали вниз по Дунаю на судне, которое местные жители называли *деревянный дом*, в нем были такие удобства, как у любого дворца, такие, например, как *нагревательная печь в комнатах и кухне. За веслами было 12 мужчин, и судно двигалось с такой невероятной скоростью, что в течение одного дня можно было увидеть огромное число самых различных сцен* (Письмо XII. С. 25). Ей понравилась долина Дуная, деревни с виноградниками, города, руины древних замков. Особенно очаровали ее Пассау и Линц, она описывает их как знаменитые города, которые были убежищем для двора в то время, когда Вена была в осаде во время боевых действий с войсками Османской империи (Письмо VII. С. 19–20).

Первое впечатление от самой Вены, однако, не было положительным. *Город, который имеет честь быть резиденцией монарха, не соответствует моим ожиданиям... Улицы настолько узкие, что человек не может даже видеть фасадов дворцов... а комнаты, окна которых выходят на улицу, полностью темные* (Письмо VII. С. 26–27). Вена в то время еще долго не могла прийти в себя после последствий турецкой осады. Смелые строительные работы по реконструкции барокко начались лишь в 1690-е годы, но были еще далеки от завершения. Страна восстанавливалась очень медленно, в этот период лишь началось строительство летней резиденции Шенбрунн. Во время визита Монтегю этот дворцовый комплекс был новостройкой, а парк только закладывался. Однако замок привлек внимание путешественников современным пониманием пространства и своим убранством – мебелью, картинами, фарфором, прекрасной едой и выбором вин, которые предлагались гостям (Письмо VII. С. 28–30).

Во время своего первого пребывания в Вене леди Мэри критиковала безвкусицу придворных дам, которым, по ее мнению, отказывало чувство меры. Особенно ее раздражало убранство волос в так называемом стиле *bourlet*, непонятные узлы

из органтина, которые возвышаются на 3–4 этажа и украшаются бесчисленным числом лент. Это похоже на то, – отмечает она в письмах, – когда наши горничные делают узел, чтобы могли поставить на голову ведро с молоком, но у венчанок это еще в четыре раза больше (Письмо IX. С. 36). В другом месте она выражается в том духе, что в Вене можно встретить чаще всего *мужчин в униформе* и женщин всех возрастов, которые наряжаются в такой манере, что город выглядит как *рай старых дев* (Письмо X. С. 46). Мода неоднократно была предметом обсуждения английской аристократки, при этом она рассказывает о моде таким образом, что это выглядит как описание репертуара театральных представлений.

Дипломатическая миссия при венском дворе

В рамках официальной программы леди Мэри имела аудиенцию у императрицы – вдовы Вильгельмины Амелии, вдовы Иосифа I. Она также встречалась с двумя ее дочерьми-герцогинями и с женой действующего императора Карла VI, молодой императрицей Елизаветой Кристиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Особый интерес леди Монтегю проявила к встрече с императрицей, как представительницей рода, имеющего родственные связи с Ганноверской династией, чьи дипломатические интересы защищал сэр Монтегю Уортли. В дальнейшем эти две женщины имели возможность встретиться не один раз [7].

Путешествовали через Прагу, Лейпциг, Дрезден, Брауншвейг, и в Ганновере посол лично познакомился с новым английским королем. Супруги путешествовали без остановки в течение трех дней и ночей. На территории Чехии их застало страшное похолодание. Усталость и холод, вероятно, были основными причинами абсолютно отрицательных впечатлений от этой страны. *«Королевство Богемии самое неприятное из всех частей Германии. Даже если Прага, бывшая резиденция королевства, по-прежнему принадлежит к самым крупным городам в Германии и до сих пор сохранила признаки прежней славы, сегодня мы застали ее в таком состоянии, что здесь остались только те, которые уже не смогут финансировать жизнь в Вене. Деревни настолько бедны и почтовые станции такие убогие, что чистая солома и чистая вода являются наивысшим благом, о котором только можно мечтать»* (Письмо XIV. С. 88–90).

Противоречивые впечатления у леди Мэри вызвало и недельное пребывание в Ганновере. Он показался ей достаточно провинциальным, но в то же время населенным большим числом местной знати. Шляхта, имевшая родственные связи с династией, предпринимала попытки втянуть посла или, по крайней мере, его жену, к спорам и разбирательствам, в результате которых каждый претендовал на повышение статуса или титула. *«Каждый хотел бы стать Его Превосходительством, пишет леди Мэри в одном из писем»* (Письмо VI. С. 21–22). В Ганновере ее муж в рамках своей дипломатической миссии встретился со своим новым королем и его женой. Георга I леди Мэри характеризовала как *«очаровательного домашнего глупышку, скорее ленивого, чем тупого, который предпочел бы оставаться в их маленьком городке в Ганновере, так как амбиции людей его окружения невысоки, и, может быть, в Англии мы никогда его не увидим»* [2, р. 466].

Религиозная (не) терпимость

В городах, через которые путешествовала леди Мэри, у нее было немного времени для их детального изучения. Часто ей удавалось участвовать лишь в обязательной церемонии или встрече, как того требовал протокол, а в городе она успевала

осмотреть лишь главный храм. Сохранилось описание церковной службы во французской кальвинистской церкви, которую они посетили в августе, когда отмечался юбилей т. н. Варфоломеевской ночи (Письмо III. С. 11). А в иезуитском храме ее внимание привлек молодой очаровательный сопровождающий (Письмо IV. Р. 13). В лютеранской церкви, которую она посетила в октябре во время годовщины начала знаменитой Реформации, ее удивили богатство декора, так контрастирующая с провозглашенной скромностью протестантских церквей (Письмо V. С. 18). Ее частые визиты в храмы показывают, что она, несомненно, была искренне верующим человеком, а не только любопытной путешественницей. Наибольшую сдержанность она проявила при упоминании католических костелов, как в целом и всей католической церкви и монастырей. При описании посещения католического храма она отметила в своем письме: *Я сейчас нахожусь далеко от строгих устоев церкви Англии, но не подумайте, что я заразилась атмосферой этих папских стран* (Письмо VIII. С. 31).

Предвзятость, с которой она комментирует католические храмы, связана с ее воспитанием в духе англиканской церкви и политической ситуацией в Англии. В связи с вопросом престолонаследия и якобитским восстанием в 1715 году в поддержку прокатолически настроенного короля Якова II Стюарта в Англии с новой интенсивностью вспыхнула борьба англиканской церкви против католицизма. Леди Мэри, в некоторых случаях открытая для всего нового, в церковном вопросе оставалась консервативной. Особенно ее раздражали женские монастыри и процессии католических верующих. Вид монахинь вызывал у нее сочувствие к страданиям этих женщин. Ее раздражало поведение обычных людей, которые, днем или ночью, *приносят свечи к деревянным скульптурам*. Их поведение она называла *суеверием*. *Процессии, которые я вижу так часто, являются просто позолотой и полностью противоречат здравому смыслу* (Письмо XII. С. 63).

Путешествие 1717 года через Венгрию

После посещения Ганновера супруги Монтегю второй раз посетили Вену и отправились в Венгрию. В дорогу из Вены в Буду и дальше на юг они выдвинулись в середине января 1717 года. Британский посол послушался совета принца Евгения Савойского, известного военачальника и обладателя гордого титула победителя турок, чтобы они дождались, когда сойдет лед на Дунае, и предприняли путешествие по воде на комфортабельном корабле. Принц предупреждал их, что многие поселения на территории Венгрии после войны с Османской империей находятся в жалком состоянии и не смогут обеспечить защиту от плохой погоды. Может так случиться, что в течение трех-четырех дней по дороге они не смогут найти даже подходящего жилья. Им придется пройти через засушливые равнины, покрытые снегом, где *холод настолько сильный, что он убил много людей* (Письмо XXI. С. 99–100). Такие серьезные предупреждения вызвали у леди Мэри ужасные картины предстоящего путешествия. Она полностью поверила словам принца, так как считала его самым информированным человеком в Вене, если шла речь об освобожденных от турок территориях. Под этим впечатлением она написала несколько писем своим постоянным адресатам в том духе, что они еще, возможно, о ней услышат, если она не замерзнет и не будет похоронена в снегах, или не попадет в руки бандитов, которые свирепствуют в этих краях, или если вообще эту дорогу переживет (Письмо XXII. С. 103).

Предупреждения венских друзей были в определенной степени оправданы. В те годы было действительно опасно путешествовать по недавно освобожденной от турок земле¹. После двух недель путешествия по этому краю в письме из крепости Петроварадин леди Мэри, однако, посмеялась над своими прежними опасениями, которыми *прежде терроризировала свою голову*. Оказалось, что сложностей зимнего периода они не почувствовали, так, у них была хорошая одежда, в том числе и шубы, над которыми она прежде так издевалась. Повсюду для путешественников находилось подходящее жилье, несмотря на то, что страна действительно была фактически разрушена и *выглядела устрашающе* (Письмо XXIII. С. 104–105).

Дорога из Вены до Рааба (Дьёр) заняла у них два дня. Город Дьёр англичанка описывает как крепость с выгодным военным положением, которая долгое время служила границей между турецкой и германской империями. Здесь они остановились в самом лучшем доме с хорошей охраной, которые им предоставил местный комендант. Здесь же их посетил темешварский епископ Надажды из знаменитой благородной семьи этого королевства, как о нем писала в своих письмах леди Мэри. Она описала его как очень культурного, дружелюбного и приятного старика, одетого в венгерское платье с длинной белой бородой до пояса. Епископ послал им несколько корзин фруктов, большой выбор венгерских вин и недавно забитого молодого оленя. Фрукты в начале января оказались приятным сюрпризом. Здесь она посетила местный кафедральный собор, который был фактически единственной достопримечательностью города (Письмо XXIII. С. 106–107). В течение следующих двух дней путешествия они прибыли в Буду, резиденцию венгерских королей, чей дворец считался в свое время *одним из самых красивых зданий, но сейчас он был полностью разрушен как и большая часть города* (Письмо XXIII. С. 108–109). Губернатор принял их в своем доме и оказался очень гостеприимным. Леди заинтересовалась историей города, периодом турецкого господства и попытками Габсбургов вернуть город.

После Буды они пересекали страну, совершенно опустошенную долгой войной между турками и императором, но еще более *жесточкой гражданской войной, вызванной беспощадным преследованием протестантов в период правления императора Леопольда*. По ее мнению, иезуиты, которым император доверил улучшение нравов в стране, принесли *больше вреда, чем турки принесли христианам* (Письмо XXIII. С. 106–108).

Хозяева сопровождали английского дипломата и его сопровождающих на место Мохачской битвы, где *молодой венгерский король Людовит потерял свою армию и свою жизнь, а туркам открылся путь к сердцу Венгрии*. При описании этого события леди Мэри дала волю эмоциям, восхищаясь героизмом защитников страны. В письме она отметила, что уже давно ее ничто так не впечатляло, как представление о том, что путешествовала по некогда цветущему краю, а сейчас здесь лишь *обезлюженная земля* и небольшие деревни среди лесов (Письмо XXIII. С. 111–112).

Автор писем описывает жизнь местных жителей как очень простую и скромную. У них нет денег, и пропитание им обеспечивают лишь лес и поле. Несмотря на эту бедность, когда им было приказано безвозмездно обеспечить английских гостей

¹ Antalffy G. A Thousand Years of Travel in Old Hungary. Budapest: Corvina kiadó, 1980. P. 175. Письма, которые касаются путешествия Монтегю через Венгрию, автор объединил под названием «Буда в руинах» (P. 177–180). Буда – резиденция венгерских королей, в настоящее время часть Будапешта.

и их сопровождающих всем необходимым, они попытались все это выполнить. Господин Уортли не хотел бесплатно пользоваться услугами местной бедноты и везде все полностью оплачивал. Такой *щедрости* местное население не ожидало (Письмо XXIII. С. 112).

Поведение англичан и то, как леди описала жизнь местного населения, свидетельствуют о том, что судьба местного населения не оставила их равнодушными. Когда сравниваешь эти «венгерские» пассажи с описанием нищих жителей и бродяг, которые она делала в немецких городах, разница очевидна. Бедствия, которые она наблюдала в немецких городах, ее в основном огорчали, но не трогали. С другой стороны, интересно упоминание леди Мэри о том, что, когда они путешествовали по территории Германской империи, через освобожденные чешские земли, им было сложно найти пропитание для лошадей. В этих же областях сопровождавшие их люди обеспечивали пропитанием, дровами для обогрева и кормом для коней, что во многом облегчало положение путешествующей семьи Уортли. Кроме того, сопровождавшие их считали своим долгом не только лично сопровождать гостей, но и обеспечивать им постоянную охрану.

В городах семью дипломатов размещали в крепостях или в домах командующего местным гарнизоном. Это давало возможность отдыха в домашней атмосфере, что позволяло леди Мэри заняться домашними делами и хотя бы небольшое время побыть в уединении женского общества. Венгерских женщин она оценила как намного более красивых, чем австрийских дам. Она даже утверждала, что все *венские красавицы венгерского происхождения. Они, как правило, очень хорошо сложены, и их одежда, как правило, необычайно элегантна*, они не позволяют себе переусердствовать с украшениями и макияжем. В семьях, где они жили, общество обычно им составляли супруга хозяина с дочерьми. Везде их хорошо угощали, а обед сопровождался *культурным и приятным общением* (Письмо XXIII. С. 115). Из писем создается впечатление, что аристократка, которая с презрением отзывалась о венском и ганноверском дворах, наконец-то получила комфортное путешествие. Вероятно, что это умиротворение было связано с тем, что в «разрушенной стране», где ежедневные переезды на большие расстояния из-за плохих дорог были ограничены, они имели намного больше времени на отдых, поэтому леди Мэри не чувствовала такой усталости, как в первые месяцы путешествия, когда переезды длились по восемь, четырнадцать, а иногда и по 24 часа в сутки. У нее появилось больше времени на общение со своими сопровождающими и хозяевами.

Путешественники проявляли большой интерес к истории, особенно их интересовали подробности недавних военных операций, и они ждали такую информацию от своих сопровождающих. Сопровождавшие путешественников, чьи имена не были указаны в письмах, по дороге Дьёр – Будин – Карловац рассказали, что такое янычарство и как оно проявилось в этих краях (Письмо XXIV. С. 122). Господин Уортли также просил рассказать о новых проектах заселения территории и экономических планах, которые помогли восстановить разоренный край.

Восточный опыт

Следуя по маршруту Белград – София – Адрианополь – Константинополь, сопровождавшие показали путешественникам греческие церкви, объяснили сложную конфессиональную и этническую ситуацию в Венгрии. Господин Уортли выразил озабоченность в том, сможет ли правительство управлять таким большим

число различных народов с различными языковыми и обрядовыми традициями. Леди Мэри, которая ранее не была обеспокоена национальным вопросом, обратила внимание на многочисленных кочевых цыган, которые, по ее мнению, *своим внешним видом напоминают индейцев*, а верой принадлежат греческому обряду (Письмо XXIV. С. 119). На границе Венгрии и Османской империи процессия британского посла перешла под защиту турецкого конвоя.

Пребывание дипломата сэра Эдварда Монтегю и его жены при дворе султана пришлось на время, когда за три года военных операций под руководством принца Евгения Савойского армия Габсбургов победила турецкие войска, заняла Банат, Темешварскую крепость, последнюю турецкую крепость к северу от Дуная, и в том же году завоевала Белград. Военные и дипломатические действия привели к заключению Пожаревацкого мира в 1718 году. Выдворение турок из Венгрии и, следовательно, их поражение были неизбежны. При этом ни в одном из писем нет никаких намеков о неуважении к туркам или их осуждение. Для леди Мэри знакомство с новой средой и новыми знаниями принесло дополнительные импульсы для творчества. Она с большим интересом открывала новый для себя мир. В письмах она рассказывала своим друзьям о традициях турецкого общества, его культуре, технике, военной системе, социальном составе населения, семейных связях, отношениях между мужчинами и женщинами в исламском мире. Именно эта сторона дневника леди Мэри нашла высокую оценку в литературе о западно-европейских путешественниках XVIII века [13, p. 40].

В различных изданиях писем английской путешественницы чаще всего цитируют два наиболее ярких впечатления леди Мэри. Первый связан с посещением турецкой бани, в которой она была в Софии, и описала с дамской скромностью и подробностями европейской первооткрывательницы. Она удивительно современно справилась с темой телесности и восприятия собственной и чужой наготы, что для литературы XVIII века было табуизированной темой (Письмо XXVII. С. 133–140). Этот отрывок из бестселлера возбуждал эротические фантазии читателей и во времена рококо, и в эпоху романтизма [12, S. 34]. Она стала первой европейской писательницей, которая описала жизнь в Османской империи с точки зрения женщины, с большим интересом и симпатией к познанию Востока. В контексте XVIII и начала XIX века литература представляла Восток как средиземноморскую область, побережье Северной Африки, Балканы, в том числе Грецию и Ближний Восток. Западноевропейская литература представляла эти обширные области через общепринятые литературно-культурные стереотипы, которые отвечали имперским интересам и прикрывались миссионерской деятельностью, декларированием цивилизаторской роли, в первую очередь Великобритании [10, pp. 97, 102, 110]. В литературе Центральной Европы было еще гораздо сложнее восприятие Востока в связи с постоянной враждой и опытом войн с Османской империей, здесь сложился свой стереотип угрозы жизни в тени полумесяца. В Габсбургской империи турок мог быть только антигероем, носителем ужаса, предательства, хитрости, коварства. В связи с этим описание леди Мэри двух лет жизни в Османской империи было новаторским. Она стала первой европейской писательницей, которая описала мусульманский мир с точки зрения женщины [8]. Она описывает повседневную и праздничную жизнь, как она увидела ее своим пронизательным взглядом. Помимо всего прочего, она описала институт гарема, его традиции и внутренний режим. Из этого описания становилось понятно, что гарем в османской культуре

и традициях был намного больше, чем просто неволя женщин и мужское доминирование [11].

Вторым, наиболее часто цитируемым пассажем из писем леди Мэри, был ее опыт вакцинации против натуральной оспы (Том II. Письмо XXXI. С. 192–195). Она принесла *эту полезную инновацию* в Англию и оценивала свой поступок как акт патриотизма. Леди Мэри сама финансировала этот проект и убедила общественность в надежности метода, испробовав вакцинацию на своем собственном маленьком сыне. Испытав в юности эту болезнь, оставившую некрасивые следы на ее лице, она очень чувствительно относилась к этой проблеме. Потеря *ангельского образа – украшения общества и двора*, осталось для нее пожизненной травмой. Ее активное участие в вопросе применения безопасной вакцинации против натуральной оспы в Англии свидетельствует о том, что, благодаря своему интеллекту, независимости и таланту описывать и комментировать традиции и жизнь различных культур, благодаря способности перенимать чужой опыт и знания, она все же осталась украшением общества, но уже в другом качестве. Неоднократные переиздания в течение XVIII–XX веков ее трудов являются этому доказательством. Путевой дневник в виде писем был собран после смерти английской путешественницы ее дочерью, которая издала их в трех томах. Кроме привлекательного стиля, высокого интеллектуального уровня автора этого издания, оно стало примером появления нового литературного жанра. В работе передана атмосфера Европы первой половины XVIII века. Одновременно путевой дневник леди Мэри можно оценивать с точки зрения раскрытия различных тем. Он раскрывает современные тому времени исторические реалии, проблему положения политических элит, появление феномена путешествия нового времени, историю повседневности, гендерные исследования, вопрос рецепции импульсов другой культурной среды. Этим произведением была также заложена традиция светского женского травелога.

Перевод со словацкого Г. В. Рокиной

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Alexander M. A History of English Literature. London: Palgrave, 2000.
2. Cannon J., Griffiths R. The Oxford Illustrated History of the British Monarchy, Oxford: Oxford University Press, 1996.
3. Fedden R. English Travellers in the Near East. London – New York – Toronto: Longmans, Green & com., 1958.
4. Grundy I. Lady Mary Wortley // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford University Press, 2004.
5. Halsband R. The Life of Lady Mary Wortley Montagu. New York: Oxford University Press, 1960.
6. Jones V. (ed.). Women and Literature in Britain, 1700–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. PP. 181–196, 295–305.
7. Kodajová D. Listy anglickej aristokratky Lady Mary Wortley-Montague o pobyte na viedenskom dvore a ceste cez Uhorsko (1716–1717) // Frimmová E. Klecker E. Itineraria Posoniensia. Bratislava: Academic Electronic Press, 2005. S. 143–151.
8. Melmann B. Women's Orients: English Women and Middle East, 1718–1918. Michigan University Press, 1992.
9. Montagueova Mary Wortley lady. Kdo byl kdo. Proslulí návštěvníci. Praha: Libri, 2001.
10. Said E. Orientalism. Western Conceptions of the Orient. London, 1995.

11. Secor A. Orientalism, Gender and class in Lady Mary Wortley Montagu's Turkish Embassy Letters // *Cultural Geographies*, 1999. Vol. 6. Issue 4. P. 375–398.
12. VlnasVít. Stracené ráje Orientu. Mary Wortley Montaguová a její obraz islámského světa // *Dějiny a současnost*. Praha, 2005. Č. 10.
13. Wolf L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilisation on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press, 1994.
14. Wortley Montagu M. Mary. *Life on the Golden Horn*. London: Penquin Books, 2007. Heeffexman T., O'Quin D. (des). *The Turkish Embassy Letters*. London: Brodview press, 2012.

Поступила 5.09.2016; принята к публикации 5.10.2016

Кодайова Даниела, научный сотрудник, Исторический институт Словацкой академии наук, Словацкая Республика, г. Братислава, *daniela.kodajova@gmail.com*

**«FROM LONDON TO CONSTANTINOPLE»: THE TRAVEL DIARY
BY THE ENGLISH ARISTOCRAT LADY MARY WORTLEY MONTAGU**

Daniela Kodajova

In this paper, based on modern methodological approaches a unique source of the XVIII century is represented – the first women's travelogue by the English traveler, diplomat wife, who accompanied him on his way from London to Constantinople (Istanbul). Travel diary by Lady Mary can be assessed in terms of the disclosure of the various topics. It presents modern historical realities, the problem is the position of the political elites, the new phenomenon of traveling, the history of everyday life, gender studies, questions the reception pulse from different cultural environment. The article described in details the circumstances of the author's life path travel diary, issued in the form of letters. The daughter of a famous nobleman, who belonged to the Conservative Party, married Wortley Montagu gravitating to the liberal political views. Despite a successful career writer, she chose the path of faithful wife of English diploma sent to serve in the Ottoman Empire. Almost two-year journey through the Lady Mary the whole of Europe to the East reflected in the fictitious letters to friends. The article analyzes some of these letters, which have been preserved impressions of visiting the land of the Habsburg monarchy. Showing the historical and political circumstances of travel through the territories recently liberated from the Turks, the state of roads, religious preferences, characteristics of the local people, especially the political elite. Paintings of local life are presented through the prism of supporters of the Anglican Church. An number of stories about visiting spouses Montague Ottoman Empire. Of particular interest to the author's travel diary has caused the situation of women in the court of the Sultan. Lady Mary was the first European writer, who introduced the Muslim world from the perspective of women. From Turkey, she brought not only her own impressins, but the experience of vaccination against smallpox. The conclusion gives the importance of this source for the development of the traditions of secular female travelogue.

Keywords: travel diary, diplomacy, British novelist, the Habsburg Monarchy, the Ottoman Empire.

Acknowledgements: This article was prepared with the support of the Agency to support research and development on the basis of the contract № APVV-15-0349.

Citation for an article: Kodajova D. "From London to Constantinople" – the travel diary by the English aristocrat Lady Mary Wortley Montagu. *West – East*. 2016, no. 9, pp. 45–58.

References

1. Alexander M. A History of English Literature. London: Palgrave, 2000.
2. Cannon J., Griffiths R. The Oxford Illustrated History of the British Monarchy, Oxford: Oxford University Press, 1996.
3. Fedden R. English Travellers in the Near East. London – New York – Toronto: Longmans, Green & com., 1958.
4. Grundy I. Lady Mary Wortley. *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford University Press, 2004.
5. Halsband R. The Life of Lady Mary Wortley Montagu. New York: Oxford University Press, 1960.
6. Jones V. (ed.). Women and Literature in Britain, 1700–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, pp. 181–196, 295–305.
7. Kodajová D. Listy anglickej aristokratky Lady Mary Wortley-Montague o pobyte na viedenskom dvore a ceste cez Uhorsko (1716–1717). *Frimmová E. Klecker E. Itineraria Posoniensia*. Bratislava: Academic Electronic Press, 2005, pp. 143–151.
8. Melmann B. Women's Orients: English Women and Middle East, 1718–1918. Michigan University Press, 1992.
9. Montagueova Mary Wortley lady. Kdo byl kdo. Proslulí návštěvníci. Praha: Libri, 2001.
10. Said E. Orientalism. Western Conceptions of the Orient. London, 1995.
11. Secor A. Orientalism, Gender and class in Lady Mary Wortley Montagu's Turkish Embassy Letters. *Cultural Geographies*. 1999, vol. 6, Issue 4, pp. 375–398.
12. VlnasVít. Stracené ráje Orientu. Mary Wortley Montaguová a její obraz islámského světa. *Dějiny a současnost*. Praha, 2005, p. 10.
13. Wolf L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilisation on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994.
14. Wortley Montagu M. Mary. Life on the Golden Horn. London: Penquin Books, 2007. Heeffexman T., O'Quin D. (des). The Turkish Embassy Letters. London: Brodview press, 2012.

Submitted 5.09.2016; revised 5.10.2016

Kodajova Daniela, PhD, (History) PhD, Institute of History, the Slovak Academy of Sciences, Slovak Republic, Bratislava, *daniela.kodajova@gmail.com*

УДК 378(470.23)

**СТИПЕНДИАТЫ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЕВРОПЕ
В 1800–1810-х ГОДАХ (ПО ПИСЬМАМ И ДНЕВНИКАМ)*****Т. Н. Жуковская***

Автор статьи на основе архивных материалов и мемуарной литературы представляет историю командировок в зарубежные университетские центры студентов и выпускников Петербургского педагогического института накануне и после Отечественной войны 1812 года. В связи с образовательной реформой Александра I молодые российские университеты должны были сформировать собственные профессорские кадры на смену приезжим иностранцам. Посылка выпускников университетов за границу для подготовки к профессуре распространилась и на Петербургский педагогический институт, который учреждался в 1804 г. как отделение будущего университета. Подробно описаны наставления профессоров института командируемым кандидатам, которые содержат обширные сведения об уровне преподавания научных дисциплин в университетах Европы, опыт которых был важен для российской высшей школы. В статье рассматриваются два эпизода из истории «академических путешествий» русских студентов: обучение 12-ти профессорантов Петербургского педагогического института в университетах Германии, Австрии, Англии, Франции в 1808–1811 гг. и командировка студентов педагогического института в Англию в 1816–1819 гг. для знакомства с теорией и практикой взаимного обучения по методу Дж. Ланкастера. Последний опыт был необходим для распространения начальных училищ, что оставалось самым слабым звеном образовательной реформы Александра I. Сохранившаяся переписка командированных русских студентов с конференцией педагогического института, министром народного просвещения и другие источники позволяют реконструировать обстоятельства их перемещения по Европе, систему научной подготовки и научной коммуникации начала XIX в., особенности повседневной жизни русских студентов за границей, восприятие ими национальных и культурных особенностей западноевропейских стран. Приведены обширные цитаты из архивных документов, которые наглядно демонстрируют самые разнообразные стороны командировок: маршруты поездок, сложности, с которыми сталкивались россияне за рубежом, систему финансирования. Приведенные материалы обстоятельно описывают механизм кураторства поездками со стороны Министерства народного просвещения и Министерства иностранных дел, а также заинтересованность и компетентность императора Александра I в подготовке кадров для высшей педагогической школы.

Ключевые слова: история Санкт-Петербургского университета, подготовка профессоров, заграничные стажировки в 1800–1810-х гг., система научных коммуникаций, восприятие европейской науки и культуры.

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-0600528: «Петербургская историческая школа XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс».

Для цитирования: Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х годах (по письмам и дневникам) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 59–95.

Система завершения академической подготовки русских студентов за границей за государственный счет сложилась еще в 1730–1770-х гг. в университете,

действовавшем при Академии наук. Московский университет также следовал этой практике [1]. «Академическое путешествие» в Европу (*peregrinatio academica*) для казенных студентов представляло собой хорошо спланированную и организованную подготовку по программе, заранее определенной Академией наук или университетом, финансируемую государством, с перспективой возвращения в Россию и занятия профессорских кафедр, ученых должностей или, в случае с правоведами, административных. При этом немалое количество сыновей аристократов в последней трети XVIII – начале XIX в. учились за границей сами по себе, за счет родителей, достаточно назвать имена П. М. Дашкова, братьев Андрея, Александра, Николая и Сергея Тургеневых, А. И. Михайловского-Данилевского, видных сановников: Н. Н. Новосильцева, А. А. Чарторыйского, С. С. Уварова и др.

В связи с образовательной реформой, предпринятой в первое десятилетие царствования Александра I, молодые российские университеты должны были в ближайшей перспективе сформировать собственные профессорские кадры на смену приезжим иностранцам. Посылка выпускников университетов за границу для подготовки к профессуре стала в эти годы систематической, распространилась она и на Петербургский педагогический институт, который учреждался в 1804 г. как отделение будущего университета, а на деле стал основной кузницей педагогических кадров как для губернских гимназий, так и для университетов.

Рассматриваемые в статье эпизоды известны в общих чертах историкам российской науки и образования. Однако детали «академического путешествия» двух групп петербургских студентов в Европу оставались скрыты от исследователей без обращения к материалам университетского и ведомственного делопроизводства, которые хранятся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Гораздо лучше изучена система заграничных научных стажировок 1830–1840-х гг. и пореформенных десятилетий, нашедшая отражение не только в ведомственных документах, но и в опубликованных отчетах, дневниках и воспоминаниях русских профессорантов и их кураторов [7; 8; 9; 14].

В июне 1808 г. по решению правительства 12 лучших студентов первого выпуска педагогического института были отправлены в Европу для усовершенствования в науках. Это были Александр Иванович Галич, Александр Петрович Куницын, Моисей Гордеевич Плисов, Никита Иванович Бутырский, Николай Кириллович Воронковский, Дмитрий Семенович Чижов, Михаил Федорович Соловьев, Яков Иванович Карцов, Степан Степанович Подзорский, Иван Дмитриевич Кастальский, Андрей Васильевич Ржевский, Иван Козьмич Кайданов. Впоследствии они должны были занять профессорские кафедры в Петербургском университете, который предполагалось вскоре открыть на базе педагогического института. Решение об этом было принято еще осенью 1807 г., после окончания экзаменов в институте, в связи с необходимостью ротаций внутри «ученого сословия» российских университетов. Практика приглашения профессоров-иностранцев, позволившая поставить преподавание в университетах в первые годы XIX в., не могла продолжаться долго. В программной записке попечителя столичного учебного округа Н. Н. Новосильцева об отправлении студентов за границу указывалось, что «профессоры и адъюнкты, преподавая науки на природном языке, могут произвести в учащихся гораздо большие успехи, нежели обучая на языках иностранных». Потому «явная польза Государства и наук требует, чтоб

для С.-Петербургского Университета приготовить профессоров и адъюнктов из природных россиян». Попечитель был убежден, что студенты института «наилучшим образом соответствовать могут сему намерению, как приобретшие важные сведения, открывающие им путь к достижению высших ученых степеней» [26, л. 21 об.–22; 15, л. 1–1 об., 2–4 об.]. На основе записки Новосильцева министром народного просвещения на высочайшее имя был представлен доклад об отправлении студентов за границу, который 23 мая 1808 г. был одобрен Александром I.

Конференцией профессоров Института был определен персональный состав командируемых, «отличных дарованиями, знаниями наук и иностранных языков». Они отправлялись в Европу в статусе магистров, «заслуженном ими во всех отношениях», поэтому им сразу определялось годовое содержание в 400 рублей, равное окладу магистра университета. Молодые люди уезжали за границу на три года, с тем, чтобы вернуться к моменту предполагаемого окончания обучения вторым выпуском Педагогического института и ожидаемого преобразования института в университет. Цель их пребывания в европейских научных центрах состояла в том, чтобы «усовершенствовать себя в науках, по которым могли бы они в будущем Университете занять места адъюнктов и профессоров для составления по крайней мере двух полных факультетов: нравственно-политического и физико-математического» [26, л. 22 об.].

Еще осенью 1807 года начались практические консультации между попечителем учебного округа Н. Н. Новосильцевым и профессорами института о целях и программе «академического путешествия» студентов. В ходе этих консультаций Новосильцевым на основе рекомендаций профессоров К. Ф. Германа, М. А. Балугьянского, А. И. Шерера, П. Д. Лодия, знакомых с системой преподавания в разных университетах Европы и сохранивших там академические связи, была составлена подробнейшая инструкция отъезжающим. В этом обширном документе определялись рамки основной и дополнительной специализации каждого из командируемых, маршрут «академического путешествия», намечались центры подготовки, где им предстояло жить и учиться, были определены имена европейских ученых, у которых надлежало прослушать курсы наук [6]. Студенты уезжали на три года, с тем чтобы каждый год провести в определенном программой подготовки научном центре, перемещаясь по Европе. Так, Подзорскому, специализировавшемуся в «технологии и сельском домоводстве», надлежало провести первый год в Геттингене, второй в Берлине, третий в Англии и России; Карцову, специализировавшемуся в физике и прикладной математике, – первый год в Иене, второй – в университете Галле, третий – в Париже; Воронковскому, обучавшемуся практической астрономии, следовало первые два года провести в Геттингене, третий год – в других городах Германии, где он мог бы вести практические наблюдения, а также в Париже и Милане.

В университетских городах Европы студенты, следуя традиции предыдущих десятилетий, препоручались «известным по своим правилам и роду жизни профессорам, корреспондентам здешней Императорской Академии наук или почетным ее членам и министрам российского двора» [16, л. 2 об. – 3].

В записке попечителя Н. Н. Новосильцева «Начертание об отправлении студентов Санкт-Петербургского педагогического института в чужие края», резюмирующей соображения профессоров, предлагалось развернутое определение специфики каждой отрасли преподавания, для которой намечались кандидаты, и того, какие

науки являются для нее основными, а какие вспомогательными. Исходя из этого выстраивались индивидуальные маршруты путешествий, программа слушания курсов и получения практических навыков у профессоров различных европейских научных центров. Записка Новосильцова была включена в доклад министра народного просвещения П. В. Завадовского Александру I, который 23 мая 1808 г. своей резолюцией одобрил как предложенную систему подготовки будущих ученых, так и размеры их денежного содержания во время академического путешествия [16, л. 31–32].

Так, известный в будущем правовед А. П. Куницын должен был готовиться «для дипломатики», т. е. изучать курс политических наук, понимаемых тогда как комплекс наук о государстве, государственном управлении, государственном праве. Учитель Куницына М. А. Балугьянский в своей записке на французском языке, представленной конференции 12 ноября 1807 г. («Мысли о путешествии студентов»), выразил мнение, что профессорским кандидатам в области политических наук, истории и философии необходимо углубленно изучать следующие науки: «история политическая, древняя и новая, естественное право (*le droit philosophique de la nature*), право римское и феодальное; статистика европейских государств, политическая экономия, курс дипломатики» [27, л. 16–17 об.].

Дипломатика как отрасль науки о государстве не была отделена в этом описании от политической экономии и коммерции. Для кандидата дипломатики «главными» были признаны: «1) политическая история трех последних веков; 2) курс дипломатический; 3) народное положительное право Европы; 4) познание узаконений и настоящего состояния главных держав, народонаселения, армии, фабрик (торговый баланс не есть еще важнейшая часть сей науки), знание законов политических гражданских, военных и коммерческих, а также знание, как составлять законы, свойства народа, также собирание податей и проч. означают истинного знатока прав народных; 5) начальные основания политики, если есть таковые». К вспомогательным наукам для кандидата, готовящегося по дипломатике, были отнесены «все те, кои нужны и полезны для кандидата политической экономии <...>, военная история трех последних веков, история коммерции, некоторые познания военного искусства или военных действий» [26, л. 31].

В документах, сопровождавших отъезд профессорантов в Европу, применительно к каждому из них были определены имена европейских ученых, чьи общие курсы или частные лекции (*privatissima*) желательно было прослушать. Эти указания были подкреплены рекомендательными письмами к ведущим ученым Германии и Франции, которыми были снабжены отъезжающие. Куницыну были вручены рекомендательные письма к профессорам Гейдельбергского университета А.-Ф.-Ю. Тибо и К.-Х. Лангсдорфу, профессорам Геттингенского университета математику К.-Ф. Гауссу, историку А. Л. Шлецеру, «тайному юстиции советнику» филологу Х.-Г. Гейне, члену-корреспонденту Французской академии Пуссену и др. [26, л. 130]. Другие студенты также получили по 7–15 рекомендательных писем к разным европейским ученым. От имени неперменного секретаря Академии наук Н. И. Фуса на имя ученых корреспондентов за границей (таких как геттингенские профессора А. Л. Шлецер и К. Мейнерс) также были направлены письма о содействии русским студентам [26, л. 129].

А. И. Шерер, профессор педагогического института и член Петербургской академии наук, в своей аналитической записке детально изложил задачи подготовки

специалиста в чистой математике и астрономии и его возможный академический маршрут по Европе. Он считал, что «молодой человек, имеющий способность и охоту к изучению сей пространной науки и основательно научившийся первоначальным ея правилам, почти не имеет нужды в другом наставлении, кроме того, которое можно почерпать в классических сочинениях лучших наших авторов», поэтому Шерер предлагал расширить круг теоретического чтения и, главное, организовать частные консультации и занятия у ведущих европейских математиков. Со знанием дела он пишет: «Не в публичных, всегда весьма поверхностных и содержащих токмо первые основания наук, курсах профессоров в университетах, даже устроенных наилучшим образом, наш студент может надеяться пройти с успехом математику, а в частных уроках <...> он в короткое время успеет умножить свои познания. Пфаф в Гельмштедте, Клюгер в Галле, Гаусс в Геттингене наиболее заслуживают доверенности по части геометрии, как имеющие по сей части глубочайшие познания изо всех ученых в Германии. В Париже изобилие затрудняет выбор. Не говорю о Лагранже и Лапласе (кои не занимаются частными уроками, но верно согласятся давать советы касательно затруднительных случаев, достойных их внимания; там находятся Боссю, Лежандр, Лакроа, Био, Франкер, которые всем известны по своим сочинениям и по успехам учеников. Для первого образования кандидат отправится к профессору Пфаффу в Гельмштедт, который признан одним из отличнейших математиков Германии и известен своим обработыванием нового учения комбинаций. Потом, Париж, есть наилучшее место для дальнейшего образования, ибо, как известно, там находятся искуснейшие люди по сей части. После сего полезно несколько времени употребить для слушания проф. Гута во Франкфурте на Одере» [26, л. 34]. Подробности данной записки, как и других профессорских рекомендаций свидетельствуют о непосредственном знакомстве писавших с основными научными специализациями и традициями европейских университетов и академий. Это позволило составить для всех кандидатов квалифицированную и исчерпывающую программу подготовки, соответствующую уровню развития наук в начале XIX века.

В итоговой редакции «Начертания...» Новосильцева подготовка специалиста по чистой математике (в этом качестве выступал Д. С. Чижов) была отделена от подготовки в «практической астрономии». Последняя была возложена на Н. К. Воронковского, задачи которого определялись следующим образом: «Молодой человек, знающий все части математических наук, может надеяться с успехом посвятить себя практической астрономии. Изо всех университетов в Германии Геттинген по сей части наиболее одобряется, не по причине обсерватории, ибо в Германии находятся лучшие, но потому что там находится знаменитый профессор Гаус, человек, имеющий равные познания в математике, искусстве наблюдения и высших астрономических исчислениях. Помощник его г. Гардинг главным образом по справедливости известен как хороший обсерватор. Пробыв два года в Геттингене, студент с пользою может посетить наилучшие обсерватории в Германии и директоров оных, как, например, Цаха в Зеберге, Бода в Берлине, Бесселя в Лилиентале, Триснекера и Бурга в Вене и проч. Он окончит посещением обсерваторий в Милане, Париже и Гринвиче» [26, л. 59–59 об.].

Любопытны пространные рассуждения в записках профессора статистики К. Ф. Германа и политэконома М. А. Балугьянского о сравнительных достоинствах разных университетов, которые послужили материалом Новосильцеву для составления

итогового «Начертания...». Балугьянский пишет (перевод французского оригинала): «В настоящем положении Европы трудно изобразить университет, в котором бы политические науки основательно были преподаваемы. Однако ж в Геттингене можно слушать гг. Гуго по части римского права, Мартенса по части народного права, Сарториуса по части политической экономии, Герена по части истории и проч. В Гейдельберге находятся теперь славнейшие профессеры Германии: Тибо по части гражданского права в числе оных. Для пребывания в обоих сих университетах довольно одного года, в течение коего желательно было бы, чтобы они (отъезжающие студенты. – *Т. Ж.*) увидели еще Лейпцигской, Иенской и др. университеты, если они существовать будут». Далее профессором развернуты соображения о необходимости посещения Франции: «Не учебные заведения политических наук могут служить побудительною причиною для кандидатов осмотреть Париж и Францию; училище во Франции и Академия законодательства суть единственные заведения, в которых можно слышать нечто о законоположении и политике; но там есть другие заведения, есть люди, новые постановления и множество других вещей, достойных применения. И так, [не] только знание света, опыт и памятники искусства привлекут их в Париж. Для сего можно назначить примерно год».

Балугьянский также считал необходимым посещение профессорскими кандидатами Англии. Именно здесь, «если переменятся политические обстоятельства, кандидаты увидели бы чудеса человеческого искусства, самое цветущее земледелие, фабрики, верфи и проч., также смешанное правление, парламенты, суды и места, учрежденные для приведения в лучшее состояние хлебопашества. <...> Возвращением чрез Голландию, Гамбург, Киль, Копенгаген, Стокгольм они окончат свое путешествие. Полезно бы было видеть им Вену в рассуждении ее библиотек, картин и проч., и по близости к Империи. На все сие полагается также год» [26, л. 32–33, 56].

Этот пассаж Новосильцовым в итоговой редакции инструкции был опущен, но основные его идеи сохранены. Таким образом, чисто академические задачи путешествия должны были соединиться с познавательными, расширением политического и культурного кругозора профессорских кандидатов.

План подготовки специалиста по ботанике и минералогии (в этом качестве был определен И. Д. Кастальский) согласно «Начертанию...» предполагал, что вначале «студент имеет отправиться в Геттинген для познания систем ботаники и в особенности криптогалии (термин, соответствующий современному понятию таксономии, или учения о принципах систематизации организмов. – *Т. Ж.*) у трудолюбивого проф. Шредера». К зиме он должен «отправиться во Фрейберг для минералогии, где он может совершенно узнать методу славного Вернера. Потом с наступлением весны нужно будет ему сделать путешествие чрез Саксонские и Богемские горы в Билин, где выслушает курс у знаменитого Рейса. Он, как известно, ученик Вернера и сочинитель полнейших и основательнейших книг по минералогии, какие теперь имеем, а Богемия есть земля, отменно способная для учения геогнозии. В то же лето может он ехать в Регенсбург, где есть весьма прилежные ботанисты, как то Гоппе, президент тамошнего Ботанического общества, который рачительно занимается образованием молодых ботанистов. Он, равно и другие там живущие ботанисты, часто предпринимает ботанические путешествия в окрестные земли, даже до Альпийских гор. Находящиеся там ботанисты и богатая растениями природа, каковы суть окрестности Регенсбурга и Гейдельберга, дадут

случай получить совершенное познание в практической ботанике. Получив уже сии познания, студент отправится в Париж, где в зимнее время постарается узнать систему Гайю от самого ее изобретателя, а с наступлением весны окончит учение свое в ботанике в Парижском саду растений, который бесспорно своим устройством превосходит все прочие. Отсюда, если обстоятельства позволят, отправится в Корнвалию (Корнуолл, графство на Юго-Западе Англии. – *Т. Ж.*) для минералогии, в противном случае возвращаясь в Россию чрез иностранные владения, полезно было бы, чтобы он несколько времени употребил на обозрение и наблюдение произведений по ботанике и минералогии в южных странах России, как то: в Крыму, Малороссии и проч. [16, л. 63–64].

Этот детализированный план ученого путешествия также строился на профессорских рекомендациях и был составлен, скорее всего, профессором Педагогического института А. М. Теряевым. План и предположенные маршруты раскрывают неформальную сторону организации науки, кругозор и личные связи петербургских профессоров.

Все профессоранты получили подробные персональные наставления о цели своей научной подготовки, ее этапах и географии. Так, в «наставлении», данном А. П. Куницыну, говорилось о цели подготовки специалиста в области наук о государстве: «В новейшие токмо времена испытали, что государственные науки не принадлежат ни к философии, ни к науке права, но составляют особую часть сведений. Исторические познания служат им введением, которое должно быть основано на тех философических правилах, которые служат пищею для истории. Политик имеет сношение с человеком как с гражданином, следовательно, прежде суждения о сношениях народов и частных особ между собою и обнародования своих суждений должен он знать свойства человеков и государств, почерпнуть советы в опытности протекших времен». Ниже карандашом, рукой Новосильцева, были обозначены два варианта «академического путешествия» для Куницына. Первый: «1-й год в Геттингене, 2-й год в Гейдельберге, 3-й во Франции». На обороте листа был предложен вариант с посещением Англии: «...3-й [год]: первую половину во Франции, 2-ю в Англии» [26, л. 91]. Таким образом, первый год стажировки А. П. Куницын должен был провести в Геттингенском университете, второй – в Гейдельбергском, где «находятся теперь славнейшие профессора Германии, Тибо по части гражданского права среди прочих» [26, л. 56]. «Примерно год» определялся ему для пребывания в Париже, которое подчинялось задачам изучения практического законодательства Франции, в парижской Академии права. Самостоятельной задачей было знакомство с системой организации науки и образования во французском институте [26, л. 32].

Н. Н. Новосильцев, слывший англоманом и знавший университеты Англии, считал необходимым для Куницына посещение и этой страны, правда в том случае «если переменятся политические обстоятельства» [26, л. 56 об.]. Имелось в виду осложнение внешнеполитических отношений фактом заключения российско-французского союза в Тильзите и вынужденного присоединения России к континентальной блокаде Англии. В этой связи кандидатам рекомендовалось заниматься английским языком, находясь в Германии и Франции, чтобы расширить первоначальные навыки, полученные еще в Педагогическом институте.

Помимо жалования, равного магистерскому, каждому из отъезжающих была назначена сумма в 1100 руб. в год на издержки, связанные с переездами, оплатой

за прослушанные лекции и консультации иностранных ученых. Финансирование производилось вперед, по третям года. Эта сумма была увеличена перед отъездом до 1500 руб. в связи с ускоряющейся инфляцией рубля, причем выплаты были сразу произведены за год вперед. В общей сложности Государственное казначейство выдало профессорам при отъезде из училищного капитала 18 тыс. руб. [16, л. 33].

Каждому из отъезжающих был вручен заграничный паспорт, представляющий собой универсальный документ, с определением статуса владельца, цели путешествия, с указанием всех городов, предназначенных к посещению. Коллективная дорожная карта «академического путешествия» 12-ти студентов, согласно паспортам, определяла маршруты: «Кайданову в Геттинген, Галичу в Гельмштедт и Геттинген, Плюсову в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Куницыну в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Бутырскому в Геттингене, Париж, Вену и др. города Франции и Германии, Чижову в Гельмштедт, Галлу, Геттинген и Париж, Воронковскому в Геттинген, Зеберг, Берлин, Лилиенталь, Вену, Милан и Париж. Ржевскому в Париж, Вену и Зальцбург, Кастальскому в Германию, Францию и Италию, Подзорскому в Геттинген и Берлин» [16, л. 38]. В паспортах также содержалось обращение к европейским властям и российским консульствам за границей с просьбой оказывать «академическим путешественникам» всяческое содействие. Типовой текст паспорта за подписью министра иностранных дел Н. П. Румянцева выглядел следующим образом: «Божиею милостью мы, Александр I император и самодержец Всероссийский и прочая и прочая, и прочая. Объявляется чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего Санкт-Петербургского педагогического института студент Воронковский отправляется по Высочайшему Е. И. В-ва повелению в Геттинген, Зеберг, Берлин, Лилиенталь, Вену, Милан и Париж для усовершенствования в науках, того ради Мы всех высоких областей дружески просим от каждого по состоянию чина и достоинства, кому сие предъявится, приятно желаем, нашим же воинским и гражданским управителям всемилостивейше повелеваем, дабы означенного студента Воронковского как ныне из России едущего так и потом в Россию возвращающегося, не токмо свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать велели, за что Мы нашим высоким Областям взаимно в таких случаях воздавать обещаем. Наши же подданные Наше повеление да исполняют во свидетельство того дан сей паспорт с приложением Нашей Государственной печати. СПб-г, июня 15, 1808. По Е. И. В-ва указу. Подлинный подписал гр. Николай Румянцева» [26, л. 135]. Паспорты были отпечатаны на русском и немецком языках.

Российские дипломаты, получив по своим каналам соответствующие распоряжения, вступали в переписку с министерством народного просвещения по поводу русских студентов. Так, российский посланник в Саксонии В. В. Ханьков писал из Карлсбада, что как только студенты окажутся «в местах, где буду я иметь возможность содействовать к их пользе», для них будет сделано все необходимое. Посол России в Австрии Ан. К. Разумовский, по приезде в Вену студента Подзорского в августе 1809 г., сообщил министру народного просвещения о его занятиях и прибавлял: «Я ему к сему сколь от меня зависеть будет, способствовать буду, и просил его меня уведомить, коль скоро он в моем заступлении нужду встретит» [16, л. 52, 54].

В первый год путешествия, согласно программе подготовки, сразу несколько профессорантов оказались в Геттингенском университете. Здесь «кандидату

по дипломатике» Куницыну надлежало «слушать гг. Гуго по части римского права, Мартенса, по части народного права, Сарториуса по части политической экономики, Герена по части истории и проч.» [26, л. 56]. И. К. Кайданову, который готовился «для истории, географии и статистики», предстояло все три года пробыть в Геттингенском университете, как «изобилующем всеми средствами к усовершенствованию студента во всех исторических и вспомогательных к ним науках» [26, л. 50 об. – 51] Н. И. Бутырскому, который готовился к преподаванию «словесности и эстетики», предстояло здесь провести два первых года, а на третий год совершить путешествие по другим университетским городам Германии, а также по Англии и Франции. В Геттингенском университете первый год стажировки проводили также Кастальский, Подзорский и Воронковский. В Геттингене в это время находились и трое стипендиатов, посланных Московским университетом: А. В. Болдырев, Ф. Я. Ранд и Р. Ф. Тимковский. Одновременно с ними, но за свой счет в Геттингене слушали лекции Н. И. Тургенев, П. П. Каверин, А. И. Михайловский-Данилевский и С. В. Михалков (будучи, правда, в статусе отличном от уже получивших российские дипломы своих товарищей). Русская студенческая колония в Геттингене, оказавшись довольно многочисленной, жила компактно, поддерживала и подчеркивала связи с родиной. Об этом мы узнаем из дневников и переписки братьев Александра и Николая Тургеневых, дневников А. И. Михайловского-Данилевского [2; 12].

Сведения о занятиях в Геттингене и других научных центрах сохранились в рапортах самих профессорантов, которые они должны были представлять конференции педагогического института каждые четыре месяца. Кроме того, им было разрешено для скорости решения возникающих материальных проблем напрямую сноситься с министром народного просвещения и обращаться за помощью в российские консульства. Фрагменты этой переписки сохранились в делопроизводстве педагогического института, делах канцелярии попечителя учебного округа и министерской канцелярии. Эти источники позволяют частично реконструировать ход академических занятий профессорантов за границей, круг научных интересов и контактов, их европейские маршруты, бытовую сторону жизни, а также систему административных отношений, в которую вовлекались европейские профессора, российские дипломаты, таможенники, банкиры, через которых осуществлялся перевод векселей для срочной оплаты долгов, квартирные хозяйки и т. д.

Самостоятельный интерес представляет язык этой переписки, свободный от формализации, приданной университетскому делопроизводству реформой 1830-х гг., непосредственный, отражающий эмоции и характеры пишущих. Особенностью стиля данной переписки является уважительное отношение Конференции к своим бывшим питомцам, к которым она обращается как к равным. «Милостивый государь мой Николай Кириллович», – так обращается, например, к Воронковскому секретарь Конференции профессор И. И. Мартынов (в отсутствие директора фактический глава Педагогического института). Неформальный характер этой коммуникации проявляется и в том, что вчерашние студенты получили право напрямую писать министру народного просвещения гр. Ал. К. Разумовскому. По форме тексты студенческих отчетов содержат информацию о занятиях, перемещениях, повседневной жизни и нуждах молодых людей, многие из них представляют собой образец риторического письма.

Особенно эффектны рапорты С. С. Подзорского и Н. И. Бутырского, чаще других прибегавших к просветительской риторике и высокому слогу, в то же время они написаны с чувством собственного достоинства, которое приобреталось бывшими семинаристами, выходцами из социально приниженного духовного сословия, за годы обучения. Местами эти рапорты напоминают беседу с близкими по духу и понимающими товарищами. Обращаясь к профессорам педагогического института уже как к коллегам, стипендиаты мотивируют свои переезды из одного города в другой, отклонения от предписанного академического маршрута, смену научных кураторов, объясняют перерасход средств и происхождение долгов, сообщают о покупке необходимых книг и приборов, ищут совета. Это образчики научной переписки своего времени, отражающие характер пишущего и его взаимоотношения со своими наставниками, которые характеризуются как «семейный стиль» дореформенного университета [3].

Н. И. Бутырский сообщает о себе в рапорте от 16 января 1811 г., объясняя переезд в Геттинген из Парижа:

«Почтеннейшие члены Конференции!

В последний раз, если не ошибаюсь, дерзаю утруждать слух ваш, без сомнения уже утомленный нашими просьбами в течение целых почти трех лет.

Позвольте наперед мне заняться изложением моих занятий в Геттингене. <...> Кроме двух исторических коллегий, я посвящал и посвящаю весь зимний семестр на прочтение наилучших из книг, большею частью критических. Надеюсь, что вы простите мне, если я может быть слишком распространяюсь, изъясняя главнейшие сочинения, наиболее занимавшие меня в течение полгода. Сие тем охотнее предпринимаю, что может быть Конференции заблагорассудится украсить ими нашу институтскую библиотеку.

1. Зульцера теория изящных искусств с прибавлениями г. Бланкенберга.

2. Дополнения к Зульцеровой теории или отличительное начертание всех древних и новейших знаменитейших поэтов.

3. Бутервекова история итальянской, французской, испанской и английской поэзии.

4. Эйхгорнова история образования и словесности всех народов. <...>

5. Шлегелева история греческой поэзии.

Некоторые по сей части журналы: Магазин словесности; Швейцарский музей, Немецкой музей, многие статьи парижской Академии словесности. <...>

18. г. Андре, сочинение об изящном.

Руководствуясь сими и другими сочинениями, сверх некоторых переводов и сочинений в прозе и стихах, сверх записок в коллегиях, я написал примечания на мою эстетику, которую вообще пояснил и расширил; краткую историю греческой поэзии; подробнейший разбор всех греческих поэтов, начиная от так называемых баснословных <...>. В оставшееся время семестра надеюсь собрать краткую историю римской поэзии, и если успею, разбор римских, по крайней мере наиважнейших поэтов. Смею надеяться, что почтеннейшая Конференция не сочтет хвастовством сие откровенное и некоторым образом должное признание, но примет как наилучшее оправдание касательно моего перевода из Парижа в Геттинген. В противном случае будучи может быть обвиняем я предлагаю вместо всякого ответа мои занятия».

Далее следует откровенный, интонационно воспроизводящий живую речь, репортаж о катастрофическом состоянии кошелька профессоранта и прошение о присылке дополнительной суммы на обратный путь:

«Наконец, порядок требовал бы предложить отчет в издержанной сумме 600 руб. Но я думаю, что он совсем не нужен будет, если вообразить, как и не сомневаюсь, что я получил за сию сумму 750 франков, что каждый франк отвечает 20 копейкам, что я сделал дальнее и не прямое путешествие, что со времени получения протекло уже 6 месяцев. Если присоединить еще к тому 2 месяца, которые остается мне здесь прожить, то смею сказать, что я не могу обойтись без долгов. Я сказал 2 месяца, ибо в конце марта оканчивается зимний семестр. Почтеннейшей конференции, конечно, неизвестно, что нам время возвращаться. Ибо обзывать на следующий семестр квартирою, коллегиями и пр. – значило бы напрасно тратиться. Знаю, что мы должны явиться в Петербург 1-го июня.

Таким образом, с нетерпением ожидаем решительного ответа я и г. Плисов, и вместе суммы, которая была бы достаточна заплатить некоторые долги и сделать обратное путешествие со всею нашею поклажею, для чего по крайней мере потребно 400 талеров, и притом к 15 следующего марта, особливо когда я намерен и должен поехать через Дрезден, чтобы осмотреть Дрезденскую галерею. Я не могу определить рублями, ибо кроме того, что каждый рубль отвечает 4 грошам, я не могу ручаться, продолжится ли тот же самый курс еще 2 месяца. Почтеннейшая Конференция на сей раз решится нашею судьбою, ибо иначе мы ни здесь доле жить, ни возвратиться не в состоянии. Просим внять нашей просьбе. Пребываю с глубочайшим почтением и преданностью покорнейшим слугою Н. Бутырский. Геттинген [20, л. 3–4].

Не все студенты смогли в точности выполнить предначертанный Новосильцевым план научной подготовки. Так, Куницын потратил на освоение политических наук в Геттингене не год, а два года, после чего в его перемещении в Гейдельбергский университет уже не было необходимости. Наоборот, А. И. Галич провел основное время в Гейдельбергском университете, одном из центров европейской философии. Однако, задержавшись в Геттингене, Куницын расширил круг рекомендованных ему курсов, скорректировав данную в Петербурге инструкцию. Впрочем, так были вынуждены поступить и многие его товарищи, по разным причинам задерживаясь в одних университетских городах и не посещая другие. Основной причиной изменения их маршрутов и планов было то, что в это время Европа активно воевала, и это остро ощущалось в немецких землях, частично присоединенных Наполеоном. Немецкие университеты теряли своих студентов и профессоров, иные и вовсе были закрыты. Главное, росла дороговизна, а русский рубль стремительно обесценивался. Это сказывалось в расхождении предполагаемых расходов за границей с реальными. Недостаточной оказывалась сумма в 1500 руб. годового содержания, получение которого задерживалось по 4–6 месяцев и за это время обесценивалось. Дополнительных сумм, высылаемых по просьбе профессорантов в 1810–1811 гг. на оплату лекций, переезды, также оказывалось недостаточно. Студенты вынуждены были прибегать к займам у русских представителей за границей, частных лиц. Просьбам о скорейшей посылке дополнительных денег посвящена основная часть их обращений в конференцию Педагогического института и к министру народного просвещения.

Сохранилось по несколько похожих отчетов от астронома Н. К. Воронковского, физика Я. И. Карцова, химика М. Ф. Соловьева, математика Д. С. Чижова, письма прервавшего свое обучение и уехавшего к родителям в Московскую губернию И. Д. Кастальского и других.

Так, Соловьев писал о себе в обстоятельном рапорте, который через русского посла во Франции А. Б. Куракина пересылался министру народного просвещения:

«Я имел щастие быть помещен в число сих 12 путешественников. Химия с принадлежащими к ней другими науками составляет предмет, коим я решился особенно заниматься. <...> Рекомендательные письма, кои я имел от СПб. Академии наук ко многим иностранным членам оной, познакомили меня с знаменитейшими берлинскими учеными. В течение 10 мес. я слушал тамошние публичные лекции, но особенное мое занятие составляли 2 частных курса (*privatissimo*): курс всеобщей химии первого немецкого химика славного Клапрота и курс камеральной или хозяйственной химии г. Гермстедта. <...> Обзорение фабрик и мануфактур, коими наполнена столица Пруссии и окрестности ея, было одним из главных моих предметов. По истечении первого года путешествия моего по особому предписанию начальства я должен был отправиться из Берлина в Париж. Приехавши сюда в июле месяце 1809 г., я нашел еще более благоприятствующих средств к усовершенствованию моих познаний». Соловьев прослушал публичные курсы, которые читались в летнем семестре в парижском Музее естественных наук, но, как пишет, не успел «вполне познакомиться со всеобщим естественным методом». Затем, когда начался зимний семестр в *College de France*, он прослушал здесь курсы физики, всеобщей органической химии и курс медицинской химии. В плане третьего года его стажировки стояло «хотя бы недолгое пребывание в Лондоне, если к сему времени переменятся политические обстоятельства», но поскольку внешнеполитическая напряженность не ослабела, Соловьев получил предписание еще на год остаться в Париже и заниматься всеобщей химией, «химией приноровленной к мануфактурам», фармацевтической химией и геогнозией», посторонними курсами [16, л. 132–133об.].

Н. К. Воронковский, обучавшийся практической астрономии в Геттингенском университете, в рапорте от 6 июля 1809 г. сообщал в конференцию педагогического института о ходе своих занятий у К.-Ф. Гаусса, объясняя как сделанные им дополнительные издержки, так и необходимость задержаться в Геттингене и взять дополнительные занятия вместо рекомендованной поездки в Берлин к профессору И.-Э. Боде. Он писал:

«Почтеннейшие члены Конференции!

Благосклонность ваша, которою я имел щастие пользоваться во время пребывания моего в Институте, дает мне право думать, что это была награда за поступки, сообразные с предписанием и волею начальства <...> Настоящие мои занятия сверх упомянутых в предыдущем донесении наук, составляют геодезия и также английской язык. Первой учусь у проф. Thibaut, а последнему у проф. Beneke. Что же касается до практической астрономии, то еще и до сих пор не начинал, ибо проф. Gauss по объявленной уже мною причине никаких астрономических лекций не читает. Итак, не видя никакого другого средства слушать сию науку, хотелось бы взять у него *privatissima*, но услышав от него, что это стоит 12 лудиоров, т. е. 65 талеров за 5 1/2 месяцев, принужден был оставить мое намерение,

поелику сумма сия составляет почти половину третного моего жалования; по причине худого курса и большой в Геттингене дороговизны. <...> Обстоятельство сие приводит меня в большое замешательство, я предлагаю оное на рассмотрение почтеннейшей конференции и в ожидании решения пребываю с глубоким почтением. Студент Николай Воронковский» [23, л. 2–2об.].

В том же рапорте Воронковский представил обстоятельный счет о своих тратах за первый год путешествия, который дает понятие о повседневных издержках, перемещениях и трудностях быта русских академических путешественников по Европе:

«Из полученных в С.-Петербурге за две трети денег 733 – издержано тут же на покупку дорожных вещей, 50, на путевое содержание от С.-Петербурга до Риги и на квартиру в Риге издержано 55. Часть остальных денег променял я у Цукербенер Клейн на Албертовы талеры и получил 116, а на прочие 300 взял вексель.

От Риги до Кенигсберга издержано 26, от Кенигсберга до Берлина 40, от Берлина до Геттингена – 30, в Геттингене на постоялом дворе – 2. Проректору за принятие в университет заплачено 8. Из всей суммы после дороги осталось 10. За вексель, привезенный мною из Риги получил я 127 тл.; за кредит 129 тл.; за вексель на третное жалование 165 тл., все конвенционную монетою, итак в итоге с оставшимися после дороги деньгами превратя их в здешнюю монету, всего 434 тл. За квартиру с дровами, свечами, прислугой, столом, мытьем белья и чищением сапог от 1 сентября по 1 апреля заплачено 175. Профессорам за лекции, за английский и французский язык, касательно последнего я занимался разговорами, от 1 октября по 1 апреля. – 79. На книги – 30. На некоторые математические инструменты – 10. На бал, которой я согласил всех русских, в том числе курляндцев, лифляндцев, эстляндцев и финляндцев был дан для здешней публики в день рождения нашего государя – 20. На путешествие по Гарцу – 20. На обувь, белье и верхнее платье – 70. Как на необходимые мелочи, так и на позволенные удовольствия – 34. Итого 434.

Я должен еще уведомить почтеннейшую Конференцию, что по причине больших расходов, которые я принужден здесь делать во время моей болезни, вошел я в довольно значущие по моему жалованию долги. Близость срока, который мне был назначен для уплаты оных, не позволяла мне писать об этом в Конференцию, и я нашел себя принужденным занять 1000 франк[ов] у Его Сиятельства князя Александра Борисовича Куракина» [23, л. 5–6об.].

Конференция рассмотрела объяснения студента. Секретарь конференции И. И. Мартынов ответил Воронковскому 25 августа 1809 г., ссылаясь на распоряжение попечителя учебного округа о выполнении предписания ехать в Берлин по окончании курса у профессора И. Э. Боде: «Его превосходительство изволил отозваться, что как Вы рекомендованы г. профессору Боде в Берлине находящемуся, то и должны непременно, следуя наставлению Вам данному, по выслушании в настоящий семестр курса (буде Вы начали), отправиться в Берлин, где будете с пользою для себя следовать методе учения г. Боде» [23, л. 3].

Однако Воронковский задержался в Геттингене еще на 10 месяцев, так и не поехав в Берлин. Третий год стажировки с июля 1810 г. он проводит в Париже, как и предписывалось ему инструкцией. Правда, первый рапорт из Парижа он представил только через полгода после приезда во Францию. Он пишет: «Приехавши сюда, что было 1 июля прошедшего года, я принужден был жить 6 месяцев без всякого

руководства, ибо курсы физико-математических наук начались в последних числах ноября, сверх этого я сделался болен горячкою и пролежал с ноября почти до последних чисел января, что и замедлило мое донесение. Касательно настоящих моих занятий, имею честь донести, что я слушаю теоретическую астрономию, которую преподает г. Делаамбр, дифференциальные и интегральные вычисления, кои проходит г. Лакроа» [23, л. 7]. Далее Воронковский представляет роспись своих расходов за истекший год, с пояснениями о соотношении валют: «За вексель на 1400, присланный мне на 3-й год моего путешествия, получил я 512 талеров. Из них употреблено на проезд от Геттингена до Парижа – 145 талеров или 580 фр. По приезде в Париж оставалось у меня 367 тал. и 1468 фр., по получении же 100 фр. от посла, имел я всего в Париже 2468 франков. Из них уплачено с 1 июня прошедшего до 1 марта текущего года: За квартиру в месяц 30 фр., всего – 270 фр. За завтрак, обед и ужин в месяц 115 фр., всего – 1035 фр. За мытье белья в месяц 3 фр., всего 27. За чищение сапог в месяц 3 фр., всего 27. За свечи в месяц 4 фр., всего 24. За дрова 45. За наем печки – 12. За две пары сапогов – 80. За шляпу – 25. За книги – 150. Лекарь – 300. За лекарства – 200. Итого 2195 франков» [23, л. 1–1об.].

Однако профессорант не был удовлетворен своими занятиями и настаивал на необходимости продлить срок пребывания за границей на 2,5 года, с сохранением содержания, и провести это время в Геттингенском университете под руководством И.-К.-Ф. Гаусса: «Так как время, назначенное для моего путешествия, приближается уже к концу, то я считаю за необходимое уведомить почтеннейшую Конференцию, что успехи мои в астрономии особенно практической не только чтобы не требовали уже никакого приращения, но напротив того, так малы, что я чувствую совершенную невозможность возвратиться к назначенному сроку в мое отечество для исполнения предлежащей мне должности. <...> Я не занимался практическою астрономиею во время пребывания моего в Геттингене, питаю однако ж в груди моей желание приобрести довольные познания в сей части и следуя предписанию почтеннейшей Конференции, отправился в Париж. Проживши здесь 6 месяцев, не имея никакого руководства и, следовательно, без существенной пользы, увидел, наконец, при открытии курсов, что и здесь мне невозможно достигнуть моей цели, ибо практической астрономии ни приватно, ни публично никто не преподает, и вход в Императорскую обсерваторию для студентов столь труден, что даже и имея короткое знакомство с профессором, не можно ходить столь часто, сколько бы это нужно было для начинающего заниматься сею наукою, и притом так как профессор приходит всегда на обсерваторию для делания нужных для него наблюдений, то в сем случае по той причине, что он бывает очень занят, студенту невозможно пользоваться надлежащим образом его наставлениями. Представив все обстоятельства препятствовавшие мне доселе приобрести такие сведения в астрономии, с которыми бы я теперь мог возвратиться в Россию для исполнения имеющей быть возложенной на меня должности, и желая приносить ощутимую пользу моему отечеству, осмеливаюсь просить почтеннейшую Конференцию: 1) исходатайствовать мне у высшего начальства позволение остаться в чужих краях еще на два года с половиною, которые я хочу провести в Геттингене, пользуясь приватными уроками г. Гауса; 2) выпросить на это годовое жалование, которое было бы равно 700 талерам; 3) прислать сие жалование за целые два года с половиною банкиру Бетману, дабы через сие избежать мне

большей потери, необходимой в том случае, когда оное присылаемо будет в векселях в различные времена. Сумма сия, хотя и довольно значуща нашими деньгами в теперешнее время, но она ничуть не излишняя, потому что я обязан буду платить за одни лекции 300 талеров в год, а остальные 400 талеров необходимо для самого умеренного содержания, притом же вся эта сумма в хороший курс не составляет больше 800 руб. Я надеюсь, что почтеннейшая Конференция, уважив представленные мною причины, и зная, что возложенная на меня часть была для меня совершенно нова, не откажет мне в сей милости, тем больше, что через сие сделаться совершенно полезным своему Отечеству.

Студент СПб. Императорского педагогического Института Николай Воронковский. Париж. 3/15 февраля 1811 г. [23, л. 7–7об.].

Просьба Воронковского не могла быть удовлетворена, однако министерство пошло ему навстречу. Министр Ал. К. Разумовский распорядился о присылке дополнительной суммы и разрешил ему остаться в Геттингене, но не на 2,5 года, а лишь до окончания весеннего семестра. Однако в оговоренный срок профессорант в Геттингене не появился, вернее, не сообщил в российское консульство о своем прибытии, что вызвало переписку Ал. К. Разумовского с российским посланником при Вестфальском дворе Л. А. Яковлевым. 8 июля 1811 г. министр народного просвещения писал: «Находившийся в Париже студент здешнего Педагогического института Воронковский в марте месяце с. г. отправляясь в Россию, должен был несколько времени пробыть в Геттингене. А как он и по сие время сюда не явился, где находится, неизвестно, то я покорно прошу Ваше превосходительство поручить кому следует узнать, проезжал ли он Геттинген и буде и теперь в нем находится, выслать его в С.-Петербург» [16, л. 168]. Выяснилось, что студент находится в Геттингене, но отказывается ехать в Россию, прося дозволения продолжать там науки «хоть на собственный кошт» [16, л. 170]. Ответ Разумовского был категоричным: поскольку трехгодичный срок путешествия миновал и он нужен в России, посланнику Яковлеву предписывалось «не принимая от Воронковского никаких отговорок приказать ему немедленно сюда отправиться». Воронковскому министр категорично сообщал: «Даю Вам знать, что как Вы имеете уже приказание возвратиться в С.-Петербург, то остается Вам следовать оному и с получением сего немедленно отправиться сюда» [16, л. 129]. Это предписание пришлось повторять трижды. 5/17 сентября 1811 г. Воронковский дерзает вновь обратиться к министру с личным письмом: «Ваше сиятельство! Прошение мое Вам известно. Уважьте сделанные мною в нем представления, справедливость коих подтвердят все знающие меня в сем университете профессора. Позвольте мне возвратиться в Россию позже, но с тем большею для нее пользою. Не откажитесь составить чрез сие вечное мое щастие. Сжальтесь над согбенными под старостью лет моими родителями, кои дышат одною только надеждою видеть меня некогда полезным членом общества» [16, л. 168].

Настойчивость студента произвела ожидаемый эффект. Для Воронковского было сделано исключение, хотя все его товарищи к тому времени уже вернулись на родину. 30 сентября 1811 года министр народного просвещения сообщил через российского посланника Л. А. Яковлева что разрешает Воронковскому задержаться, но не более как на полгода, «снисходя к просьбе его и по уважении выгодного свидетельства о нем профессоров». Одновременно Яковлеву поручено было организовать за Воронковским «посредством кого-либо из профессоров

неослабный надзор», чтобы профессора «при первом случае, который бы подал повод сомневаться в добром поведении его, донесли бы Вам для извещения меня».

В конце октября 1811 года Воронковский ходатайствовал о новой присылке денег, поскольку те, что он получил в Париже на обратную дорогу в Петербург, были израсходованы за полгода жизни в Геттингене [16, л. 179]. Между тем, кроме дорожной суммы в 1,5 тыс. Воронковский получил еще 1000 фр. «не в зачет» от российского представителя во Франции А. Б. Куракина. В ответ на эту просьбу министр написал Яковлеву, что о студенте складывается невыгодное мнение, тем более, что ранее он предполагал обосноваться в Геттингене за собственный счет. Разумовский тем не менее попросил Яковлева, когда Воронковский «совсем уже соберется», но не прежде, выдать ему небольшое количество денег на обратную дорогу.

Дальнейшая судьба Н. К. Воронковского остается для нас неясной, видимо, он не успел вернуться на родину до начала Отечественной войны. Последнее донесение Л. А. Яковлева от декабря 1811 г. говорило о том, что Воронковский «сделался сильно болен», и отправить его на родину пока нет возможности. В июне 1812 года Разумовский снова настаивал на скорейшей высылке студента в Россию, «поелику срок путешествия его давно кончился», полагая, что он давно выздоровел. С этого времени в документах министерства народного просвещения имя Воронковского не упоминается.

Другие профессоранты также под разными предлогами стремятся отдалить срок возвращения на родину, подкрепляя необходимость продлить стажировку чисто академическими аргументами: курс наук начат позже, затянулся не по вине профессоранта, но должен быть окончен, или же рекомендованный «инструкцией» профессор слишком стар, но рядом (или в другом университете) появилось новое светило, у которого хотелось бы взять приватные лекции за сходную плату. Стремление молодых людей задержаться в Европе хотя бы на несколько лишних месяцев, можно связать не только с их пониманием своих академических задач, но и с осознанием контраста российского и европейского быта и стиля отношений, в том числе академических. Они не могли не почувствовать того «духа свободы», который подкупал всех русских путешественников XIX века за границей. Вероятно, болезненным был и разрыв личных и научных связей при возвращении на родину накануне ожидаемой войны. У того же Воронковского за время стажировки появилась гражданская жена (сожительница), о которой упоминает Н. И. Тургенев в своих геттингенских дневниках.

С. С. Подзорский настаивал на необходимости задержаться в Пруссии в связи с открытием в 1810 г. Берлинского университета и возможностью прослушать в нем курсы практической экономии и сельского хозяйства профессора сельскохозяйственной академии А.-Д. Тэера. В намерении быть услышанным, Подзорский отправил 26/14 января 1811 г. на имя министра народного просвещения письмо, являющееся образцом просвещенной риторики и высокого слога:

«Сиятельный граф! Милостивый государь!

Опыты, показавшие ясно нашему монарху и россиянам, что Просвещение и патриотизм суть единственные пружины деятельности Вашей в сфере Муз, Искусств и художеств нашего любезного Отечества, деятельности, коея лучи проникли за пределы России, делают меня дерзким повергнуть к стопам Вашим мой слабый план и мою всемилостивейшую просьбу о вспомоществовании и о способах

Вашего сиятельства к подкреплению сего плана <...>. По данной мне от конференции Педагогического института инструкции пребывание мое в чужих краях, имеющее целью усовершенствование меня в науках – технологии и экономии, науках сколько самих по себе важных, но более еще драгоценных для нашего богатого Отечества, к 1-му числу июня сего 1811 г. должно окончиться. Цель путешествия моего столь важная, и к достижению ее столь краткое время! Особливо, как я уже относился в почтенную Конференцию, что во все мои курсы я не имел еще случая выслушать курс практической экономии, которая составляет существеннейшую часть экономии всеобщей, и без которой для всякого и теория не во всех частях может быть вразумительна. По открытии Берлинского университета открылся вместе и путь к приобретению мне недостающего сокровища. Известный в Европе эконом и профессор здешний статский советник г. Тер с 1 апреля сего года начнет в своем Институте курс практической экономии, имеющий продолжиться до начала осени. Институт сей издавна уже был колыбелью отличных и сведущих экономов, но теперь при случае открытия университета, который собрал из разных стран новых учащихся, вероятно, господин профессор покажет и новую ревность.

Сиятельнейший граф! Я не дерзаю описывать пред Вами, как лестен и выгоден для меня сей случай, ибо кто может вернее Вас сверить сию истинну? Но без позволения Вашего Сиятельства я не могу им воспользоваться и быть принятым в число Елевов¹ сего Института. Посему я получил от господина Тера позволение и совет испросить на сие Вашего Сиятельства милостивейшее соизволение.

Сиятельнейший граф! Какое искусство я должен употребить при испрошении от Вас сего соизволения? Чем прикрою пред глазами Вашими ту необходимость, что к продолжению сего курса в числе прочих Елевов я должен также иметь сумму по крайней мере четырех сот талеров? В надежде, что Ваше правосудие не требует искусства и хитрости в истине, я лобызаю уже Вашу руку, благословляющую мое намерение. В уверенности, что Ваш гений прозорливости разумеет всегда открыть источник к подкреплению полезных и нужных намерений, я не отчаиваюсь на будущее только лето сделаться Елевом упомянутого Института, а на всю мою жизнь, Сиятельнейший граф! Милостивый государь! Вашего сиятельства, милостивейшего государя всенижайшим и всепокорнейшим слугою. Педагогического Института студент Степан Подзорский» [20, л. 1–2, 11–12; 22].

По ходатайству конференции педагогического института министр распорядился выслать Подзорскому требуемую сумму в 400 талеров и разрешил задержаться в Берлине. Следующий по времени рапорт Подзорского конференции о своих занятиях написан в прежнем риторическом ключе. Его автор ссылается на авторитет своих немецких наставников и самого Теэра, который взял его под свою опеку, просит конференцию ходатайствовать перед министром народного просвещения о согласии на продолжение курсов сельского хозяйства. Стержневой темой и в этом случае является просьба о повышении содержания и включении в него «экстраординарных» сумм на обратный вояж через города России. Подзорский пишет:

¹ Элев – учащийся, студент, от французского élève – подниматься, восходить. Так именовались иногда студенты Педагогического института в Петербурге и ученики старших классов Академической гимназии.

«Почтеннейшая Конференция!

Первое при сем донесение излившееся мое чувствование есть благодарность за Ваше отеческое попечение в поддержании меня векселем на три ста рублей. Какова ни была сия помощь после, но в ожидании ея я принужден был прибегнуть к здешнему посланнику графу Христофору Андреевичу Ливину, от коего и получил я сто прусских талеров, на уплату моих коллегий, и на некоторые другие потребности, о чем почтеннейшая Конференция от упомянутого посланника имеет рапорт, с приложением, как я думаю, истребованного графом от меня счета, на что мне отпущены им деньги, обратным возвращением ему коих почтеннейшая Конференция показала новой опыт своего мудрого руководства ея питомцев. Посему с моим векселем я в состоянии прожить до окончания курса, которое воспоследует в апреле. Но как расположит мною почтеннейшая Конференция после сего курса? На следующее лето открывается мне случай отправиться к господину профессору Теру на курс практической Экономии в его Институт в Меглин, на что уже прежде почтеннейшая Конференция благоволила мне дать свое соизволение. Такой случай после сыскать для меня будет трудно, между тем как теперь стекшиеся обстоятельства многие трудности облегчают. <...> Все мои профессеры, понимающие ясно сие намерение, вынуждавшее у них истинное к Вам почтение, советуют мне просить позволения воспользоваться сим курсом, тем паче, что он недолго продолжится и я чрез такое незначущее замедление не могу надеяться сделать ни малой остановки в распоряжении нами (мною с товарищами) почтеннейшей Конференции. Господин Тер советовал мне особенно отнестись к его сиятельству нашему министру о решительном его отзыве о сем, дабы он уже об умножении чрез меня числа его елевов и следовательно касательно моего содержания и квартиры мог бы принять надлежащие меры. Я следовал его совету и писал к министру. <...> Почтеннейшая Конференция! Буду ли я так счастлив, что и Вы ободрите мое намерение и подадите Ваше о сем мнение Его сиятельству господину министру? Не будете ли и Вы согласны с мнением господина профессора Тера? Полагаете ли на мое содержание в сей курс в оном Институте четыре ста талеров, которые увенчают все ваше прежнее на меня содержание, ваше отеческое попечение и милость и мои посильные труды? Я оставляю сие Вашему рассуждению и нижайше прошу в случае Вашего на сие соизволения снабдить меня немедленно после настоящего Университетского курса для возвращения в Отечество путевыми деньгами, и по оным определить мне приличный маршрут, дабы я не был принужденным напрасно здесь проживаться и войти в долги, от [которых] я доселе, благодарение Всевышнему еще свободен. Ежели почтеннейшая Конференция удержит свое намерение в пособии мне осмотреть все возможное в пути в городах отечественных, кои я сам избираю или Вы назначите, то для сего я должен иметь или экстраординарную сумму или экстраординарную подорожную касательно вольной почты в моем Отечестве. Последнее кажется не будет так дорого стоить. Но позвольте приметить, что до границы еще около двух сот немецких миль, на коих наши подорожные не действительны, и без денег на них – без пищи. По долгу моему относясь о сем Почтеннейшей Конференции, я с глубочайшею и почтением к ней ожидаю Ея милостивейшего решения, которым, по всем необходимым я должен быть снабжен еще до истечения марта. Степан Подзорский.

При сем имею честь препроводить счет издержанных денег из суммы ста талеров, полученных 30/18 [марта] 1811 года от господина Посланника и восьмидесяти

семи талеров, полученных мною за вексель, Вами присланный» [21, л. 5–11]. Далее профессорант прилагал подробную роспись своих издержек за истекший год, которые были оплачены присланной суммой:

Профессору Гербстедту за коллегияу опытной химии 2 луидора = 11 тал. 14 грошей

Ему же за коллегияу агрономической химии 2 луидора = 11 талеров 14 грошей

Ему же за коллегияу технологии – 5 – 19

Профессору Теру за коллегияу земледелия 2 луидора = 11 талеров 14 грошей

Ему же за коллегияу экономии относительно государственной науки 2 луидора = 11 талеров 14 грошей

Профессору Реклебен за коллегияу скотоврачевания – 5 = 19

Купил Рациональное хозяйство г. Тера – 13 [талеров] – 0

За квартиру заплачено – 10 [талеров] – 0

На дрова – 10 [талеров] – 0

На пищу – 30 [талеров] – 0

Прачке – 7 [талеров] – 0

За носовые платки – 3 [талера]

Починка сапог – 2 [талера]

На лицо остается – 54 [талера] 2 [гроша]

Итого 187 тал[еров]» [21, л. 10]

Интересен итоговый рапорт Куницына о своей стажировке, посланный из Парижа министру народного просвещения Ал. К. Разумовскому. Рапорт был написан в феврале 1811 г., накануне назначенного Куницыну и Плисову вызова в Россию. Куницын, как и его товарищи, просил продлить на несколько месяцев свое пребывание в Париже для окончания курса французской словесности, но не получил одобрения министра. На основании данного рапорта можно представить ход обучения Куницына за границей и меру его академической самостоятельности. Приводим его с небольшими купюрами.

«В силу данного мне предписания прибыл я в Геттингенский университет, где и оставался от 1-го сентября 1808 г., по 3 мая 1810 г., стараясь приобрести познания как в главных науках, так и второстепенных по своей части», – писал Куницын. Далее он ссылаясь на то определение дипломатики, как отрасли науки, которое предлагалось в «Начертании...», полученном им при отъезде: «Так как новейшая история служит истолкованием политических происшествий и единственным руководством к дипломатике, то я должен был обратить на нее особенное внимание. Первые 6 месяцев слушал историю главнейших европейских государств у Герена, в то же время занимался философией гражданского права у Гуго и всеобщей политикой – у Сартория. С 1 мая 1809 г. по 1 сентября занимался историей трех последних столетий, в то же время слушал науку о государственных доходах у Сартория, в том числе очень важные замечания в рассуждении податей, существующих ныне в России. Сверх сего я пользовался уроками римских прав у г. проф[ессора] Гуго. <...> Таким образом приуготовив себя вспомогательными науками, приступил я к главному предмету, мне назначенному. С 1 ноября 1809 по 1 апреля 1810 г. занимался я дипломатикою под руководством профессора Занефельда. Он зачинает сию науку с того времени, когда утвердились

политические сношения между европейскими народами. У сего же профессора слушал я право народное, в котором он приравнивал прежние и настоящие договоры между европейскими народами к правилам естественной справедливости и таким образом соединял естественное право народов с положительным правом Европы. <...> Прочее время посвятил я усовершенствованию моих познаний в государственном хозяйстве, хотя наука сия преподается в Санкт-Петербургском педагогическом институте во всем ее совершенстве, но я <...> не хотел упустить случая воспользоваться наставлениями г. профессора Сартория. Объяснив свойство труда, действие капитала и его обращение, он исследовал качество трех главных стражей народной деятельности <...>» [16, л. 136–138]. Далее Куницын подробно излагает содержание теории финансов Г.-Ф. Сарториуса в ее приложении к разным странам.

Как следует из рапорта Куницына, окончив курс учения в Геттингене, он переехал в Париж, где оказался в мае 1810 г. Однако Куницын обнаружил, что в это время здесь «нет главнейших курсов» по его специальности (по-видимому, к этому времени преподавание в весеннем семестре подходило к концу). Предметами, определенными как вспомогательные, он заниматься не стал, поэтому, как он пишет, «употребил летние месяцы на обозрение учебных заведений и других любопытных предметов как в Париже, так и в окрестностях». Также все лето 1810 г. он работал в Парижской национальной библиотеке, где изучал книги по истории, в частности, записки французских посланников при европейских дворах, занимался античными древностями во Французском музее.

С 1 ноября 1810 г. Куницын начал курс наук в парижской Школе права (Ecole de droite), как ему и было рекомендовано, снова прослушал римское право, на этот раз у профессора Бертелло, который преподавал его «сообразно с новыми французскими законами». В Коллеж де Франс он слушал лекции П.-Ш. Левекка по истории Франции, а также «дух древних закондательств» у Пасторе, «брал уроки французской словесности у г. Курнанд», которые должны были продолжаться до конца июня 1811 года. В связи с этим Куницын, как и его товарищи – химик Соловьев и математик Чижов – просил позволения задержаться в Париже до окончания курсов.

Министр народного просвещения Ал. К. Разумовский дал такое разрешение Соловьеву и Чижову, но Куницыну было отправлено предписание следовать на родину. Российский посланник в Париже кн. А. Б. Куракин снабдил отъезжающего суммой в 100 червонцев [16, л. 120, 131–131об.]. В Россию Куницын прибыл в середине апреля 1811 г., намного раньше срока, определенного к возвращению профессорантов.

Не менее содержателен рапорт Н. И. Карцова, который готовился к професуре по физике и математике, о его пребывании в Сорбонне и университете в Галле и о трудностях, с которыми пришлось столкнуться. Рапорт завершается аргументацией в пользу дополнительной присылки денег ввиду изменений денежного курса, непредвиденных дорожных издержек, платы за дополнительные лекции и книги. Карцов пишет: «Во время пятимесячного пребывания в Париже старался я воспользоваться всем, что чувствовал необходимым-полезным. Кабинеты физической и натуральной истории, хранилище разных машин относящихся к технологии, мануфактуры и фабрики, изящные искусства: все сие осматривал я, сколько то позволяли мне время, возможность и достаток. Сверх сего слушал я преподавания г. Профессоров в Collège de France и Musée de histoire Naturelle.

Я почитаю излишним распространяться здесь о способе преподаваний в сих училищах, ибо почтеннейшая Конференция знает о нем уже из донесений моих товарищей. По окончании курса наук в Ботаническом саду я старался осведомиться о предметах, какие имеют быть преподаваемы в Collège de France на следующую половину года. Здесь узнал я, что курсы начнутся в декабре м[еся]це, что они продолжаться будут до сентября, и что интересное для меня вовсе не помещено в объявлении. Г. Вис ограничился только некоторыми главами из Mécanique céleste г. Жико, Лефевр, коего уроки вообще слишком элементарны, объявил преподавание теоретической физики. Обстоятельства и в сем последнем полугодии отдалают от меня то, что с давнего времени лежит у меня на сердце – прикладную математику. Частные преподавания у парижских ученых не в употреблении, и естьли г. Тремери и Вокелен читают курсы за деньги, то сие по той причине, что первый есть частный учитель физики, или собственно то, что у нас в Петербурге был некогда г. Робертсон, а последний при химических анализах жертвует собственными материалами. В сем критическом положении оставалось мне одно только средство возвратиться в Германию, и вот единственная причина, почему я решился переехать в Галлу. Краткость времени лишила меня возможности сообщить почтеннейшей Конференции сведение о моем предприятии и испросить на оное позволение. Чувствую, что произвольною переменою местопребывания навлек я на себя гнев почтеннейшей Конференции, но я уверен, что она, рассмотрев причины побудившие меня сделать сей шаг, естьли не оправдает, то, по крайней мере, сочтет положение мое менее виновным». Далее Карцов сообщает о сравнительных достоинствах немецких профессоров, что определило выбор изучаемых курсов, а также о направлениях математических наук того времени. Из этого описания мы видим, что спектр заинтересовавших Карцова предметов был несколько шире того, что было ему рекомендовано изучать.

«По прибытии в Галлу адресовался я к г. профессору Пфафу, и мне за 10 лудоров удалось склонить его к частному преподаванию прикладной математики. Доброе расположение сего мужа считаю я ощутительным приобретением, а знаниям и деятельности его обязан я несравненно более, нежели витийству (мало научающему) г. Тибо, профессора математики в Геттингене.

В систему прикладной математики, по Пфаффову обозрению, входит, кроме механических и оптических наук, астрономия, география, гномоника¹ и хронология. До сих пор преподает он еще механику, следуя в синтетических доказательствах Кестнеру, Карстену, Боссю, Лоренцу и Франкёру; в аналитических же придерживаясь Лапласа, Лежандра, Лагранжа, Гарнье, Лакроа, Ейлера и проч., однако с критическим разбором, с присовокуплением существенных поправок, с дополнением недостатков и с сокращением излишностей. Вообще способ преподавания его ясен, вразумителен и соединен с сведениями о новейшей по сей части литературе. Кроме прикладной математики слушаю я у него об тригонометрии, в них следует частию Ейдлеру с Кестнером, а частию Ключелю с Мазерди. У г. профессора Стефенса обучаюсь я Ориктогнозии², Геогнозии и Геологии.

¹ Гномоника – раздел астрономии, представляющий систему определения времени по солнцу и конструкции солнечных часов.

² Ориктогнозия – принятое в XVIII в. название раздела минералогии, предлагающего способы описания минералов по внешним признакам.

Первую науку преподает он по тетрадам Вернера <...> с некоторыми отступлениями и критическими примечаниями, основываясь на исследованиях Гаусмана, Фожаса, Деламетри, Буха и других. Что касается до последней, то оную преподает по собственному сочинению. У г. Гильберта слушаю я физику, которую он преподает по собственным рукописям» [22, л. 1–1об.].

Карцов, так же как и его товарищи, был стеснен в средствах, особенно в последний год пребывания в Европе. Но, как и другие профессоранты, он воспользовался возможностью получить беспроцентную ссуду у российских дипломатических представителей за границей, которая затем возмещалась из училищного капитала. В этом случае студент оставался должным уже училищному ведомству. Однако присылаемых из Петербурга с большой задержкой денег не хватало ввиду резкого ослабления курса русского рубля. Карцов признается, что после переезда из Парижа в университет Галле он оказался «в крайности» и следующий денежный транш вынужден отдать в уплату долгов, так что ему не на что будет возвращаться в Отечество. Он пишет в Петербург:

«В просьбе от 24 мая прошедшего 1810 года утруждал я с товарищами Почтеннейшую Конференцию о денежном пособии состоящем в 500 руб. серебром, вместо коих получил вексель на 600 рублей ассигнациями или на 140 руб. серебром с наставлением изворачиваться сею суммою так, чтобы оной и на возвратный путь достало. Я старался всячески следовать сему наставлению. Но я должен признаться в невозможности достигнуть предполагаемого. 700 франков полученные мною за 600 рублей по заплате некоторых мелочных надобностей чуть были достаточны на проезд от Парижа до Галлы, куда я прибыл почти без копейки и где живу ныне на кредит. Из сего объяснения увидит почтеннейшая Конференция, что я нахожусь в крайности, и что о возвращении в Отечество не прежде помышлять могу, как по заплате долгов и имея достаточную для путешествия сумму. Для удовлетворения сим двум необходимостям осмеливаюсь покорнейше просить почтеннейшую Конференцию о вспомоществовании мне в 300 рублей в серебре или соответственную оным суммою по курсу.

Из оставшихся у меня от годового за 1810 г. жалования 361 талера или 1444 франков и из полученных в Париже 700 франков всего из 2144 франков издержал я с 13 апреля по 1 ноября 2025 франков, на что имею честь приложить шот:

Переезд от Галле до Парижа – 430 фр.
 Квартира в Париже – 180
 Обеденный стол – 220
 Завтрак, ужин и вино – 250
 На бритье, чистку платья и сапогов – 80
 Прачке – 60
 На книги издержал – 80
 На обувь и белье – 170
 На разные мелочи – 110
 Путешествие из Парижа в Галлу – 445
 Итого – 2025.

Студент Карцов. Галла 15 февраля 1811 г.» [23, л. 2–2об.].

Стипендиаты педагогического института намного превысили определенное каждому содержание. Деньги, высылаемые дополнительно, по распоряжению министра,

выделялись из экономических сумм педагогического института и должны были быть впоследствии возвращены путем вычетов из получаемого жалования, поэтому после возвращения в Россию А. П. Куницын, Н. И. Бутырский, Н. И. Карцов и другие рассчитывались с институтом еще в течение нескольких лет, уже заняв места преподавателей. Часть их долгов училищному ведомству распоряжением императора была аннулирована. В целом три года их пребывания в Европе обошлись казне в сумму около 80 тыс. руб., считая многократную посылку дополнительного содержания.

Если отправка профессорантов в заграничное путешествие происходила единовременно, в июне 1808 г., то возвращение их растянулось более чем на год. Раньше всех, уже летом 1810 г., из-за границы вернулся ботаник И. Д. Кастальский, который по существу нарушил обязательства, разорвав связи с конференцией педагогического института и не представив отчета за второй год стажировки. Возможно, он столкнулся с непреодолимыми трудностями в осуществлении программы стажировки, чего мы не знаем за отсутствием источников. Известно, что некоторое время после возвращения он прожил в Москве, неподалеку от своих родителей, по распоряжению попечителя С. С. Уварова посещая лекции в Московском университете по своему научному профилю. Затем Кастальский был возвращен в педагогический институт и выдержал вместе со своими товарищами экзамен на звание адъюнкта.

В январе 1811 года в Петербург прибыл зоолог А. В. Ржевский, в апреле – июне того же года Карцов, Кайданов, Куницын, Бутырский. В сентябре 1811 года вернулись Чижов и Соловьев. Всем возвратившимся было назначено жалование, равное магистерскому (600 руб. в год) и выдано вперед за первую треть года [24; 25]. Кроме того, для возвратившихся были подготовлены временные квартиры в зданиях педагогического института и во флигеле дома, занимаемом главным управлением училищ, на 6-й линии Васильевского острова.

По возвращении в Россию профессоранты должны были выдержать экзамен для получения ученой степени и профессорской должности. Поскольку общий порядок присвоения ученых степеней в российских университетах только складывался, для данной ситуации был составлен особый документ под названием «Порядок испытания студентов, образовавшихся в чужих краях, к поступлению на высшие ученые степени в СПб. Педагогический институт». Вероятно, инициатором и одним из составителей этого документа был новый попечитель учебного округа С. С. Уваров.

В августе 1811 года А. П. Куницын вместе с Я. И. Карцовым и историком И. К. Кайдановым держали экзамены на должность и ученую степень перед объединенной комиссией Академии наук и педагогического института. Как докладывал попечитель округа министру 13 августа 1811 г., испытание производилось «словесное и письменное» и, «убеждаясь как словесными и письменными ответами студентов на вопросы и возражения, так и пробными их лекциями», комиссия признала их «достойными степени адъюнкт-профессоров, Куницына по нравственным наукам, разумея под оными философские и политические, Карцова по физико-математическим, а Кайданова по историческим» [16, л. 288]. Дальнейшая карьера в университете сложилась далеко не у всех профессорантов [13].

Возвращение стипендиатов Педагогического института совпало с резким ухудшением международной обстановки накануне войны с Францией, поэтому

в 1811–1816 гг. правительство сочло за лучшее готовить магистрантов из второго и третьего выпусков института на месте, используя их одновременно как младших преподавателей.

В 1816 году в связи с реорганизацией Педагогического института и проектом перехода на двухуровневую систему подготовки учителей (отдельно для гимназий и для низших училищ – уездных и приходских) возник новый план, связанный с возобновлением практики «академических путешествий» по Европе. Правда, на этот раз речь шла не о подготовке к профессуре, а о приобретении ценного практического опыта в постановке массового начального образования. В это время при правительственной поддержке в России распространяется система взаимного обучения детей и взрослых, получившая название ланкастерской, в честь теоретика и практика этого метода – Джозефа Ланкастера. Идея быстрого и дешевого обучения при минимальном участии педагогов-наставников понравилась Александру I, посетившему Англию в 1814 г. и увлекшемуся просветительскими проектами английских квакеров. Ланкастерские школы вскоре были заведены в российском оккупационном корпусе, размещенном во Франции, которым командовал М. С. Воронцов, он открывал ланкастерские школы и в собственных имениях. Ланкастерский метод казался удобнейшим и малозатратным способом распространить в России грамотность, тем более что прежние усилия в этом направлении были малоэффективны из-за невозможности систематически финансировать начальные школы из бюджета и малочисленности учителей, способных в них преподавать.

13 мая 1816 года император одобрил представление своего статс-секретаря по иностранным делам гр. И. Каподистрии о необходимости подготовки специалистов в Англии для обучения по методу Ланкастера [17, л. 1–2]. В качестве кандидатов для отправки в Англию были представлены студенты Педагогического института в Петербурге, который к тому времени стал головным учебным заведением в стране, готовившим не только учителей для губернских гимназий и уездных училищ, но и профессоров «из природных россиян» для университетов. В перспективе собственной реорганизации института, которая произошла в конце 1816 г., предполагалось основать в его составе подразделение для подготовки учителей начальных училищ.

По распоряжению министра народного просвещения А. К. Разумовского для отправки в Англию были выбраны студенты, «кои отличаются похвальным поведением, дарованиями, познаниями и прилежанием своим. Не худо было бы, если бы нашлись между ними знающие сколько-нибудь английский язык, коему, впрочем, могут они научиться будучи на месте в Англии» [17, л. 6]. Попечителем столичного учебного округа С. С. Уваровым были рекомендованы четверо студентов: «Матвей Тимаев, сын землемера губернского секретаря Тимаева, Федор Буссе, сын члена Санкт-Петербургской протестантской консистории пастора Буссе, Карл Свенске, сын доктора коллежского советника Свенске и Александр Абадовский, сын надворного советника Абадовского» [17, л. 7]. Тимаев к тому времени заканчивал Педагогический институт, поступив в него из Вологодской гимназии [17, л. 189]. Остальные юноши, которым было по 19–20 лет, были выпускниками петербургской гимназии. Ободовский и Буссе успели проучиться в институте по два года, а Свенске поступил в него лишь осенью 1815 года. По условию командировки, они должны были владеть английским языком, который входил в программу Педагогического института, и поэтому с начала пребывания в Англии неплохо ориентировались в языковой среде.

27 июня 1816 года было отдано высочайшее повеление министру финансов о произведении отправляющимся в Англию четверым студентам ежегодно по 500 рублей, «считая рубль в 50 штиверов голландских из общих государственных доходов, каковую сумму доставлять через посла в Лондоне». В Петербурге студентам было выдано по 700 рублей каждому. 30 июля они были отправлены в Кронштадт к командиру порта, откуда отплыли в Англию на транспортном судне [17, л. 10, 16].

Как и во время командировки 1808 года, отъезжающим была дана «инструкция от попечителя» учебного округа С. С. Уварова с «начертанием общих правил» и определением цели путешествия. Последняя состояла в приобретении «всех нужных теоретических и практических сведений по части новой системы изобретенной гг. Ланкастером и Белем для народных училищ». Изучение новой системы понималось во-первых, как теоретическое, «дабы вникнув в дух сей системы и не довольствуясь одними наружными формами», молодые люди могли по возвращении в Россию «применить сии познания к надобностям народного образования в нашем Отечестве». Для этого им рекомендовалось прежде всего начать «читать со тщанием все лучшие сочинения по части нормальных училищ», которых еще недоставало в России (первые краткие изложения ланкастерской методики на русском языке появились через год-полтора). Но их обучение, как писал С. С. Уваров, «должно быть также и практическое, дабы вы могли увериться в логической связи всех частей сей системы, <...> со всевозможным старанием примечать порядок в училищах, учрежденных по методе Ланкастера и Белля» [17, л. 17–19]. Уваров рекомендовал начать освоение нового метода уже в пути, рекомендуя для первого знакомства с ним «напечатанный в Лондоне отчет гр. Лаборда в 1815 г.» [4]. По приезде в Лондон студентам надлежало явиться к российскому послу гр. Х. А. Ливену и вручить ему пакет с сопроводительными документами.

Кроме приобретения познаний о ланкастерском методе обучения, Уваров призывал студентов «не терять из виду тех наук, к которым каждый из них чувствовал доселе особенную склонность. <...> Занимавшиеся из вас предпочтительно древними языками найдут в Англии большие способы к своему усовершенствованию. Естественные науки также процветают там. Одним словом: от вас и от вашего прилежания зависеть будет дальнейшее ваше образование. <...> Везде, где вы будете, всегда Вы должны иметь в сердце мысль о Вашем Отечестве, мысль о том, что может быть ему полезно, и чем вы можете со временем оправдать доверенность вашего начальства».

Отдельная инструкция послана была секретарю российского посольства в Лондоне И. О. Штрандману, который должен был опекать студентов. Студенты также получили указание, что поступают в распоряжение Штрандмана, в течение всей их командировки Штрандман находился в прямой переписке с С. С. Уваровым, благодаря чему в фондах министерства народного просвещения сохранились пространные докладные записки от самих студентов и их куратора.

Уже первые донесения Штрандмана сообщали о «чудесных успехах» молодых людей, в частности, о том, что уже через 3 месяца пребывания в Англии они оказались способны обучать детей англичан «отечественному их языку и по такой методе, которая до приезда их туда была им самим совершенно неизвестна». Также Штрандман, выполняя просьбу студентов, просил о покупке для них в Англии «подлинных руководственных таблиц, стоящих около 7000 руб.» [17, л. 35]. В этих

донесениях много и общей информации о распространении ланкастерского метода в бывших колониях, которая могла заинтересовать чиновников министерства народного просвещения. Так, Штрандман сообщал об успехах обучения Голливером негров на Гаити «в училище, учрежденном королем Христофором и насчитывающим от 300 до 400 учеников, которых предполагается образовать как настоящих англичан».

Любопытно, что император Александр I был посвящен во все детали этого академического путешествия, поскольку донесение Штрандмана было передано ему министром народного просвещения [17, л. 34–35 об.]. Первая открытая информация об успехах «наших студентов в Англии» была опубликована спустя несколько месяцев в петербургской официальной газете «*Le conservateur impartial*» [27; 17, л. 46]. Из этой заметки можно узнать, что студенты прибыли в Лондон в последних числах октября 1816 г. и в первые месяцы занимались переводом некоторых педагогических руководств и сопроводительных таблиц с английского языка на русский. Затем при содействии своего куратора они посетили в Лондоне одну из центральных школ, находящихся в подчинении Комитета Британских и иностранных училищ, созданную для обучения детей аборигенов Новой Зеландии, Сьерра-Леоне и других колоний по новому методу. Отмечалось, что в этой школе дети негров учатся «со страстью». Император выразил свое удовлетворение успехами студентов и обещал, что они будут вознаграждены по достоинству.

Однако перспективы распространения ланкастерского метода взаимного обучения в России оценивались довольно осторожно. Комментируя записку И. И. Каподистрии о выгодах, каких следует ожидать от приложения ланкастерского метода к народным училищам в России, С. С. Уваров весьма осторожен. 31 марта 1817 года он пишет министру народного просвещения, что «приложение» ланкастерского метода в России не только преждевременно, «но даже, по моему мнению, совершенно противно желаемой цели. Ибо Ланкастерова метода при всех своих неоспоримых выгодах, как и все лучшие методы воспитания и всякое законодательство вообще, имеет характер национальный, т. е. характер, примененный к положению и требованиям той земли, в которой она взяла свое начало» [17, л. 50–52 об.]. Уваров предлагает «тщательно рассмотреть» возможность ее применения в России, отбросить все, что бесполезно или вредно, «дать сей методу направление, согласное с духом нашего народа и с положением вещей в России» и, по крайней мере, не торопиться. Он связывает учреждение подобных училищ под эгидой министерства народного просвещения с возвращением посланных в Англию студентов: «Сие важное дело может только тогда совершиться, когда возвратятся посланные в Англию студенты, когда они нам покажут уже не в мечтательных теориях, а на самом деле преимущества ланкастеровой методы, и когда, увидев сверх того еще народные училища во Франции, Швейцарии и Германии и сообразив все сии предметы, привезут они с собою не слепое предубеждение в пользу одной методы, но рассудительное и опытное знание всех методов во многообразных их отношениях к духу народному, к вероисповеданию, к степени образования, к образу правления и т. д.». Однако и этого, по мнению Уварова, недостаточно, если министерство народного просвещения «не успеет прежде сего положить основание центру, к которому могло бы относиться все, что касается до преобразования народных училищ и из которого вместе мог бы постепенно исходить предуготовленный род людей, распространяющий благодетельное влияние новых

метод на благоустройство народных училищ. Сей центр не что иное как Институт, особенно посвященный образованию учителей для уездных и приходских училищ в Империи». Таким образом, Уваров предлагает учреждение при Главном педагогическом институте «второго разряда» для подготовки народных учителей, что соответствует целям министерства и должно быть «твердейшим основанием всех будущих мер относительно до необходимого, но весьма затруднительного преобразования народных училищ в России» [17, л. 50–52 об.].

Весной 1817 года Штрандман представил Уварову проект, в котором предлагал организовать путешествие четырех студентов по некоторым провинциям Англии для осмотра училищ. Он писал, что, по свидетельству директора Лондонского училища Пиктона, при котором они стажировались, каждый из 4-х русских студентов уже в состоянии не только управлять школой по системе Ланкастера, но даже основать таковую школу в самой Англии. Уваров просил министра в связи с этим исходатайствовать Высочайшее благоволение для Пиктона «за участие в успехах наших студентов» [17, л. 52 об.]. Тогда же Штрандман рекомендовал Якова Герда, который вскоре прибыл в Россию для устройства училищ в Петербуге.

На заседании Главного правления училищ 13 апреля 1817 г. рассматривалось представление С. С. Уварова об успехах студентов Главного педагогического института в Англии и об учреждении Второго разряда при институте [17, л. 55]. В обсуждении принимал участие статс-секретарь по иностранным делам И. И. Каподистрия, посетивший в 1813 г. благотворительный Институт Ф.-Э. Фелленберга в Швейцарии. Члены Главного правления училищ осторожно отнеслись к мнению Каподистрии о возможности перенесения в Россию всех педагогических новшеств и согласились с Уваровым, что учреждение специального учебного заведения для народных учителей необходимо, как и «основательное» изучение ланкастерского метода. Было решено, что новый исполняющий должность министра народного просвещения А. Н. Голицын войдет к государю с представлением «о введении в России методы учения Ланкастера основательно» [17, л. 57].

12 мая 1817 года А. Н. Голицын представил Александру I доклад об успехах русских студентов в Англии, а также о перспективах использования ланкастерского метода в России, повторяя аргументы Уварова о необходимости приведения в соответствие новых методик к «национальному характеру» [17, л. 56]. Александр I «изволил найти мнение сие основательным». Он также одобрил план продолжения путешествия студентов. Их поездка по Англии, а затем по Швейцарии, Германии, Франции была «признана за нужное», также было получено одобрение на приобретение необходимых оригинальных учебных таблиц. Кроме того, император повелел поощрить директора лондонского училища Пиктона и представить И. Штрандмана к следующему чину [17, л. 61–61об., 62–63]. Относительно студентов Александр I заметил изволил, что «успехи студентов обращаются в великую пользу от них впоследствии для России, когда они сюда возвратятся, <...> для распространения столь скорого способа обучения детей, с применением его по удобности к местным обстоятельствам». Таким образом, Александр I одобрил предложения, исходящие от С. С. Уварова, об открытии специального учебного заведения для подготовки учителей начальных училищ, с использованием ланкастерского метода.

Занятия студентов в Англии продолжались примерно 4 месяца, сохранилась ведомость их успехов по разным теоретическим дисциплинам с 30 декабря 1816

по 18 марта 1817 года [17, л. 83–90]. Также в архивном деле сохранилось свидетельство, составленное на английском языке, которое было выдано каждому из студентов Британским и заграничным школьным обществом (British and foreign School Society) в том, что его обладатель приобрел весьма глубокое знание Королевской системы свободных школ (free school), сдал экзамен в присутствии представителя российского дворя К. Ливена и хорошо подготовлен к практической деятельности [17, л. 82].

Однако наиболее содержательным свидетельством является составленное самими студентами описание их путешествия в Англию и Швейцарию. В отличие от донесений профессорантов, посылавшихся в конференцию педагогического института, этот источник по своему происхождению тяготеет не к делопроизводительной документации, а к документам личного происхождения. По жанру это образец *travel-history*, рассказа о путешествии, с подробной фиксацией впечатлений путешественника. Что касается авторства этого текста, то два сохранившихся в архивном деле фрагмента общим объемом в 20 листов представляют собой описания событий, связанных с первым этапом командировки студентов, сделанные двумя разными почерками. Вероятно, по наставлению С. С. Уварова, студенты по очереди вели общий журнал путешествия, отсылая его частями попечителю округа, поэтому в министерском делопроизводстве он сохранился не полностью. Текст написан в свободной форме, изящным слогом и заслуживает того, чтобы воспроизвести наиболее интересные фрагменты. Один из фрагментов начинается с описания плавания из Кронштадта до берегов Англии.

«6 августа около 6 часов вечера мы вышли из Кронштадтской гавани. Ветер благоприятствовал плаванию. Скоро скрылись здания, с ними скрылось все, осталась одна мечта о том, что утешало действительно многие годы. В продолжение следующего дня мы не видели ничего кроме Гогланда». Автор эмоционально описывает шестидневное плавание до Копенгагена, знакомство со столицей Дании и ее памятниками, выход в Северное море, порт Хелдер («ворота Голландии»), Лейден, Амстердам. Голландия произвела на русских юношей большое впечатление, памятники ее городов вызвали «восхищение и благоговение». При этом писавший сообщает о дружеских отношениях, которые сложились за два месяца плавания с капитаном корабля Дмитрием Андреевичем Богдановым и его сослуживцами, с ними студенты «трогательно расстались».

«6 октября увидели берега Англии и 10 ввечеру прибыли в Портсмут, 12-го из Портсмута поехали в Лондон. <...> Дорога сия (через Хэмпшир) есть одна из превосходнейших» [17, л. 104–110].

Наконец, проведя 80 дней в пути, студенты достигли Британской столицы, основной цели «академического путешествия». Продолжение журнала с этого места составляется другим автором, без указания имени, но фактически фиксирует коллективные впечатления юношей. В этой части детально описаны их учебные занятия, наблюдения о методах преподавания, устройстве воспитательных заведений, в том числе знаменитых «рабочих домов» для бедняков, преступников и калек.

«24 октября нового стиля приехали мы в Лондон. Великолепное освещение города и богатство торговли представляющиеся глазам в наилучшем порядке, заняло внимание путешественников, не привыкших к таковым впечатлениям. Сквозь тесноту пробрались мы во внутренность города и остановились в трактире

Орла (Spread Eagle). На следующий день мы отыскали немедленно г. колл. асс. Страндмана и вручили ему бумаги, полученные нами от его превосходительства Сергея Семеновича Уварова. Потом допущены были пред посланника гр. Ливена. Его сиятельство объявил нам предназначение наше и поощрил нас употребить всевозможные усилия к исполнению предписаний, данных правительством.

26 числа заняли мы квартиру близ предместья Падингтона. Таким образом расположившись постоянным жилищем, мы принялись немедленно за изучение английского языка, но чтобы более связать занятие наше с действительной целью, мы избрали по совету г. Страндмана «Manuel of systeme of education» и ходили ежедневно к нему для перевода оной книги. Из легких опытов при изучении языка мы узнали пользу Ланкастеровой методы и, вероятно, приложение оной к изучению начальных оснований филологии сократит весьма время и труд в семинариях. Но впрочем занимаясь переводом руководства, мы еще не были уверены в действительном существовании Ланкастеровых школ. <...> Намереваясь переменить квартиру, мы воспользовались свободным временем для осмотра примечательностей в сей части города. 4 благотворительных учреждения, которые мы здесь видели, дали нам понятие о благотворительности англичан. Подписки частных людей составляют чрезвычайные суммы, на которые содержатся многие тысячи бедных.

Так называемый work-home of St-Mary Lebone заключает в стенах своих до 2500 ч-к, порядок и чистота соблюдаются здесь в высочайшей степени, занятие состоит в приготовлении грубых льняных и шерстяных материй. 10000 ф. стерлингов истрачивается ежегодно на это заведение. Не в дальнем расстоянии от него нашли мы 2 школы Д. Белля, которые сделали на нас весьма приятное впечатление. В известное время по окончании учения дети плетут соломенные шляпы, которые составляют здесь немаловажную ветвь промышленности у сельских жителей, и сверх того занимаются другими рукоделиями. Но особого внимания заслуживает филологическая школа в пользу купеческих сирот, где преподается сверх прочих наук география особенною методою. Комната представляет землю, полюса, градусы экватора и меридианы означены медными гвоздями. Вызолоченный шар на потолке представляющий солнце, передвигается на пруте, означающем эклиптику и разделенном на градусы. Дети ежедневно наблюдают положение солнца и решают разные задачи на глобусе. Узнав положение места на карте, они отыскивают относительное положение оного в комнате. Сим способом впечатление делается сильным и выученное не забывается. Готовность и учтивость, с которою учитель показывает свою методу, располагает всякого в его пользу.

16 ноября. Переехали мы в предместье Лондона так называемый Southwark – ближе к Центральной школе. Английский язык составляет постоянно главный предмет нашего занятия, но между тем мы продолжаем знакомство с окружающими нас новостями» [17, л. 91–94].

Наконец, 18 ноября 1816 г. молодые люди побывали в образцовой Центральной школе, открытой Дж. Ланкастером в беднейшем районе города Саутварке, отделенном р. Темзой. Школа, основанная на методе взаимного обучения, тогда уже вступила в период упадка, связанный с противодействием англиканского духовенства ее идеологу [11].

«В первый раз мы увидели главное училище Ланкастера. Построено в несколько нездоровом месте: наружность и внутренность показывают бедность и кто бы мог подумать, что здесь колыбель великого изобретения. Благодравие, кротость,

повиновение и опрятность детей вдохнули в нас радостные чувства. <...> Возможность повсеместного распространения благотворительных действий методы в будущих поколениях (поколениях – Т. Ж.) обещает счастье народов, сужденных доселе на вечное невежество» [17, л. 94–95].

Следующие записи в журнале отражают знакомство русских студентов с достопримечательностями Лондона. Автор пишет о посещении ими 20 ноября церкви Св. Павла, библиотеки Британского музея и ее достопримечательностей: «математической лестницы», «шепчущей галереи», где происходит отражение звука, обелиска в память лондонского пожара 1666 года [17, л. 95].

Почти каждый день студентов был заполнен практическим знакомством с различными воспитательными, пенитенциарными, учебными заведениями. Но не составляли они и теоретических занятий. Автор журнала фиксирует: «25 ноября мы были в филантропическом обществе, 27-го ходили на коверную мануфактуру, при каждой станке работали один взрослый ткач и 2 мальчика. В тот же день получили от Вильяма Аллена билет для лекций опытной философии» [17, л. 95об.].

29 ноября студенты посетили долговую тюрьму Кингс-бэнч, «30-го ездили в почтовой коляске к своему фрегату за вещами», со 2 декабря начали ежедневно в течение 2-х недель посещать Центральную школу Ланкастера, существовавшую к тому времени более 15 лет, и наблюдали за ходом занятий. 18 декабря они держали экзамен по педагогике и философии в здании Британской академии, а с 30 декабря до 21 марта 1817 г. начали «практический курс ланкастерской системы», т. е. фактически давали уроки в центральной школе и других связанных с ней училищах [17, л. 96–99об.]. К своему журналу, отосланному в Россию, они приложили пространный «список важнейших книг касательно Белевой системы» [17, л. 100].

К тому времени в министерстве народного просвещения была разработана вторая часть их образовательного путешествия, предполагавшая пребывание в Швейцарии, в Институте Фелленберга. Этот институт включал профессиональные (сельскохозяйственные) школы для бедняков, учительскую семинарию и благородный пансион для дворян. Фелленберг, следуя идеям Песталоцци о способах улучшения человеческой природы и гармоничного развития ребенка, пытался объединить обучение детей бедняков и высших классов, а также использовал идеи трудового воспитания и новейшие достижения сельскохозяйственной науки.

В имение Фелленберга Гофвиле студенты прибыли в начале 1818 года. Однако практическое обучение земледелию и педагогические опыты Фелленберга были оценены как малопригодные с точки зрения целей будущего Петербургского учительского института, куда студентам предстояло вернуться. Сопровождающий студентов И. Штрэндман докладывал, что в институте Фелленберга они «не оказывают охоты» к изучению преподаваемых в нем практических наук, а также сообщал, «что не получая жалования с момента прибытия из России они испытывают нужду» [17, л. 112]. Пребывание студентов в Гофвиле курировал не только Штрэндман и сменивший его российский поверенный в делах в Швейцарии бар. П. Л. Крюденер, но и сам И. И. Каподистрия, который бывал здесь раньше и составил описание института Фелленберга, изданное в России [5]. Он также настаивал на непризнании студентов к занятиям тем, в чем они не чувствуют необходимости и что «не входит прямо в круг их учения». Эта установка исходила от С. С. Уварова, представившего 15 мая 1818 г. мнение о направлении дальнейшей подготовки студентов. Он писал, что занятие в Институте Фелленберга химией, минералогией, сельским

домоводством «совершенно противно, как мне кажется, цели, для которой сии студенты были посланы в чужие края... Познание элементарных метод воспитания народного было главным поводом в отправлении студентов, а не частное, отвлекающее их от того занятие по той или другой отрасли наук» [17, л. 122–123]. Уваров предлагал самим студентам решать на месте, какие опыты Института Фелленберга им полезны. Однако министр А. Н. Голицын все же распорядился «внушить Штрэндману о преклонении сих молодых людей к занятиям». Их жалование переводилось также Штрэндману в Берн через швейцарских банкиров, но, видимо, не всегда своевременно.

Российский поверенный в Швейцарии П.-Л. Крюденер решает задержать студентов в Гофвиле еще на год. Однако это не входило в планы С. С. Уварова, который уже готовил преобразование Главного педагогического института в университет, рассчитывая сохранить при нем и «второй разряд», учебное заведение для подготовки народных учителей. Скорейшее возвращение студентов из Швейцарии в качестве готовых наставников для этого института было ожидаемо. Уваров настаивал на том, что дальнейшее «пребывание в Гофвиле не может им принести никакой пользы, а сопряжено только с большими издержками». Он просит министра отношением 23 мая 1818 г. исходатайствовать Высочайшее повеление о том, чтобы студенты зимним путем, т. е. к началу нового 1819 г. вернулись в Россию через Германию. Он писал: «Долженствующее открыться с 1 января будущего года нижнее отделение Главного педагогического института делает их присутствие здесь весьма желательным для нас. Что же касается до проезда их через Германию, то я полагаю нужным послать им маршрут для направления по таким местам, где они могут с пользою осмотреть заведения, относящиеся к начальному народному воспитанию». По докладу министра 24 июля 1818 г. Александр I распорядился о возвращении студентов [17, л. 145–146].

8 февраля 1819 года благодаря административной энергии С. С. Уварова Главный педагогический институт в Петербурге был преобразован в университет, но открытие при нем полноценного учительского института для подготовки народных учителей откладывалось. Только в июле 1819 года «воспитанникам Педагогического института, что ныне СПб. университет» посылается предписание о скорейшем возвращении в Россию [17, л. 142]. Есть сведения о том, что по дороге из Швейцарии в Россию они посетили Париж, где познакомились с аббатом Готье, сторонником методики «учить играючи», а потом Германию. В Германии, посетив Висбаден, Галле, Лейпциг, Дрезден и Берлин, они встречались с учеником Песталоцци Ж.-Б. Жираром, Линднером [10], но, вероятно, эти контакты не были продолжительны.

В октябре 1819 года студенты прибыли в Петербург, 25 октября были представлены инспектору учительского института, учреждаемого при Петербургском университете [17, л. 160]. При этом Ободовский и Тимаев попросили об увольнении в отпуск на 28 дней для свидания с родителями и родственниками, первый в г. Галич, второй в Вологду. Разрешение было дано попечителем, «с тем, чтобы непременно явились сюда в срок». По возвращении они должны были занять места преподавателей в учительском институте с жалованием 900 рублей в год. К тому времени Тимаеву было всего 25 лет, а трем его товарищам по 22–23 года. В учительском институте обучались на казенном иждивении 30 воспитанников, из которых готовили учителей приходских и уездных училищ. Курс учения должен

был продолжаться 4 года и состоял из Закона Божьего, математики и первых начал физики, истории, географии, в особенности российской, чистописания и рисования. Институт учреждался со штатной суммой 30.000 рублей, к которой было добавлено по настоянию попечителя еще 10.000 «на первоначальное образование» [17, л. 160–162].

По возвращении студенты представили отчет, где высказали суждение о том, что применение методики Ланкастера как единственной в российских школах было бы неэффективно. Она затрагивала только образовательную сторону и совсем не касалась воспитательной части школьного дела. Выработать идеальную систему, по их мнению, можно было только «сообразно с местными обстоятельствами». Будущие педагоги предложили «механизм Ланкастера облагородить и оживить духом Песталоцциевой системы воспитания» [19, с. 45].

В конце 1819 года Ф. И. Буссе, К. Ф. Свенске, М. М. Тимаев и А. Г. Ободовский заняли вакансии в Учительском институте, который был преобразован из младшего отделения Главного педагогического института и существовал при С.-Петербургском университете два года (1819–1821). Фактически они распределили между собой основные преподаваемые предметы.

Статус возвратившихся студентов, несмотря на назначенное им высокое жалование, был неопределенным. Денежные расчеты между МИД и министерством народного просвещения по поводу расходов на их обучение за границей продолжались около трех лет. Студенты не получили ни «полного студенческого аттестата с правами оному присвоенными», поскольку фактически не успели окончить Главный педагогический институт/университет, ни положенного адъюнктам университета чина IX класса. Экзаменов для получения диплома университета и магистерских испытаний для них тоже не проводилось, в отличие от студентов, вернувшихся из-за границы в 1811 году. Три года, проведенные в Европе, не были включены в срок службы, на что жаловался М. М. Тимаев спустя несколько лет. Он напомнил, что «путешествие совершалось по Высочайшей воле», что об успешных занятиях за границей имеются свидетельства известных ученых, «самый выбор для путешествия не есть ли верный знак того, что начальство считало меня в числе отличных студентов» [17, л. 199об.].

В 1823 году с преобразованием учительского института в третью С.-Петербургскую гимназию, Тимаев стал преподавать в ней историю и российскую словесность, Ободовский географию, он и его товарищи преподавали также в Смольном институте, в других женских воспитательных и военно-учебных заведениях [17, л. 197]. Более семи лет М. М. Тимаев учил истории дочерей Николая I Марию, Ольгу и Александру.

В 1829 году А. Г. Ободовский и Ф. И. Буссе были назначены профессорами Главного педагогического института, открытого уже вне связи с университетом, для подготовки учителей гимназий и профессоров высшей школы [18]. К. Ф. Свенске в 1833–1849 гг. числился в университете в скромном статусе лектора немецкого языка, также читал лекции по истории средневековой, новой и новейшей литературы, не имея ученой степени. Одновременно он служил переводчиком и архивариусом в Академии наук, печатал обзоры академических экспедиций в «Вестнике Императорского Русского географического общества». Свенске издал географическое описание Новой Земли, историю колонизации Австралии, документы Академии наук по истории картографирования и пр.

Полученное ими за границей знание практик взаимного обучения осталось невостребованным, поскольку ланкастерские школы в России не получили широкого распространения, в николаевское царствование они были поставлены под контроль министерство народного просвещения и оставались немногочисленными. Однако педагоги, изучившие европейский опыт, выступили авторами сочинений по дидактике, методике преподавания (в том числе в школах взаимного обучения), учебников для уездных и начальных училищ по арифметике (Ф. И. Буссе), всеобщей географии (А. Г. Ободовский), всеобщей истории и русской грамматике (М. М. Тимаев).

В качестве последователя Песталоцци из них наиболее ярко реализовался А. Г. Ободовский, выпускавший первый в России «Педагогический журнал», издававший несколько руководств по методике преподавания и общей педагогике.

В целом подготовка педагогов-методистов за границей в 1816–1819 гг. приобрела не только теоретический, но и ознакомительно-утилитарный характер. Идеи этой командировки были связаны с гуманистическими опытами обучения и воспитания детей низших сословий в духе Песталоцци и Ланкастера, которые сочетали общеобразовательную подготовку, приобретение профессии и религиозную терпимость. Этим увлечениям отдал дань Александр I, но они оказались недолговечными. Сохранилась переписка императора с И.-Г. Песталоцци, отражающая интерес царя к идеям новой педагогики [18]. Император наградил Песталоцци орденом Св. Владимира и пожаловал 5 тыс. рублей на издание первого многотомника его сочинений. Учением Песталоцци заинтересовался и Николай I, которого Песталоцци также просил предоставить исключительное право на издание в России его сочинений и предлагал поместить нескольких молодых людей из России в созданный им педагогический институт в швейцарском Бургдорфе.

В 1819 году предполагалось послать в Европу еще одну партию стипендиатов петербургского университета, к тому времени закончивших обучение: Петра Сергеева, Александра Тимковского, Павла и Александра Максимовичей. Согласно параграфу 58 Устава Главного педагогического института, они должны были «отправиться в чужие края для усовершенствования в науках и в таковом предположении оставлены были при университете». Но эта акция не состоялась, видимо, из-за опасений правительства перед ростом либеральных и революционных движений в Европе, особенно в немецких землях. По желанию студентов трое из них были определены в учебные заведения столицы, а П. Сергеев – в Благородный пансион при университете [17, л. 194, 199].

Условия научных стажировок, их локализация, цели, финансовое обеспечение, массовость со временем изменились. Успешным был опыт подготовки русских правоведов за границей в 1828–1833 гг., инициированный М. М. Сперанским и начавшийся по его программе именно с их целенаправленной подготовки в стенах петербургского университета. В 1828 – начале 1830-х годов подготовка профессорантов продолжалась в специально созданном в Дерпте так называемом профессорском институте, для замещения вакантных кафедр во всех университетах. Готовились специалисты в области естественных наук, истории, права, финансов. Завершение их подготовки в Берлинском университете предполагало написание диссертации, т. е. серьезной научной работы.

Отличие «академического путешествия» россиян в первые десятилетия XIX в. от обычного для европейских студентов перемещения из одного университетского

города в другой состояло в подконтрольности научных миграций, их финансировании государством, нацеленности профессорантов на научную карьеру по конкретной специальности. Уже в 1830-е годы они включались в научные исследования за границей под руководством профессоров-консультантов. Условием их пребывания в Европе было обязательное возвращение на родину. В целом в это время система подготовки российских профессорантов не только отвечала потребностям расширения преподавания в российских университетах, но и соответствовала уровню европейской науки. Уже в первом поколении русских профессоров петербургского университета, прошедших стажировку в Европе, заметны черты, отличавшие их от поколения их наставников, не выезжавших из России: более широкий кругозор, научная активность, наличие печатных работ, высокая самооценка, чувство собственного достоинства. Все это так или иначе отражалось как во внутрикорпоративных отношениях и конфликтах, так и в их научной и преподавательской деятельности.

С точки зрения профессиональных и жизненных траекторий подготовка русских профессоров за границей изменялась от регламентированного «академического путешествия», когда кандидат мог лишь по согласованию с направившим его университетом изменить местопребывание, расширить список прослушанных курсов и авторитетных консультантов, разработать дополнительное направление научной подготовки, – к более свободному, автономному и краткому путешествию с целью подготовки научной работы по заранее определенной теме. Эта практика стала почти обязательной во второй половине XIX в. как для представителей точных и естественных наук, так и для гуманитариев и способствовала все более тесному включению российских университетов в общеевропейское интеллектуальное пространство.

Список использованных источников

1. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 423 с.
2. Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1911–1921. Вып. I–VI.
3. Вишленкова Е. А. Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань. Изд-во Каз. гос. ун-та, 2005. 500 с.
4. Донесение графа де Лаборда об училищах, устроенных в Англии по методе Беля и Ланкастера, читанное 11 мая 1815 года в Обществе одобрения / пер. с фр. пер. Иван Лобойко // Журнал Императорского человеколюбивого общества. 1818. Ч. 3. Февр. С. 223–241.
5. Донесение Его Императорскому Величеству, представленное статс-секретарем графом Каподистрием, о заведениях г. Фелленберга в Гофвиле, в октябре 1814 года: пер. с фр. СПб.: в тип. Н. Греча, 1817. 69 с.
6. Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15–25.
7. Пирогов Н. И. Письма из Гейдельберга по поводу занятий русских за границей // Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985. С. 384–408.
8. Письма М. Н. Погодину из славянских земель // ЖМНП. 1839. № 8. Отд. IV С. 1–30.
9. Письма Петра Николаевича Кудрявцева из-за границы (1845–1847) // Русская мысль. 1898. № 5; № 9.
10. Ободовский А. Г. // Русский биографический словарь. Т. XII: Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. С. 7–8.
11. Орлов А. А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования. 2017. № 1. С. 14–15.

12. Путевые дневники А. И. Михайловского-Данилевского. Публ. А. И. Сапожникова. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra9/ra9-063-.htm?cmd=2#f63>
13. Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html>
14. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л.: Наука, 1983. С. 214–241.
15. РГИА. Ф. 732 (Главное правление училищ). Оп. 1. Д. 240.
16. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61: По представлению попечителя СПб. Учебного округа об отправлении 12 студентов Педагогического института в чужие края для усовершенствования в науках и об ассигновании на путешествие и содержание денег. 1808.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174: Об отправлении в Англию студентов Главного педагогического института Тимаева, Буссе, Свенске и Ободовского для изучения Ланкастерской методы.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 4. 19. РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 143: Бумаги, препровожденные А. Н. Голицыным из кабинета Е. И. В-ва в Зимнем дворце. Л. 2–6: Письмо Песталоцци Александру I с предложением помочь распространению в России известного ему «способа учения».
19. Рождественский С. В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Т. 5. С. 23–57.
20. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 754: Студент Подзорский покорнейше просит Конференцию о присылке ему 400 талеров в чужие края.
21. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 762: О высылке векселя в 400 талеров в Берлин в пособие студенту Подзорскому – для выслушания курса практической экономики от профессора Тера.
22. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 789: О донесении студента Карцова, пребывающего в Париже, и с пояснением, что ему невозможно ... содержать себя определенной суммой.
23. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 809.
24. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 886.
25. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 890.
26. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 231: Об отправлении студентов Педагогического института в чужие края.
27. Le conservateur impartial. 1817. № 19. 6 (18) марта. S. 106.

Поступила 26.09.2016; принята к публикации 26.10.2016

Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург, *tzhukovskaya@yandex.ru*

**SHOLARSHIPS OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN EUROPE IN 1800–1810-TH
(ON THE BASIS OF LETTERS AND DIARIES)**

T. N. Zhukovskaya

The author on the basis of archival materials and memoirs represents the travel history of the landmark-university centers of students and graduates of the St. Petersburg Pedagogical Institute on the eve after the war of 1812. In connection with the educational reforms of Alexander I, the young Russian universities were to form their own professorial staff to replace foreign visitors. Sending university graduates abroad to prepare for a professorship spread to St. Petersburg Pedagogical Institute which was established in 1804 as a branch of the future university. The instructions of the Institute professors to seconded candidates are described in details, which contain extensive information about the level of teaching scientific disciplines at universities in Europe, whose experience was important for the Russian higher schools. The article examines

two episodes from the history of “academic travels” of the Russian students: training of 12-professors of the St. Petersburg Pedagogical Institute in the universities of Germany, Austria, England and France in 1808–1811, and a business trip of students of the Pedagogical Institute to England in 1816–1819 for acquaintance with the theory and practice of mutual learning by the method of J. Lancaster. The last experience was necessary for distribution of primary schools that remained the weakest link of the educational reforms of Alexander I. The surviving correspondence sent by Russian students to the Conference of Pedagogical Institute and to Minister of national education, other sources as well, allow to reconstruct the circumstances of their displacement in Europe, the system of scientific training and scientific communication in the beginning of the XIX century, peculiarities of everyday life of Russian students abroad, the perception by them of the national and cultural peculiarities of the Western European countries. There are extensive quotations from archival documents that show various sides of trips: travel routes, the difficulties faced by Russians abroad, financing system. These materials describe in detail the mechanism of supervision trips by the Ministry of Education and the Ministry of Foreign Affairs, as well as the commitment and competence of the Emperor Alexander I in training for the higher pedagogical school.

Acknowledgements: This article was prepared within the project RFBR № 16-0600528: “Petersburg historical school of XVIII – the beginning of XX century): a biographical database and information resource”.

Keywords: history of St. Petersburg university, preparing of Russian professor staff abroad; system of scientific communication, perception of European science and culture.

Citation for an article: Zhukovskaya T. N. Scholarships of Russian universities in Europe in 1800–1810-th (on the basis of letters and diaries). West – East. 2016, no. 9, pp. 59–95.

References

1. Andreev A. Ju. Russkie studenty v nemeckih universitetah XVIII – pervoj poloviny XIX veka [Russian students at German universities XVIII – first half of XIX century]. Moscow: Znak, 2005, 423 p. (In Russ.)
2. Arhiv brat'ev Turgenevykh [Archive of the Turgenyev brothers]. St. Petersburg: Izd. Otd. rus. jaz. i slovesnosti Ros. akademii nauk, 1911–1921, vyp. I–VI. (In Russ.)
3. Vishlenkova E. A. Malysheva S. Ju., Sal'nikova A. A. Terra universitatis: dva veka universitetskoy kul'tury v Kazani [Terra universitatis: two centuries of university culture in Kazan]. Kazan'. Izd-vo Kaz. gos. un-ta, 2005, 500 p. (In Russ.)
4. Donesenie grafa de Laborda ob uchilishhah, ustroennykh v Anglii po metode Belja i Lankastera, chitanoe 11 majja 1815 goda v Obshhestve odobrenija [Report by the Count de Laborde of schools, arranged in England by the method of Bel and Lancaster, read the May 11, 1815, the Company approved]. *Zhurnal Imperatorskogo chelovekoljubivogo obshhestva* = Journal of Imperial Philanthropic Society. Per. s fr. per. Ivan Lobjko. 1818, ch. 3, fevr., pp. 223–241. (In Russ.)
5. Donesenie Ego Imperatorskomu Velichestvu, predstavlennoe stats-sekretarem grafom Kapodistriem, o zavedenijah g. Fellenberga v Gofvile, v oktjabre 1814 goda [Report to His Majesty the Emperor, represented by State Secretary Count Kapodistrias, of institutions of Fellenberga in Gofvile in October 1814]: per. s fr. St. Petersburg: v tip. N. Grecha, 1817, 69 p.
6. Zhukovskaja T. N. Pravitel'stvennye strategii v sfere prosveshhenija i ideja universiteta v Peterburge (1803–1819) [Zhukovskaya TN Government strategy in the field of education and the idea of the university in St. Petersburg (1803–1819)]. *KLIO. Zhurnal dlja uchenykh* = Magazine for scientists. No. 10 (82), 2013, pp. 15–25. (In Russ.)
7. Pirogov N. I. Pis'ma iz Gejdel'berga po povodu zanjatij russkih za granicej [Letters from Heidelberg lessons about Russian overseas]. *Izbrannye pedagogicheskie sochinenija* = Selected pedagogical works. Moscow: Pedagogika, 1985, pp. 384–408. (In Russ.)
8. Pis'ma M. N. Pogodinu iz slavjanskih zemel' [Letters to M. N. Pogodin from the Slavic lands]. *ZhMNP*, 1839, no. 8, otd. IV, pp. 1–30. (In Russ.)
9. Pis'ma Petra Nikolaevicha Kudrjavceva iz-za granicy (1845–1847) [Letters of Peter to N. Kudryavtsev from abroad (1845–1847)]. *Russkaja mysl'* = Russian thought. 1898, no. 5; no. 9. (In Russ.)
10. Obodovskij A. G. *Russkij biograficheskij slovar'. T. XII: Obez'janinov – Ochkin* = Russian Biographical Dictionary. T. XII: Obezyaninov – Ochkin. St. Petersburg, 1905, pp. 7–8. (In Russ.)

11. Orlov A. A. Lankasterskie shkoly v Rossii v nachale XIX v. [Lancaster schools in Russia in the early XIX century]. *Pedagogika i psihologija obrazovaniya* = Pedagogy and Educational Psychology. 2017, no. 1, pp. 14–15. (In Russ.)
12. Putevye dnevniki A. I. Mihajlovskogo-Danilevskogo [Travel diaries by A. I. Mikhailovsky-Danilevsky]. Publ. A. I. Sapozhnikova. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra9/ra9-063-.htm?cmd=2#f63>
13. Slovar' professorov i prepodavatelej Sankt-Peterburgskogo universiteta [Dictionary of professors and teachers of St. Petersburg University]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html>
14. Soboleva E. V. Organizacija nauki v poreformennoj Rossii [Organization of science in the post-reform Russia]. L.: Nauka, 1983, pp. 214–241.
15. RGIA. F. 732 (Glavnoe pravlenie uchilishh) [RSHA. FM 732 (Main board schools)]. Op. 1. D. 240. (In Russ.)
16. RGIA. F. 733. Op. 20. D. 61: Po predstavleniju popechitelja St. Petersburg Uchebnogo okruga ob otravlenii 12 studentov Pedagogicheskogo instituta v chuzhie kraia dlja usovershenstvovaniya v naukah i ob assignovanii na puteshestvie i sodержanie deneg [RSHA. F. 733. Op. 20. D. 61: On the proposal of the trustee of St. Petersburg. Training on the administration of the district, 12 students of the Pedagogical Institute in foreign lands for improvements in the sciences and of the appropriation for travel and maintenance money]. 1808. (In Russ.)
17. RGIA. F. 733. Op. 20. D. 174: Ob otravlenii v Angliju studentov Glavnogo pedagogicheskogo instituta Timaeva, Busse, Svenske i Obodovskogo dlja izuchenija Lankasterskoj metody [RSHA. F. 733. Op. 20. D. 174: On departure of students in England Main Pedagogical Institute Timaev, Busse, Svenska Obodovsky and methods for the study of Lancaster]. (In Russ.)
18. RGIA. F. 733. Op. 93. D. 4. 19. RGIA. F. 735. Op. 1. D. 143: Bumagi, preprovozhdennye A. N. Golicynym iz kabineta E. I. V-va v Zimmem dvorce. L. 2–6: Pis'mo Pestalocci Aleksandru I s predlozheniem pomoch' rasprostraneniu v Rossii izvestnogo emu «sposoba uchenija» [RSHA. F. 733. Op. 93. D. 19. 4. RSHA. F. 735. Op. 1. D. 143: Paper transmitted A.N Golitsyn from the office of E.I. V. in the Winter Palace. AL 2-6: Pestalozzi letter to Alexander I with a proposal to help spread known in Russian it “method of learning”]. (In Russ.)
20. Rozhdestvenskij S. V. Vopros o narodnom obrazovanii i social'naja problema v jepohu Aleksandra I [Issue of public education and social problem in the era of Alexander I]. *Russkoe proshloe* = Russian past. Pg.; Moscow, 1923, t. 5, pp. 23–57. (In Russ.)
21. CGIA Spb F. 13. Op. 1. D. 754: Student Podzorskij pokornejshe prosit Konferenciju o prisylke emu 400 talerov v chuzhie kraia [TsGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 754: Student Podzorsky humbly requests the Conference the dispatch of his 400 thalers in foreign lands]. (In Russ.)
22. CGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 762: O vysylke vekselja v 400 talerov v Berlin v posobie studentu Podzorskomu – dlja vyslushanija kursa prakticheskoy ekonomii ot professora Tera [TsGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 762: On the expulsion of the bill in the 400 talers to Berlin in the student manual Podzorskomu – for you are hearing-course practical Economii from Professor Tera]. (In Russ.)
23. CGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 789: O donesenii studenta Karcova, prebyvajushhego v Parizhe, i s pojasneniem, chto emu nevozmozžno ... sodержat' sebja opredelennuju summoju [TsGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 789: On a report to the student Kartsova dwelling in Paris, and explaining that it is not possible ... to keep themselves a certain amount]. (In Russ.)
24. CGIA St. Petersburg. [TsGIA St. Petersburg]. F. 13, op. 1, d. 809. (In Russ.)
25. CGIA St. Petersburg. [TsGIA St. Petersburg]. F. 13, op. 1, d. 886. (In Russ.)
26. CGIA St. Petersburg. [TsGIA St. Petersburg]. F. 13, op. 1, d. 890. (In Russ.)
27. CGIA St. Petersburg F. 139. Op. 1. D. 231: Ob otravlenii studentov Pedagogicheskogo instituta v chuzhie kraia [TsGIA St. Petersburg. On sending the students of the Pedagogical Institute in foreign lands]. (In Russ.)
28. Le conservateur impartial. 1817, no. 19. 6 (18) marta, p. 106.

Submitted 26.09.2016; revised 26.10.2016

Zhukovskaya Tatyana N., Candidate of History, Associate Professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg, *tzhu-kovskaya@yandex.ru*

УДК 304.44

**ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКИХ СЛАВИСТОВ В СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ
(ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛАВИСТИКИ)****Г. Н. Лебедева**

В статье рассматриваются научные путешествия как фактор, необходимый для становления профессии ученого. В XIX веке зарубежные поездки преподавателей университетов и академических ученых с целью ознакомления с языком, историей и культурой заграничных народов являлись обязательными для подготовки к занятию должностей и получения ученых званий. Это хорошо понимали организаторы российской науки. Важнейшую роль в становлении славистики сыграли научные командировки первых славистов в славянские земли, которые входили в состав Германской и Австрийской империй. Представлены примеры первых научных командировок университетских славистов в 1840-е годы, сыгравшие важную роль в становлении университетского славяноведения. В статье подробно рассматриваются научные и политические взгляды В. И. Ламанского и его основные научные труды, а также то, какую роль сыграли его научные командировки в зарубежные страны. Приведены различные оценки и точки зрения современных российских ученых о значении научного творчества Ламанского для становления и развития российского славяноведения. Подчеркнуто отсутствие до сегодняшнего дня обобщающего труда об этом ученом. Подробно проанализировано значение для научного творчества и преподавательской деятельности В. Ламанского двух его поездок в славянские земли. Важную роль в эффективности этих научных командировок сыграло его свободное владение славянскими языками. Общественный подъем в России 1860-х годов усилил внимание общественности к сочинениям Ламанского. Как филолог, знающий все славянские и часть западных языков, В. И. Ламанский вслед за словаком Л. Штуром, чехом К. Гавличеком и другими западнославянскими теоретиками панславизма (но первым в России) высказал в российской периодической печати мысль о существовании единого славянского народа. Как педагог, Ламанский воспитал целое поколение последователей, которые имели также своих учеников. Это были представители разных направлений: слависты, историки, византилисты, которые возглавляли кафедры в ведущих университетах России.

Ключевые слова: славяноведение, научная командировка, Азийско-Европейский материк, общеславянский язык, школа Ламанского.

Для цитирования: Лебедева Г. Н. Путешествия русских славистов в славянские земли (из истории становления отечественной славистики) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 96–106.

XIX столетие стало временем становления большинства всех современных наук, как фундаментальных, так и прикладных. Среди причин, которые сделали то столетие временем великих открытий, были такие трудноуловимые факторы, как становление современных наций, включая народы, которые высокомерно считали «неисторическими». В общественных науках в позапрошлом веке существовали многие трудности, которые сохраняются и поныне. В первую очередь сюда нужно отнести политическую пристрастность наук. Кроме того, со времени

создания академической науки в России при подготовке ученых в качестве практики использовались научные путешествия. Если «в XVIII – начале XIX вв. они носили характер «просветительских» поездок, то в период коренных изменений в науке и технике во второй половине XIX в. ... они оказались тесно связанными с проблемами кадрового воспроизводства в российских университетах, которая была всегда актуальна для правительства». Эта проблема включает «разработку как проблем международных связей, так и истории организации науки и высшего образования»¹.

Исследования о процессах обмена и сотрудничества в науке стали появляться в 1980-х гг.: например, об обстоятельствах и нормативных актах о заграничных командировках. Так, Е. В. Соболева провела анализ документов времени министерства А. В. Головина и Д. А. Толстого, после чего пришла к выводам о том, что для формирования профессорских кадров необходима была стажировка за границей [18]. Другой историк, Р. Г. Эймонтова, делает акцент на политической стороне поездок, ибо их результатами стало расширение политического кругозора, завязывание новых связей [20; 21]. Историк А. Е. Иванов, прослеживая основные направления в исследовании заграничных командировок с 1820-х гг., делает вывод о том, что «в 60–70 х гг. XIX в. в России в основном сформировалась стационарная служба подготовки научно-педагогических кадров, или, в современном понимании, аспирантура. Она опиралась на двуединую научно-педагогическую основу, поскольку будущие профессора приготавливались при российских и европейских университетах» [3]. Представляет интерес кандидатская диссертация Е. Л. Стафёровой, которая делает вывод, что стажировки ученых были обусловлены стремлением добиться таким образом контроля над университетами. Однако позже император перестал доверять такой системе действий².

В конце 1820-х гг. с целью близкого знакомства с историей славянских народов в университетах были созданы кафедры славистики, эту идею поддержали сначала министр народного просвещения А. С. Шишков, затем К. А. Ливен (1828–1833), и особенно С. С. Уваров (1833–1849). Было предусмотрено создать на первом (так называемом гуманитарном) отделении философских факультетов университетов кафедры истории и литературы славянских наречий³. (Впрочем, в последние годы царствования Николая I тех, кто не вписывался в официальный курс самодержавия, в научные экспедиции и поездки не выпускали. Известен эпизод с Иваном Аксаковым, которому было отказано в поездке на военном корабле вокруг света в 1852 году. Будучи не у дела, тот с удовольствием взялся за поручение Географического общества описать малороссийские ярмарки, проработал полтора года, выпустил в свет исследование, и оно было удостоено Демидовской премии [4, с. 227].)

Для занятия этих кафедр были отобраны кандидаты, которые были направлены за границу для изучения языков, литературы и истории славян. Это были: О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович. Все российские

¹ Трохимовский А. Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2007. С. 3.

² Стафёрова Е. Л. Министерство Народного Просвещения при А. В. Головине (1861–1866): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 17.

³ Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 2. Т. 10, отд. 1. СПб., 1836. С. 842. Взято из: Славяноведение в дореволюционной России (Библиографический словарь) / отв. ред. В. А. Дьяков. 1979. С. 14.

кандидаты познакомились с Яном Колларом, сохранив надолго контакты с ним. О. М. Бодянский, защитив в 1837 г. диссертацию «О народной поэзии славянских племен», стал первым магистром славяноведения в России. В его диссертации, и в дальнейшем в лекционном курсе значительное место занимало творчество Я. Коллара [15, с. 84–99]. Бодянский, Прейс и Срезневский посетили большую часть западно- и южнославянских земель. Они побывали в Праге, где встречались с П. Й. Шафариком, Й. Юнгманом, Ф. Палацким, Ф. Челаковским; в Загребе и Вене – где работали Л. Гай, В. Караджич и Е. Копитар. После командировки Срезневский был назначен в Харьковский, Прейс – в Петербургский университет, Бодянский – в 1842 г. был назначен в Московский университет. Григорович получил назначение в Казань. Так появились первые российские специалисты по славистике.

Современный исследователь Н. И. Недашковская выделяет «донаучный период» славистики (до создания собственного метода, до профессионализации науки), и позитивистский. Н. И. Недашковская, анализируя путешествия ученых в «славянские земли», показывает, что российские ученые были последователями В. фон Гумбольдта. Основной исследовательской стратегией они определяли воображение, которое им удалось ввести в комплексный метод сравнительно-исторического исследования славянских языков и культур... «вчувствование, сопереживание, погружение, интуиция – техники, позволившие «вживить» первичные эмпирические исследования... в модель родства языков и культур» [12, с. 136–137]. Это также была и связь с языком народа, собирание народного эпоса, открытие и прочтение исторических текстов. Думается, что сами слависты в описываемый период позитивистами себя не считали, а в ранний период и термин такой не употреблялся. Скорее, позитивистами можно считать социологов, которые опирались на факты, а в конце XIX века позитивизм сменился на негативное отношение к позитивизму.

Напомним, что в Германии (точнее в Пруссии) братья Гумбольдты возглавили в 1810 г. Берлинский университет, который превратили в научное учреждение современного типа, в частности, обязав проводить научные исследования в лабораториях и т. д. Их влияние испытали практически все ученые России первой половины XIX века. Правда, все же нужно согласиться с тем, что строгая академическая наука по-прежнему испытывала сильное воздействие философского и литературного романтизма. Такие понятия, как «народный дух», «народность» и т. п., широко применялись в русской славистике и десятилетия спустя. А немецкие понятия «общность» (*Gemeinschaft*) и «общество» (*Gesellschaft*) сформировались значительно позднее (полную их характеристику дал Ф. Тённис), но без связи с романтизмом. Суть этих понятий та же, что и понятия «народный дух», «народность», появившиеся еще в 1810-е годы в русской философии. С. С. Уваров в 1820-х гг. сформулировал идею о том, что науки по духу народны, а Николай I требовал, чтобы новая наука теоретически подтверждала формулу «православие, самодержавие, народность». Такая задача была заложена в уставе 1835 г., и подтверждалась позже. При рассмотрении общины как формы организации современный исследователь Б. Н. Миронов пишет: «в общности доминирует единая воля, которая может быть разумной, но и одновременно нерациональной», поскольку «стремится к общему благу и руководствуется нерациональными соображениями (совесть, честь, уважение)». «Общностные отношения предполагают длительный социальный контакт», создаются взаимным согласием, традицией, «выступают как самоцель,

а не как способ достижения специфических целей» [11, с. 280]. Эти свойства выполняли как бы роль средства самоидентификации и для народа, и, следом, для ученых. На начальном этапе стремление избегать подражательности западным европейским образцам, поиск собственных традиций, национального самобытного духа были призваны сохранить традиционное, настоящее, что в дальнейшем стимулировало изучение культуры и языков русского и славянских народов.

Славистика как академическая наука была все же создана именно к 1840-м годам и была включена в систему высшего образования. С середины 1840-х было две ученых степени: магистра славянской словесности и доктора славяно-русской филологии (первым доктором стал И. И. Срезневский). Дальнейшее развитие славяноведения привело к тому, что уже в 1860–1880-х гг. отечественные школы и направления заняли ведущее положение в отечественной и мировой славистике. Среди ведущих славистов России вскоре выделился Владимир Иванович Ламанский (1833–1914). Его биография во многом и есть история русского славяноведения.

В. И. Ламанский был ученым с широким кругом интересов. Из современных исследований о нем можно выделить две кандидатские диссертации¹, множество статей. Заслуживает внимания статья С. В. Селиверстова о взаимоотношениях и влиянии Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского [16]. Но все же до сих пор серьезной научной книги о Ламанском не появилось. Его исследования посвящены истории, языку и литературе славянских народов, их этнографии, истории славяноведения, истории культуры России XVIII в., жизни и творчеству М. В. Ломоносова, проблемам палеографии.

В. И. Ламанский окончил в 1850 г. с золотой медалью Первую петербургскую гимназию, а в 1854 г. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где проходил обучение у И. И. Срезневского. По окончании получил серебряную медаль и диплом кандидата за сочинение «Рассуждение о языке Русской Правды» («золото» не досталось за критику официально принятой «норманнской теории»). Тогда же начинается его литературная деятельность – он опубликовал в «Вестнике Императорского Русского географического общества» критический обзор сборника А. Л. Мелетинского «Народные южно-русские песни».

По окончании курса В. И. Ламанский, став формально чиновником губернского правления, много работал в Публичной библиотеке и Государственном архиве, основательно разгребая неизвестные науке летописи и рукописи. А в 1858 году перешел на службу в Государственный архив Министерства иностранных дел, где была возможность близко увидеть и опубликовать документы XVIII века. В дальнейшем – работа в архивах в 1860–1870-х гг. по публикации документов и материалов, составление записок и комментариев к ним, которые были опубликованы в специальных изданиях («Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских», «Вестник Императорского Русского географического общества», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.). Уже работой в архивах Ламанский оставил большой след в истории отечественной науки. Ученик В. И. Ламанского

¹ Саприкина О. В. Академик В. И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: автореф. дис. ... степ. канд. ист. наук. М., 2004; Данченко Е. В. Научная деятельность, исторические и общественно-политические взгляды В. И. Ламанского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

П. Д. Драганов составил полную библиографию трудов В. И. Ламанского за период с 1854 по 1904 гг., в которой насчитывается 471 наименование [2, с. XI–LXIII].

Кропотливо накапливая материал, Ламанский стремился его анализировать и систематизировать. Еще в статье 1857 года «О распространении знаний в России» («Современник». 1857, № 5, с. 1–46) он показывал, что необходимо пробудить интерес к «самопознанию и самосознанию русского народа», где выдвигались предложения об учреждении в Москве Общества по распространению знаний, публичной библиотеки и др. На основе обнаруженных документов в архивах написал целый ряд работ о Ломоносове [5], подготовил академическое издание его сочинений, а также работу об Академии наук в целом [6, с. 37–192]. Особо В. И. Ламанский подчеркивал роль Ломоносова в борьбе с иностранным засильем и в утверждении русского литературного языка. Ламанский имел обширные планы о том, как преобразовать Археологическое в Историческое общество по образцу Географического, издавать ежемесячные журналы, публиковать переводы современных историков, завести отношения с зарубежными научными обществами. Такие планы по организации русской славянской, византийской историей он сохранял и в дальнейшем [14, с. 136–139, 142].

В 1859 году В. И. Ламанский защитил магистерскую диссертацию «О славянах Малой Азии, Африки и Испании», удостоенную Демидовской премии Академии наук. В 1862 году произошел перевод его в ведомство народного просвещения, с тем чтобы подготовиться к преподавательской деятельности в одном из университетов России. Командировка за границу (приказ о командировании от 14 апреля 1862 г.) [9, с. 231] на два года, путешествия по славянским землям способствовали тому, что он выучил все славянские языки и завел знакомства со многими общественными и политическими деятелями славянских народов. В. И. Ламанский посетил славянские земли Австрийской империи, Италию, Сицилию, Грецию, Константинополь. Работал в Вене и Праге, в архивах и библиотеках собрал большое количество рукописей, установил контакты с учеными и политическими деятелями. Изучал не только славян, но и окружавшие их народы, уделял большое внимание политической жизни Европы. Отчеты министерских стипендиатов после командировок представлялись к публикации¹. Результатом поездки В. И. Ламанского были труды: «Сербия и южнославянские провинции Австрии» (Отечественные записки. 1864. № 2, № 5), «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями» (Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. 6. Кн. 1. Приложение 1. С. 1–167).

Но мировую известность ему принесла работа «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (Отечественные записки. 1864. № 11, 12 и отдельный оттиск СПб., 1865 г.). Без сомнения, эта работа сыграла важную роль не только в истории русской академической науки, но и в общественной жизни России.

1860-е годы были временем объединения итальянцев и немцев в единые государства после почти тысячелетней раздробленности этих народов. Как филолог, Ламанский обращал особое внимание на то обстоятельство, что у итальянцев и немцев за века раздробленности сложилось множество диалектов, зачастую

¹ Трохимовский А. Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2007. С. 13.

взаимно не понимаемых. Но ни языковые, ни религиозные (у немцев) различия не мешали им чувствовать себя едиными нациями. Между тем языки даже самых отдаленных друг от друга славянских народов значительно ближе друг к другу, чем итальянские диалекты, а религиозные различия во 2-й половине XIX века уже не считались непреодолимым препятствием. Таким образом, как филолог, знающий все славянские и часть западных языков, В. И. Ламанский вслед за словаком Л. Штуром, чехом К. Гавличеком и другими западнославянскими теоретиками панславизма (но первым в России) высказал в этой статье мысль о существовании единого славянского народа. Препятствия на пути общеславянского объединения, по словам Ламанского, – это слабость интеллигенции славянских народов, а также, как самокритично признавал автор, «важные недостатки нашей гражданственности, несознание Россией своего славянского призвания». Ламанский высказал также убеждение в том, что русский язык вполне может выполнять роль общеславянского языка, благо более двух третей славян говорит на нем, он был более или менее понятен всем славянам и, наконец, на нем существует значительная, признанная во всем мире художественная литература и развитая научная терминология. Ламанский вовсе не демонстрировал русский шовинизм, он лишь повторил идею Л. Штура и других панславистов о превращении русского языка в общеславянский.

По возвращении в Петербург в 1864 г. В. И. Ламанский в мае 1865 г. был избран доцентом на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского университета, где прослужил 33 года (1865–1898). В то время «лица, отправленные на казенный счет за границу, были обязаны отслужить по ведомству МНП определенное время. При этом время, проведенное за границей, засчитывалось в действительную службу»¹.

В 1871 году защищает докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», становится профессором по кафедре славянской филологии. Помимо Петербургского университета также преподавал в Академии Генерального штаба (1890–1900) и Духовной академии (с 1872 г.), был произведен во все соответствующие такой службе чины вплоть до действительного статского советника (чин 4-го класса, соответствующий генерал-майору), получил звание заслуженного профессора университета [10, с. 118].

Сведения о содержании курса истории славян, которые читал Ламанский после возвращения, содержатся в его письмах к Патере: «этот курс, вероятно, продолжится три года. 1-й год – южные славяне – болгары, сербы, хорваты, словинцы. 2-й год – чехи, лужичане и словаки. 3-й год – прибалтийские славяне и поляки» [8, с. 234]. Старательные студенты записывали курсы лекций, прочитанные профессором, и после его просмотра и одобрения эти лекции были обработаны литографическим способом (в каталоге РНБ в Санкт-Петербурге указано более двенадцати наименований, каждая объемом более трехсот страниц). Пытливого филолога еще ждут эти книги для ознакомления и публикации.

Характеризуя В. И. Ламанского как исследователя, русский славист К. Я. Грот писал: «Всегда и всюду, дома, на кафедре и во время своего многократного паломничества по городам и весям славянских и неславянских стран, он не был только пытливым изыскателем, рывшимся в пыли архивов и собиравшим для своих

¹ Трохимовский А. Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2007. С. 20.

изучений дробные факты и свидетельства старых актов и бытописаний: он был вместе с тем живым и тонким наблюдателем современной жизни народов, их племенных особенностей и политических отношений, с увлечением делившимся с окружающими его людьми науки и общества своими идеями, взглядами и выводами. Он не только до мелочей анализировал добытые им научные материалы и делал на основании их весьма важные специальные открытия, но он умел обнаружить в мертвых на вид памятниках голос минувшей жизни и ее духа, сблизил отдаленное прошедшее с настоящим и своим замечательным творческим даром создавал смелые глубокомысленные построения» [1, с. 218–219].

В 1868–69 годы Ламанский совершил вторую заграничную поездку, с целью подготовки к должности профессора. Современный исследователь В. И. Чесноков, изучая проблему стажировок профессорских кандидатов, заметил, что для подготовки работы в университете существовал четырехгодичный срок, который стал отделять магистранта от доцента, и существовала возможность двухэтапной стажировки – в качестве магистранта, а затем – докторанта [19, с. 102–103].

Ламанский побывал в Праге, Вене, Загребе, Любляне; около года – в Венеции. Во время заграничных командировок собрал сведения для статей, посвященных лингвистическим исследованиям в области древнеславянского и русского языков, а также болгарского наречия и болгарской письменности, опубликовав под общим названием «Непорешенный вопрос» (ЖМНП, 1869. № 1, 6, 7, 9.; новое издание: Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 651–699.). В последующие годы важное значение – работа «Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII вв.» (Слав. сборник, Т. 1, СПб., 1875. С. 413–584) и работу о рукописях «Новейшие памятники древнечешского языка» (ЖМНП. 1879. № 1–3, 6, 7; 1880, № 7).

По возвращении в Россию Ламанский пишет докторскую диссертацию (Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871), основанную на данных, полученных в тех архивах. Часть собранных документов в Венеции была издана отдельным сборником «Государственные тайны Венеции» на французском языке (*Secrets d'état de Venise. Documents*, 1884), представляющим собой собрание документов и исследований, способствующих к объяснению тайных пружин внешнеполитической деятельности Венецианской Республики по отношению к грекам, славянам и Турции в XV–XVI столетиях. К изданию есть комментарии, вводная статья. Перевод издания на русский язык тогда, вероятно, не предпринималось по причине того, что специалисты-ученые свободно владели иностранными языками и в этом не было необходимости. Предисловие позже было опубликовано на русском языке в газете «Русь» в 1883 (№ 22, 15 ноября. С. 23–41). В этом предисловии – взгляды Ламанского на славянство современной ему эпохи, анализ ситуации, в какой оказался славянский мир по отношению к Западной Европе. Изложение этой работы предпринял ученик Ламанского А. Будилович и опубликовал в «Журнале министерства народного просвещения» в 1885 (№ 2, 4, 5, 6).

Позже, в 1892 году Ламанский снова обратился к этой теме в работе «Три мира Азийско-Европейского материка», опубликованной впервые в Славянском обозрении, 1892, № 1–3.

Он выделил на этом материке германо-романский, греко-славянский и азиатский «миры культурного человечества», имеющие географические, этнографические и культурные основы самостоятельного бытия. Греко-славянский мир включает

не только славянские, но и другие восточно-христианские народы. Граница его проходит от Данцига (ныне Гданьска) на Балтике до Триеста на Адриатическом море, охватывает Восточную Европу и Балканы, Царьград, Малую Азию и часть Сирии. Борьба между мирами неизбежна [7, с. 3–4].

В 1900 году Ламанский стал академиком Императорской российской академии наук. В протоколах Академии наук в записке академика А. А. Шахматова о В. И. Ламанском сказано, что «Сказанного о трудах В. И. Ламанского вполне достаточно для того, чтобы объяснить этот выбор, на котором остановилось Отделение (русского языка и словесности Имп. Акад. Наук), когда оно получило возможность расширить состав своих членов. После отъезда академика И. В. Ягича за границу славяноведение – важная отрасль деятельности II отделения – остается до сих пор не представленным в нашей Академии. Оно найдет достойного представителя в лице старейшего из наших славистов, ученые труды которого уже давно упрочили за ним славу настоящего русского академика» [13, с. LXIII].

Кроме того, Владимир Иванович Ламанский был членом Русского и Московского археологических обществ, председателем Историко-филологического общества и членом Философского общества при Петербургском университете, членом Общества любителей русской словесности (ОЛРС) и членом ряда других научных обществ.

В. И. Ламанский был секретарем Этнографического отделения Императорского русского географического общества, а в 1865–71 и в 1887–1911 гг. возглавлял отделение этнографии. По его инициативе организовывались этнографические экспедиции в славянские страны, а издававшийся им журнал в 1890–1910 гг. «Живая старина» стал виднейшим органом этнографии в ученом мире.

Исследования истории науки в России, начатые С. Уваровым, С. Шишковым, были продолжены Ламанским, но в целом обобщающего исследования, которое могло бы стать главной книгой по истории науки в России, до сих пор не появилось. Но как педагог Ламанский воспитал целое поколение последователей, которые имели также своих учеников. Это были представители разных направлений: слависты, историки, византилисты, которые возглавляли кафедры в ведущих университетах России.

Конечно, самым важным для Ламанского была эпоха становления – общественный подъем в России и славянских землях 60-х гг. XIX века. Но очень благоприятствовала Ламанскому и продуманная система подготовки научных кадров в российских университетах. «Система подготовки к профессорскому званию и ученые командировки профессоров и преподавателей, заложенная в период правления министра С. С. Уварова, предполагала формы государственной поддержки и контроля, организации денежного обеспечения в период пребывания за границей. А в 1860-х годах заграничные командировки были поставлены на прочную основу»¹. Этот опыт заслуживает самого пристального внимания.

Список использованных источников

1. Грот К. Я. Владимир Иванович Ламанский // Исторический Вестник. 1915. № 1.
2. Драганов П. П. Библиография учено-литературных трудов В. И. Ламанского и материалов для его биографии // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905.

¹ Трохимовский А. Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2007. С. 24.

3. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994.
4. Иван Аксаков в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. Г. Н. Лебедевой; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014.
5. Ламанский В. И. М. В. Ломоносов. Биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 1, 2.
6. Ламанский В. И. Ломоносов и Академия наук // ЧОИДР. 1865. Кн. 1. Отд. V.
7. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916.
8. Лаптева Л. П. История западных и южных славян. СПб., 2013.
9. Лаптева Л. П. История южных и западных славян в освещении русской историографии XIX–XX вв. СПб., 2013.
10. Лаптева Л. П. В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // (М. Ю. Досталь, отв. ред.). Славянский вопрос: веки истории. М., 1997.
11. Миронов Б. Н. Русская сельская община как главная форма социальной организации русско-го крестьянства в XVII – начале XX века // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений / под ред.: М. А. Арефьева, И. В. Солонько. СПбГАУ. 2015.
12. Недашковская Н. И. Историографический нарратив «путешествия в славянские земли с ученой целью» в допозитивистской славистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 3. Т. 154. 2012.
13. Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905.
14. Робинсон М. А. В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // Славянский альманах. 2013. М., 2014.
15. Рокина Г. В. Корреспонденция Яна Коллара как источник по истории русско-словацких связей // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985.
16. Селиверстов С. В. «... Я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского в 1860–1880-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170).
17. Славяноведение в дореволюционной России (Библиографический словарь) / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1979.
18. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
19. Чесноков В. И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времен царствования Александра II // Российские университеты в XVIII–XX вв.: сб. ст. Вып. 5. Воронеж, 2000.
20. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985.
21. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

Поступила 20.09.2016; принята к публикации 20.10.2016

Лебедева Галина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина» (ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А. С. Пушкина»), Россия, г. Санкт-Петербург (Пушкин), *gal_le@list.ru; g.lebedeva@lengu.ru*

**TRIPS OF RUSSIAN SLAVISTS TO THE SLAVIC LANDS
(FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE NATIONAL SLAVIC STUDIES)**

G. N. Lebedeva

The article deals with scientific trips as a vital factor which is needed for the scientist's formation. In the XIX century international trips of university professors and academicians to get acquainted with the language, history and culture of foreign people were required to prepare for the occupation of posts and obtaining academic degrees. It was well understood by the organizers of the Russian science. The major role in the Russian Slavic studies scientific trips of the first Slavists to the Slavic lands, which were part of the German and Austrian empires. Examples of the first scientific trips of University Slavists in the 1840s were represented, which played an important role in the formation of University Slavic studies. The article examines in detail the scientific and political views of V. I. Lamansky and his main scientific works, as well as what kind of role in their process his research trips to foreign countries played. There are different evaluations and the perspectives of modern Russian scientists about the importance of scientific creativity by Lamansky for the formation and development of the Russian Slavic Studies. It is emphasized the lack to date general work of this scientist. It is analyzed in detail the value of his two trips to the Slavic lands for scientific work and teaching activities by V. Lamansky. An important role in the effectiveness of these scientific trips his fluency in Slavic languages played. Public rise in Russia of the 1860s reinforced the public's attention to the works by Lamansky. As a philologist, who knows all of the Slavic and Western languages, VI Lamansky after L. Štúr Slovak, Czech K. Havlicek and other West Slavic theoreticians panslavism (but first in Russia) expressed in the Russian press the idea about the existence of a single Slavic people. As an educator Lamansky brought up a whole generation of followers who also had their students. They were representatives of different directions: Slavic historians, Byzantinists, who led the department in leading Russian universities.

Keywords: Slavic studies, Asian-European continent, study tour, the Slavic language, school by Lamansky.

Citation for an article: Lebedeva G. N. Trips of russian slavists to the slavic lands (from the history of the formation of the national Slavic studies). West – East. 2016, no. 9, pp. 96–106.

References

1. Grot K. Ja. Vladimir Ivanovich Lamanskij. *Istoricheskij Vestnik* = Historical Journal. 1915, no. 1. (In Russ.)
2. Draganov P. P. Bibliografija ucheno-literaturnyh trudov V. I. Lamanskogo i materialov dlja ego biografii [Bibliography erudite literary works by V. I. Lamansky and materials for his biography]. *Novyj sbornik statej po slavjanovedeniju, sostavlennyj i izdannij uchenikami V. I. Lamanskogo pri uchastii ih uchenikov po sluchaju 50-letija ego ucheno-literaturnoj dejatel'nosti* = A new collection of articles on Slavic studies, compiled and published by the students of V. I. Lamansky with the participation of their students on the occasion of the 50th anniversary of his literature activities. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)
3. Ivanov A. E. Uchenye stepeni v Rossijskoj imperii XVIII v. – 1917 g. [Degrees in the Russian Empire of the XVIII century. – 1917]. Moscow, 1994. (In Russ.)
4. Ivan Aksakov v vospominanijah sovremennikov [Ivan Aksakov in the memoirs of contemporaries]. Sost., predisl. i komment. G. N. Lebedevoj; otv. red. O. A. Platonov. Moscow, 2014. (In Russ.)
5. Lamanskij V. I. M. V. Lomonosov. Biograficheskij ocherk [M. V. Lomonosov. Biographical sketch]. *Otechestvennye zapiski* = Notes of the Fatherland. 1863, no. 1, 2. (In Russ.)
6. Lamanskij V. I. Lomonosov i Akademiya nauk [Lomonosov and the Academy of Sciences]. *ChOISR*. 1865, kn. 1, otd. V. (In Russ.)
7. Lamanskij V. I. Tri mira Azijsko-Evropejskogo materika [Three world Asia-European continent]. Pg., 1916. (In Russ.)
8. Lapteva L. P. Istorija zapadnyh i juzhnyh slavjan [History of the western and southern Slavs]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)

9. Lapteva L. P. Istorija juzhnyh i zapadnyh slavjan v osveshhenii russoj istoriografii XIX–XX vv. [History of Southern and Western Slavs in the coverage of Russian historiography XIX–XX centuries]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
10. Lapteva L. P. V. I. Lamanskij i slavjanskaja tema v russkih zhurnalah rubezha XIX–XX vekov [Lamanskii and Slavic theme in Russian journals the XIX–XX centuries]. (M. Ju. Dostal', otv. red.). *Slavjanskij vopros: vehi istorii* = Slavic question milestones. Moscow, 1997. (In Russ.)
11. Mironov B. N. Russkaja sel'skaja obshhina kak glavnaia forma social'noj organizacii russskogo krest'janstva v XVII – nachale XX veka [Russian village community as the main form of social organization of the Russian peasantry in the XVII – on-beginning of XX century]. *Social'nye problemy rossijskogo sela i agrarnyh odnoshenij* = The social problems of the Russian countryside and agrarian relations. Pod red.: M. A. Aref'eva, I. V. Solon'ko, SPbGAU, 2015. (In Russ.)
12. Nedashkovskaja N. I. Istoriograficheskij narrativ «puteshestvija v slavjanskije zemli s uchenoj cel'ju» v dopozitivistskoj slavistike [Historiographical narrative “Travel in the Slavic lands for scientific purposes” in pre-positivist Slavic]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*. = Scientific notes of the Kazan University. Series Humanities, vyp. 3, t. 154, 2012. (In Russ.)
13. Novyj sbornik statej po slavjanovedeniju, sostavlennyj i izdannyy uchenikami V. I. Lamanskogo pri uchastii ih uchenikov po sluchaju 50-letija ego ucheno-literaturnoj dejatel'nosti [The new collection of articles on Slavonic studies, compiled and published by the students of VI Lamansky with the participation of their students on the occasion of the 50th anniversary of his erudite literary activity]. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)
14. Robinson M. A. V. I. Lamanskij, ego vzgljady na razvitie slavjanovedenija, mnenija o nem uchenikov i kolleg [V. I. Lamanskii, his views on the development of Slavic Studies, opinions about him pupils and colleagues]. *Slavjanskij al'manah* = Slavic almanac, 2013, Moscow, 2014. (In Russ.)
15. Rokina G. V. Korrespondencija Jana Kollara kak istochnik po istorii rusko-slovackih svjazej [Correspondence of Jan Kollar as a source on the history of Russian-Slovak relations]. *Obshhestvennye dvizhenija i politicheskaja bor'ba v stranah Evropy i Ameriki v novoe i novejshee vremja* = Social movements and political struggles in Europe and America in the modern and contemporary times, Moscow, 1985. (In Russ.)
16. Seliverstov S. V. «... Ja smotrju neskol'ko menee optimisticheski: k voprosu ob intellektual'nyh vzaimootnoshenijah N. Ja. Danilevskogo i V. I. Lamanskogo v 1860–1880-e gody [“... I look a little less optimistic”: the question of the intellectual relationship between N. Ya. Danilevsky and V. I. Lamansky in 1860–1880s]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Messenger of Chelyabinsk State University, 2009, no. 32 (170). (In Russ.)
17. Slavjanovedenie v dorevoljucionnoj Rossii (Bibliograficheskij slovar') [Slavic in pre-revolutionary Russia (Bibliographical Dictionary)]. Otv. red. V. A. D'jakov. Moscow, 1979. (In Russ.)
18. Soboleva E. V. Organizacija nauki v poreformennoj Rossii [Organization of science in the post-reform Russia]. L., 1983. (In Russ.)
19. Chesnokov V. I. Problema zameshhenija kafedr i formirovanie sistemy «professorskih stipendiatov» v rossijskih universitetah vremen carstvovanija Aleksandra II [The problem of substitution faculties and formation of the system “professorial fellows” in Russian universities in the reign of Alexander II]. *Rossijskie universitety v XVIII–XX vv.* = Russian universities in the XVIII–XX centuries: sb. st., vyp. 5, Voronezh, 2000. (In Russ.)
20. Jejmontova R. G. Russkie universitety na grani jepoh. Ot Rossii krepostnoj k Rossii kapitalisticheskaj [Russian universities are on the verge of ages. From the Russian land to the Russian capitalist]. Moscow, 1985. (In Russ.)
21. Jejmontova R. G. Russkie universitety na putjah reformy: shestidesjatyje gody XIX veka [Russian universities on ways to reform: the sixties of the XIX century]. Moscow, 1993. (In Russ.)

Submitted 20.09.2016; revised 20.10.2016

Lebedeva Galina N., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Russia, St. Petersburg (Pushkin), gal_le@list.ru; g.lebedeva@lengu.ru

УДК 929:91

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
АВТОРА ПЕРВОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО КРЫМУ Г. Г. МОСКВИЧА*****Л. И. Лысова***

Статья посвящена судьбе одного из первых крупных издателей путеводителей по Крыму и Российской империи, а также одного из наиболее успешных организаторов экскурсионного дела в России Григория Москвича, сумевшего на рубеже XIX–XX веков создать бизнес, равного которому не существует и по сей день. За период с 1888 по 1935 гг. Г. Москвич выпустил более 225 изданий путеводителей в количестве более 825 000 экземпляров, основал крупнейшую в России сеть продаж путеводителей, создал в Крыму и на Кавказе разветвленную и хорошо оборудованную систему экскурсионных маршрутов, благодаря чему сотни тысяч жителей страны получили возможность и удовольствие познавать уникальную историю и природу своей Родины. На архивных и краеведческих материалах реконструирована судьба Г. Москвича, определены дата его рождения, вероисповедание, история подготовки путеводителя по Крыму, раскрыты псевдонимы дальнейших переизданий. Наиболее подробно описан период его жизни и деятельности в Ялте, последние годы его жизни. «Путеводитель по Крыму» стал одним из самых успешных издательских проектов Г. Москвича: до 1917 года вышло 27 переизданий этой книги. Представлена картина успешной книжно-газетной торговли и рекламной деятельности Г. Москвича, история его взаимоотношений с А. П. Чеховым. Г. Москвич постоянно придумывал новые оригинальные бизнес-проекты, приносящие ему неплохую прибыль. Он издает серию путеводителей по отдельным, наиболее популярным городам Крыма – Ялте, Севастополю, Феодосии, первый практический путеводитель по Военно-Грузинской дороге, Владикавказу и Тифлису, «Альбом видов Крыма». К концу XIX века он организовал и широкомасштабную реализацию своей печатной продукции, а позже стал основателем экскурсионного бизнеса в России. В начале XX века Г. Москвич – признанный издатель лучших путеводителей в России. Только в одном 1907 году его издательство выпускает путеводители по Крыму, Кавказу, Волге, Петербургу, Москве, Одессе, Варшаве, по Военно-Грузинской дороге, Черноморскому побережью, по Кавказским минеральным водам, организует выпуск ежедневной газеты «Жизнь курортов».

Ключевые слова: Крым, путеводитель, Г. Москвич, российский курорт, газетно-книжная торговля в Крыму, экскурсионная деятельность.

Благодарности: автор благодарит за помощь в подготовке материала заведующую научной библиотекой «Таврика» Нину Колесникову, сотрудников Государственного архива в Республике Крым, канд. фил. наук Аллу Головачеву, докторанта университета Сорбонна Яну Пайоли (Франция), ст. научн. сотр. ЯИЛИМ Юлию Мельник, краеведов Александра Гаврелюка (Москва), Зинаиду Ливицкую (Ялта).

Для цитирования: Лысова Л. Известные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г. Г. Москвича // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 107–125.

Имя Григория Георгиевича Москвича сегодня знакомо лишь довольно узкому кругу научных работников и краеведов, в то время как на рубеже XIX–XX веков его знал практически каждый, кто ехал путешествовать или отдыхать, особенно по России.

Знаменитые путеводители по Крыму, Кавказу, Украине, Европе были настольной книгой почти в каждом доме. Успешный издатель, удачливый коммерсант, Григорий Москвич вписал одну из ярчайших страниц в историю отечественного краеведения, создав бизнес, равно которому не существует и по сей день. Роль его в популяризации российских курортов трудно переоценить. Путеводители Г. Г. Москвича стали ценнейшим источником краеведческих знаний о самых разных местах России и зарубежья.

При этом о судьбе самого Григория Георгиевича было известно чрезвычайно мало. В энциклопедиях биографические сведения о нем, как правило, отсутствуют. Не известно ни одной его фотографии. Долгие годы оставалась неведомой и точная дата его рождения.

Большая группа исследователей из разных стран занялась реконструкцией биографии автора знаменитых путеводителей, и несколько лет назад крымским архивистам удалось восполнить первый пробел – были установлены место и ориентировочная дата рождения Г. Г. Москвича.

«Я родился в Ялте»

В Государственном архиве РК хранится «Удостоверение» от 20 ноября 1897 года, выданное Ялтинской мещанской управой «ялтинскому мещанину» Г. Г. Москвичу «вероисповедания православного» «от роду 37 лет», откуда и можно определить дату его рождения – 1860-й год. Согласно этому документу, Г. Москвич оказался ровесником Чехова. Однако через 40 с лишним лет в письме к Марии Павловне Чеховой в начале февраля 1940 года Москвич упоминает свой возраст по-другому: «на 82-м году», из чего следует, что он родился в 1859-м.

Место своего рождения Москвич называет в заявлении 1927 года на имя председателя Севастопольского райисполкома, обнаруженном главным специалистом Государственного архива Севастополя О. Ивицкой в документах Севастопольского райисполкома: «Я родился в Ялте».

В то же время в метрических книгах южнобережных церквей за 1850–60-е годы, хранящихся в ГАРК, запись о рождении Григория Москвича выявлена не была. Более того, такая фамилия за данный период в них вообще не встречается. В связи с этим у исследователей возникло две версии.

Первая: Москвич – это псевдоним издателя. Согласно второй, члены его семьи имели иное, неправославное, вероисповедание, а сам Григорий Георгиевич крестился, будучи взрослым. Конец жизни издателя подтверждает возможную правильность второй версии.

В то же время своих детей второе поколение семьи Москвич уже крестило в православных храмах. Сотрудники Ялтинского историко-литературного музея в метрической книге ялтинской Успенской церкви выявили, что у Григория Георгиевича был, по крайней мере, один брат – Константин Георгиевич, «ялтинский мещанин». Братья, по-видимому, жили дружно: когда у Константина и его супруги Антонины Федоровны в 1887 году родился сын Вячеслав, Григорий Георгиевич стал его восприемником (крестным).

Согласно данным путеводителя «От Москвы до Южного берега Крыма», в 1860-м году в Ялте проживали 927 человек, работали 29 лавок. Имелись одна церковь, еврейская молитвенная школа и приходское училище, в котором, возможно, и учился наш герой.

Впрочем, по данным Е. И. Зайцевой, отец Григория был торговцем. Мальчик «получил приличное образование, окончив гимназию, а затем Новороссийский университет». Скорее всего, верны обе версии: юноша начинал обучение в Ялте, а затем были одесская гимназия и Новороссийский университет.

Счастливая мысль

Иначе чем генетической склонностью к предпринимательству, трудно объяснить коммерческие успехи Москвича. Окончив университет, он вернулся в Ялту и занялся коммерцией, решив посвятить себя книготорговле, которая была в то время весьма популярным и прибыльным бизнесом. «Книжно-газетная торговля Г. Г. Москвича, Ялта, существует с 1884 г.», – так отныне будет помечать свои фирменные бланки начинающий предприниматель.

Занимаясь продажей книг, Григорий видел, каким большим спросом у публики пользуются путеводители, которых в то время издавалось довольно мало. Вот тогда-то и пришла в голову молодому коммерсанту счастливая мысль создать путеводитель по Крыму – аналог знаменитого в Европе путеводителя Бедкера. И в 1888 году 28-летний Григорий Москвич выпускает на краеведческий рынок свой первый «Практический путеводитель по Крыму», положивший начало супер успешному проекту, равного которому в отечественном краеведении не существует и поныне.

С этого времени к каждому своему путеводителю Григорий Георгиевич будет давать эпиграф: «Знание своего отечества необходимо каждому, желающему с пользой для него трудиться».

Его первый путеводитель имел карманный формат, книжка была красного цвета (по аналогии с путеводителями Бедкера), стоила недешево – 1 руб. 50 коп. Не замахиваясь на столичные высоты, автор печатает свой путеводитель в Ялте, в единственной городской типографии Н. Р. Петрова.

Так среди немногочисленных в то время изданий о Крыме появился первый по-настоящему подробный рекламно-информационный справочник о полуострове. «Приезжающему в Крым, – пишет составитель в предисловии, – ... необходимо иметь под рукою справочную книжку, избавляющую – насколько возможно – своими указаниями от непроизводительной траты времени и расходов».

При этом Москвич не стремился представить публике лишь сухой справочник: «Ставя практические указания на первом плане, путеводитель не имеет исключительно справочного характера: описание каждой местности сопровождается посильной оценкой ее значения как пункта лечебного, или привлекательного для туристов и, кроме того, снабжено исторической заметкой».

Остается лишь удивляться, как совсем еще молодой человек сумел объединить вокруг себя серьезных профессионалов, собрать и систематизировать «море» информации. Это и краеведение, и бытовой блок с адресами и расценками гостиниц, дач, лечебных учреждений, магазинов, парикмахерских, аптек, библиотек и пр., расписанием движения поездов и пароходов, меню и ценами в них, и реклама.

Уже в первом своем путеводителе Москвич проявил себя как талантливый профессионал в сфере рекламы. Несомненно, владельцы дач, гостиниц, лечебниц, магазинов, дававшие информацию и рекламу в путеводитель, оплачивали ее, что было для автора-составителя источником дополнительных средств. При этом уже

в первом путеводителе Москвич применил весьма оригинальный ход: плата за рекламные объявления производилась не заранее, а только по выходу книжки в свет, по счету, представленному рекламодателю вместе с экземпляром издания! Отсутствие предоплаты делало обязательства издателя перед заказчиком еще более значительными, саму продукцию еще более качественной и выступало своеобразным гарантом для заказчика.

Все данные, имевшиеся в путеводителе, «были тщательно проверены на месте, перед самой сдачей рукописи в цензуру». А на случай возможных «погрешностей и неточностей» автор уже в первом издании обращается к читателям с просьбой указывать их для исправления в последующих изданиях.

Интересно также, что подобную практику общения с читателем Г. Г. Москвич сохранил и в процессе работы над следующими изданиями – справочник дополнялся и корректировался не только автором, но и читателями, к которым издатель вновь обращался с просьбой указать «как в интересах издания, так и в интересах публики все погрешности, неточности и желательные пополнения... За любезные услуги автор-издатель будет считать приятным долгом всякому, приславшему ему просимые указания, выслать экземпляр «Путеводителя» следующего издания».

Вообще, многообразие талантов и энергия Григория Георгиевича, проявленные им при издании уже первой книжки, просто поражают. В путеводителе 1888 года он не ограничивается краеведческой и справочной тематикой, но и выступает сам «как посредник по продаже, покупке, аренде и найму дач, имений и квартир, по отправке южно-бережских вин из первых рук. Принимает объявления для помещения их в газетах и подписку на последние по ценам редакции. Доставляет практические сведения и справки о Крыме». При этом дает чрезвычайно простой «адрес для писем и телеграмм – Ялта, Москвичу». Следовательно, к этому времени Григорий Георгиевич был в Ялте уже фигурой известной.

«Средоточием» первого путеводителя стала Ялта, как «главный пункт Южного берега», куда направляется «значительное большинство едущих в Крым», и родной город Г. Г. Москвича. «Остальные города описаны в порядке расположения их по главным маршрутам, ведущим на южный берег», – разъясняет в предисловии к книжке издатель.

К путеводителю также прилагались карты полуострова, снятые «с лучшей из существующих и дополненные из официальных источников». А план Ялты вообще «составлялся по специальному заказу». Приложением к путеводителю служили также «Алфавитный список дач и домовладельцев г. Ялты», перечень фамилий практиковавших в городе врачей, адреса почты, телеграфа, общественных и благотворительных учреждений, церквей, Крымского горного клуба, содержавшие сведения, полезные и по сей день. Словом, автор старался сделать свой путеводитель образцовым во всех отношениях и избавить путешественника от любых проблем на отдыхе.

Конечно, одному человеку собрать такой поражающий воображение объем разноплановой информации было не под силу. И. Г. Москвич уже в первом своем путеводителе решил эту проблему максимально эффективно: он сумел привлечь к работе множество людей, связанных с конкретными отраслями деятельности. А литературную обработку материалов, как с гордостью сообщает в предисловии автор, осуществил известный ялтинский книготорговец и журналист, редактор местной «Ялтинской справочной газеты» Д. М. Городецкий.

Это был чрезвычайно верный ход. Ведь зачастую путеводители пытались составлять в одиночку. Результат, как правило, оказывался не слишком хорошим. Известно, например, критическое замечание А. П. Чехова составителю «Справочной книжки В. А. Фаусека» за 1893 год: «...справочный отдел совершенно недостаточен. Он должен быть вдвое, втрое, во много раз полнее», на которое автор оправдывается: «...я писал книжку один и между делом!.. А для справочного, календарного отдела нужен коллективный труд!» Г. Москвич избежал этой проблемы. При этом окончательную редакцию путеводителя он все-таки делал сам.

В дальнейшем система постоянно совершенствовалась. Сведения для путеводителей получались из первых рук. Так, по воспоминаниям ялтинских старожилов, для путеводителя 1913 года данные по санитарному состоянию Южного берега предоставлял непосредственно санитарный врач города.

Первый путеводитель имел успех, в следующем году он переиздается, уже под редакцией Анны Москвич. И здесь в реконструкции судьбы издателя возникает очередная интрига. В его жизни были две Анны – мать и первая супруга. Кто из них выступил в качестве нового издателя получившей всеобщее признание замечательной книжки?

И вновь возникают две версии.

1. По некоторым данным, увидев успешность проекта, средства на его переиздание дала молодому предпринимателю мать, Анна Москвич.

2. Успешность первого издания подвигла Григория на расширение коммерческих рамок проекта. Из собственных предпринимательских соображений он осуществляет переиздание путеводителя под редакцией супруги Анны Васильевны.

Вторая версия позднее подтвердится очередным успешным предпринимательским шагом Москвича. В начале 1900-х годов он вернется к практике издания путеводителей под другим именем, на этот раз достоверно известно, что под именем супруги, и абсолютно ясно, что – из коммерческих соображений. Подробнее об этом – в нашем рассказе ниже. Неужели еще за 20 лет до этого молодой предприниматель смог предугадать верный ход?

«Путеводитель по Крыму» стал одним из самых успешных издательских проектов Г. Москвича: до 1917 года вышло 27 переизданий этой книги.

Всего через год после начала работы над путеводителями Москвич уже был вхож во многие властные кабинеты: второе издание дополняется планом Ялты «со включением Заречной части». И это при том, что Заречная часть присоединят к городу лишь в 1896 году, а за 5 лет до этого издатель уже был в курсе будущих градостроительных перемен!

С этого времени успешный проект Г. Москвича получает еще большее развитие. Профессор А. А. Непомнящий отмечает, что Москвич первым в России поставил издание путеводителей на профессиональную основу.

«Специальная газетная торговля»

В 1890 году в семье Анны и Григория Москвичей родился первенец, сын Борис, запись об этом была выявлена сотрудниками ЯИЛИМ в метрической книге Успенской церкви. Григорий Георгиевич к этому времени уже занимает прочное положение среди представителей ялтинского среднего класса. В числе его хороших знакомых – местные купцы, чиновники. Восприемниками (крестными) сына Бориса стали коллежский советник Павел Космич Смирнов и жена купца Екатерина

Владимировна Селюк. К сожалению, первый ребенок прожил совсем недолго. К 1897 году в документах Григория Георгиевича он уже не числится.

В 1894 году в семье Москвичей родился сын Александр, на следующий год еще один сын, Вячеслав, названный так же, как племянник. Существует предположение, что у Григория Георгиевича был еще один сын, Григорий. Однако сведений о нем найти пока не удалось.

Успешный предприниматель продолжает развивать свой бизнес. В его киоске по продаже книг и газет, установленном на Набережной, напротив гостиницы «Россия», можно было приобрести (на сутки раньше, чем на почте!) до 75 наименований отечественных и зарубежных газет и журналов, имелся большой выбор видов Крыма, книги на французском, немецком, английском языках, издания для подарков – детские книги в роскошных переплетах. Пользовались спросом книжные новинки: «Очерки Крыма» Гр. Маркова и роман из крымской жизни «Берег моря». Специальные «разнощики» доставляли печатную продукцию на дом желающим уже через 15 минут после получения ее конторой. Существовала также почтовая рассылка, обеспечивавшая «по первому требованию» доставку книг и газет в окрестности города.

Однако Москвич занимался не только продажей литературы. Он, с отменным чутьем выбирая перспективных авторов и произведения, также издавал наиболее интересные для отдыхающих на курорте книги. Чего только, например, стоил «изящно изданный том формата французских романов «Крымские повести» В. И. Немировича-Данченко собственного издания», который Григорий Георгиевич усердно рекламировал в своих путеводителях!

Понимая значимость на климатическом курорте специальной «лечебной» литературы, проницательный Москвич по несколько раз переиздавал и популярные работы доктора В. И. Дмитриева «Лечение виноградом в Ялте и вообще в Крыму» и «Лечение морскими купаниями в Ялте и вообще на Южном берегу Крыма», а в своих путеводителях давал подробные рецепты употребления лечебных кефира и кумыса.

С 1892 года свои путеводители Г. Москвич печатает уже в Одессе. В это время он решает значительно расширить тематику выпускаемых популярных книжек. В 1892 году выходит его первый «Практический путеводитель по Севастополю», а в 1896-м – по Кавказу. Отдельным оттиском выпускался «Путеводитель по кавказским Минеральным Водам». К 1917-му году вышло по 23 издания путеводителей по Кавказу и КавМинВодам.

«Все, что сумею, для вас сделаю»

К этому времени относится знакомство Москвича с А. П. Чеховым.

Известно, что в марте 1894 года Антон Павлович приехал в Ялту для лечения и отдыха. Остановился в 39-м номере гостиницы «Россия». Первые дни были теплыми и солнечными. «Хожу в летнем пальто», – писал Чехов. Несомненно, гуляя по Набережной, он заходил и в магазинчик Москвича. Беседовали, конечно, о книгах. Через пару недель Григорий Георгиевич отправился по делам в Одессу и взялся разыскать там для Чехова редкое издание профессора И. Я. Фойницкого, работами которого Антон Павлович пользовался при написании книги «Остров Сахалин». Необходимую Чехову книгу Москвич нашел, немедленно сообщил об этом Антону Павловичу письмом, в котором также добавил: «... я с большим

удовольствием, все что сумею, для Вас сделаю». Однако тут же обратился к Чехову с ответной просьбой: поспособствовать с приобретением в редакции иллюстрированного журнала «Артист» качественных рисунков с видами Крыма для своих путеводителей.

Однако сотрудничество с журналом «Артист», скорее всего, не состоялось, поскольку в последующие годы Москвич снабжает свои путеводители иллюстрациями, выполненными в известном венском ателье Ангерера и Гешеля.

Тем не менее в дальнейшем Чехов и Москвич все-таки будут продолжать общаться и обмениваться письмами по, скажем так, книжной тематике.

Новые предпринимательские ходы

Очередное переиздание «Путеводителя по Крыму» в 1895 году преподнесло читателю приятный сюрприз: «Четвертое издание, – пишет в предисловии Москвич, – сравнительно с предыдущими, значительно удешевлено и вместо 1 р. 50 коп. стоит всего 1 руб.». Книжка, помимо обязательных карт полуострова и его городов, была также снабжена русско-татарским словарем, «дающим возможность туристам объясняться с татарами в тех глухих закоулках Крыма, где местные жители или совершенно не знают русского языка, или же весьма плохо понимают его».

Словарь был составлен членами Крымского горного клуба профессорами С. М. Танатаром и Р. А. Пренделем, инженером А. Л. Бертъе-Дегагардом под редакцией Исмаила Гаспринского. Имелся он в продаже и отдельно от путеводителя.

В главах путеводителя, посвященных морским переходам вдоль крымского побережья, Москвич дает объявление о новом направлении своего бизнеса: теперь его обширная книжно-газетная торговля осуществляется и на пароходах компании «Русского Общества пароходства и торговли» (РОПиТ).

А кто из путешествующих пароходом откажется от замечательной возможности познакомиться с тайнами Черного моря? И вот – еще одна новинка от издателя: охватив к 1895 году своей «книжно-газетной торговлей» все корабли РОПиТ, Григорий Георгиевич быстро издает, всего за 30 копеек, «необходимый каждому едущему пароходом» «Практический путеводитель по Черному морю», снабдив его, помимо прочих сведений, «картами Черного и Азовского морей»!

Точечно-специализированный подход к изданию путеводителей оказывается весьма востребованным, и вот Григорий Георгиевич уже занят новым бизнес-проектом: на этот раз он запускает серию путеводителей по отдельным, наиболее популярным городам Крыма – Ялте, Севастополю, Феодосии. Каждая книжка – с подробным планом города, справочным адрес-календарем, а ялтинская – еще и с русско-татарским словарем!

В 1898 году издатель преподносит любителям путешествий очередной приятный сюрприз. Несмотря на значительно возросшие затраты по совершенствованию качества путеводителей, стоимость их не увеличивается, составляя по-прежнему 1 руб. Однако у досточтимой публики теперь появилась также возможность выбирать: приобрести стандартный путеводитель за 1 руб. или потратить на 50 копеек больше и получить подарочный вариант с 46 крымскими иллюстрациями, выполненными в артистическом ателье «Ангерер и Гешель» в Вене.

Стремясь максимально использовать любую возможность заработка, Григорий Георгиевич параллельно занялся также модным в те годы изданием отдельных

альбомов открыток. В 1898 году в одесской «Коммерческой» типографии В. Сапожникова выходит «Альбом видов Крыма» с 48 видами тех самых «лучших местностей Крыма», которые Москвич уже поместил в подарочный вариант своего «Путеводителя». Тем не менее опыт вновь оказался удачным – и виды привлекательны, и карманный формат издания удобен. Альбом позднее будет не раз переиздаваться.

Книжная сеть

К этому времени Григорий Георгиевич организовал и широкомасштабную реализацию своей печатной продукции. Сеть его книжных магазинов охватывает Одессу, Евпаторию, Севастополь, Ялту, Феодосию. Начинает «включаться» и Кавказ – Боржом и Абастуман. Теперь это уже не просто пункты продажи книг, а целые склады печатной продукции, располагающиеся по всему югу России, от Крыма до Кавказа.

Предпринимателю также удастся заключить договоры на реализацию книжно-газетной продукции на ВСЕХ пароходах Российского Общества пароходства и торговли и Добровольного флота! Москвич гордо заявляет: «На всех пароходах РОПиТ... производится продажа различных русских и иностранных газет и журналов, а также новейших произведений русской и иностранной беллетристики. Получаю еженедельно все вновь выходящие книги».

До свидания, Ялта!

В 1897 году Г. Москвич издал первый практический путеводитель по Военно-Грузинской дороге, Владикавказу и Тифлису.

К этому году относится и очередной поворот в его судьбе. Вероятно, развивающийся бизнес дал возможность создать некий капитал, что позволило «ялтинскому мещанину» Г. Г. Москвичу претендовать на переход в купеческое сословие. Родная Ялта становится для успешного предпринимателя слишком маленьким полем деятельности, и он переезжает в Севастополь.

18 ноября 1897 года Москвич подает в Ялтинскую мещанскую управу «Прошение» с просьбой выдать увольнительное удостоверение для причисления в севастопольские купцы. Документ был выявлен сотрудниками ГАРК. Через два дня прошение было удовлетворено. Семья Г. Г. Москвича уезжает из Ялты. Впереди – Севастополь, Одесса, Кавказ, Петербург, и везде коммерческим начинаниям бывшего ялтинца будет сопутствовать успех!

В Одессе

Москвич все более напористо движется вперед. Он разъезжает по всей стране – бывает в Петербурге, Киеве, Москве. При этом, несмотря на все более растущую популярность и деловую активность в издательской сфере, Григорий Георгиевич по-прежнему не порывает связи с Крымом и Ялтой. В начале 1900-х годов он – автор популярных обзоров московской жизни, публикуемых в губернской газете «Крым».

Очередной поворот в жизни Г. Г. Москвича происходит в начале 1900-х годов, когда он из Севастополя перебирается в Одессу. Там удачливый предприниматель успешно сочетает различные виды деятельности – от издательской до посреднической, открывает собственную небольшую типографию и «газетную читальню с продажей газет, журналов и всякого рода произведений печати». За годы жизни в Одессе Москвич отпечатал более ста различных путеводителей.

В период 1902–1905 гг. Москвич выпускает путеводители по Волге, Петербургу и его окрестностям, Черноморскому побережью Кавказа, Варшаве. География его путеводителей все расширялась, совершенствовались и сами книжки. И здесь судьба, похоже, вновь столкнула его с Чеховым.

И снова Чехов

В это время Ольга Васильева, страстная почитательница таланта Антона Павловича и его переводчица на английский (правда, не слишком удачливая), вознамерилась продать принадлежавшее ей огромное имение в Одессе. 120 тысяч рублей (!) из вырученных средств Ольга Родионовна, под влиянием идей Чехова, предполагала передать на строительство больницы для бедных в Москве. Не будучи особо сведущей в коммерческих вопросах, в своих письмах она просила Антона Павловича помочь с продажей недвижимости.

Находясь проездом в Одессе, Чехов повстречался с редактором «Одесских новостей», с маклерами, а также с Г. Москвичом, как специалистом в сфере недвижимости, просив их о помощи. Параллельно, конечно, шел разговор о книгах. Антон Павлович интересовался, где Москвич приобретает «папки для своих путеводителей».

К этому времени Григорий Георгиевич, продолжая совершенствовать подарочные варианты путеводителей, начал «одевать» их в сафьяновые «пальто» с золотым тиснением, а также делать для этих замечательных книжек более дорогие и красочные обложки. В результате, книги становились, действительно, прекрасным подарком. Опыт такого, «подарочного», варианта изданий и оказался любопытен Чехову.

Польщенный Москвич преподнес Антону Павловичу три своих путеводителя: по Волге, С.-Петербургу и Крыму, два из них – с дарственными надписями автора: «Премногоуважаемому Антону Павловичу Чехову на добрую память от Гр. Москвича. 3/V-903 г. Одесса». Однако в письме сестре в Ялту 23 мая 1903 года Чехов попросил ее передать путеводители книготорговцу Исааку Синани, мол «так велел сам Москвич, которого я видел».

По какой-то причине книжки не были переданы и остались в библиотеке ялтинского дома Антона Павловича. Их неоднократно просматривали и перечитывали, о чем свидетельствует не слишком «удовлетворительное» состояние маленьких томиков.

«Пуля, пролетев, лишь слегка задела его»

Разные истории случались с Григорием Георгиевичем в его издательской жизни. Вот как описывает в № 331 за 1902 год одну из них газета «Крымский курьер».

«С небезызвестным в Ялте книготорговцем и издателем популярных путеводителей по Крыму г. Г. Г. Москвичем произошел печальный случай.

На этих днях поздно вечером в контору издателя, находящуюся при его квартире в Одессе на Садовой ул., явился недавно рассчитанный М. Рейзор, прослуживший у него с перерывами 12 лет. Г. Москвич принял его.

Что за разговор произошел между Москвичем и его бывшим служащим, пока еще не установлено. Рейзор горячился и говорил громко. Вдруг он сорвался с места, схватил подсвечник и нанес им удар в голову Москвичу. Последний растерялся. Этим воспользовался Рейзор и нанес Москвичу второй удар. Опомившись, тот вступил в борьбу с Рейзором.

Во время драки Рейзор схватил зажженную лампу и бросил ее в Москвича. Лампа пролетела мимо, потухла во время полета и разбилась вдребезги. Противники остались впотьмах. Москвич получил много ран в голову.

Ему удалось, однако, добраться до стола и открыть ящик. Достав револьвер, он произвел три выстрела. На шум прибежали служанка и дворник. Осветив контуры, они увидели Рейзора окровавленным. Немедленно дали знать полиции, и Рейзора доставили в городскую больницу.

Рана у него оказалась незначительной, так как выстрел был произведен, по словам Москвича, лишь с целью напугать Рейзора и пуля, пролетев, лишь слегка задела его.

Г. Москвичу, который находился в постели, врачи два раза делали перевязки.

Рейзор уже неоднократно был удаляем со службы Москвичем и имел в Одессе гастрономический магазин. Дела его, однако, шли неважно, и магазин был им передан. О случае составлен протокол».

«Наиболее удачные издания»

В 1903-м году Г. Москвич – уже признанный автор путеводителей. Его книжки переиздаются практически ежегодно и получают похвальные рецензии от маститых ученых. В частности, профессор Новороссийского университета, известный историк А. И. Маркевич на протяжении нескольких лет, с 1897 по 1903 гг., дает положительную оценку книжкам Москвича как «наиболее удачным изданиям», особо отмечая его путеводители по Крыму, Кавказу, Волге, Санкт-Петербургу.

В 1905–1906 годах в России наступает вполне понятный спад деловой активности. Не минует эта проблема и Г. Москвича. Сегодня его путеводители за эти годы найти крайне сложно. Но в 1907-м – новый всплеск: только за один год издательство выпускает путеводители по Крыму, Кавказу, Волге, Петербургу, Москве, Одессе, Варшаве, по Военно-Грузинской дороге, Черноморскому побережью, по Кавказским Минеральным Водам.

Читая эти замечательные книжки, не перестаешь удивляться лиричности и тонкому романтизму в описании достопримечательностей, что, впрочем, становится для них дополнительной рекламой – так и хочется, отбросив все дела, устремиться в Крым, на Кавказ, Волгу или в Питер! Наверное, поэтому «Путеводители» Москвича избежали забвения – участи многих других справочно-краеведческих изданий своего времени, а стали друзьями и собеседниками для каждого читателя на долгие времена.

Расширяя круг своей деятельности, Москвич не забывал и любимую Ялту. Продолжалось переиздание его путеводителей по Южному берегу Крыма и по Севастополю и окрестностям – единственных среди всех его книжек – более подробных путеводителей по двум конкретным малым регионам. И все – с картами, планами, иллюстрациями. Просто удивительное предпринимательское чутье!

Параллельно задумывались также путеводители по Западной Европе, по железным дорогам, по курортам России. Анонсируется выход путеводителей по Сибири, Прибалтийскому побережью, по окрестностям С.-Петербурга, по Киеву и Днепру, по Финляндии и др.

Дело дошло до того, что издателю приходилось допечатывать несколько раз тираж путеводителя за один и тот же год. Даже сегодня, по словам коллекционеров, еще можно встретить такие книжки: текст одинаков, а реклама разная (новая помещалась в допечатываемый тираж). Зачем же деньги терять, если идет рекламодатель!

Рекламы в путеводителях становится все больше, постепенно она начала охватывать не только описываемые в конкретных книжках регионы, но и всю страну и даже заграничные товары и услуги. Это и понятно – популярное издание притягивает как читателя, так и рекламодателя. Со временем Москвич начал предлагать

желающим прорекламировать себя в издании следующего года, постепенно поставив процесс на поток.

При этом, все глубже изучая историю и постоянно совершенствуя свои «Путеводители», Москвич не боялся менять и собственные взгляды и оценки, добиваясь максимальной достоверности изложенных в книжках фактов. И как только у него хватало сил организовывать такую масштабную и в то же время скрупулезную и точную работу?!

На Кавказе

Но издания путеводителей Григорию Георгиевичу оказывается мало. Москвич стал одним из первых организаторов экскурсионного бизнеса в России, отдав этому делу почти 30 лет жизни.

Летом 1907 года он появляется со своими путеводителями на Кавминводах. Акционерное общество Владикавказской железной дороги, проявлявшее большую заботу о популяризации курортной сферы, нашло в ялтинском издателе пламенного единомышленника. Именно там он начинает широко развивать очередной свой проект. На железнодорожном вокзале в Кисловодске появляется Кавказское бюро экскурсий, немного позднее открываются его отделения в Пятигорске, Железноводске, Ессентуках, Минеральных Водах, Владикавказе, Ростове, Новороссийске. Не забывал Григорий Георгиевич и родную Ялту, где он тесно сотрудничал с членами Крымского горного клуба.

Тесное сотрудничество Москвича с руководством Владикавказской железной дороги способствовало его знакомству с премьер-министром России В. Н. Коковцевым, который лоббировал интересы Владикавказа. Лучший подарок от издателя – Путеводитель по Крыму «почтительно» поднес в 1912 году Г. Г. Москвич «Его Высокопревосходительству Владимиру Николаевичу Коковцеву».

Экскурсбюро Москвича активно работало в течение 5 лет. Желающим предлагалось совершить экскурсии конными экипажами, автомобилями, пароходами и даже целыми ж.-д. вагонами. Москвич активно разрабатывал и пропагандировал новые экскурсионные и туристические маршруты. И здесь, как в каждом из своих бизнес-проектов, он вновь нашел «изюминку» – сумел организовать экскурсии по Крыму и Кавказу в беспересадочных железнодорожных вагонах.

Экскурсионное бюро Москвича наладило контакты с так называемым Французским анонимным обществом автомобильных сообщений, благодаря чему между Тифлисом и Владикавказом было налажено «срочное», как говорили в то время, передвижение экскурсантов в 3-, 4-, 11- и 14-местных автомобилях «на резиновом ходу». Настоящая диковинка: прокатиться по Кавказу на авто, которое в те годы и в крупных городах империи все еще было редкостью!

И опять новые бизнес-проекты

В 1907 году в Пятигорске Москвич организует выпуск ежедневной газеты «Жизнь Курортов». По мысли редактора-издателя, сезонная газета, выходившая с мая по сентябрь, должна была освещать исключительно жизнь российских (всех!) курортов. Единственная на тот момент кавказская газета «Терек» закрылась, а рекламодатель, окруженный массой отдыхающих, взывал: хочу дать рекламу! Григорий Георгиевич поспешил навстречу новым заработкам. К сожалению, это начинание неутомимого предпринимателя не было успешным. Газета просуществовала лишь один курортный сезон.

Впрочем, не страшно! Григорий Москвич начинает новый бизнес – печать хромолитографированных карт. Одной из первых становится красочная карта Кавказа масштабом «40 верст в дюйме».

Успешно развивается и еще одно направление деятельности Григория Георгиевича: параллельно с выпуском альбомов с открытками он начинает осваивать и весьма популярную в то время печать отдельных открыток с видами различных мест России и зарубежья.

«Русский Бедкер»

К 1907 году путеводители Москвича продавались уже на всех вокзалах вдоль железной дороги от Санкт-Петербурга до Севастополя и Кавказа, на пароходах, у швейцаров всех крымских и кавказских гостиниц, в магазинах Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Харькова, Одессы и других крупных городов империи. Почувствовав, что бизнес приобретает серьезные масштабы, Г. Москвич решил учредить специализированное издательство путеводителей «Русский Бедкер», по имени немецкого путешественника и издателя путеводителей Карла Бедкера, заявив тем самым о европейском качестве своих книжек. С этого времени Москвич «скромно» рекламирует себя: «Издательство «Русский Бедкер» существует с 1888 г.».

В эти годы происходят изменения и в семейной жизни Г. Москвича: его второй супругой становится Мария Александровна Москвич, под редакцией которой издаются путеводители «Русского Бедкера». Вот когда Григорию Георгиевичу пригодился первый его опыт издания книг на другое лицо: при столь разветвленном бизнесе, вероятно, подобный ход помогал более комфортно существовать в налоговой сфере.

В начале 1910-х годов неутомимый Москвич в поисках дальнейшего расширения бизнеса включает в сферу своих интересов и Санкт-Петербург. Теперь его адрес для писем: СПб, Невский пр., 84, Г. Г. Москвичу. В Адрес-календаре С.-Петербурга за 1913 год Григорий Георгиевич Москвич значится как «издатель путеводителей», редакция его находится на ул. Троицкой, 23, тел. 5-15-84.

Впрочем, все места пребывания издателя можно определять довольно условно: в течение долгих лет практически в одно и то же время он мог оказаться ВЕЗДЕ. Специфика бизнеса требовала его присутствия на Кавказе и в Варшаве, в Одессе и Ялте, в Киеве и в С.-Петербурге. При этом НИГДЕ Москвича не удалось найти в списках владельцев недвижимого имущества. Остается только гадать, почему он, имея достаточные средства, не обзаводился собственной недвижимостью, а все его магазины, склады, экскурсионное бюро и редакции находились в арендованных помещениях...

На 40 процентов дешевле

А бизнес тем временем растет и крепнет. К началу 1910-х годов Москвич уже признан как один из серьезных организаторов туристического бизнеса в России. Его многочисленные экскурсионные бюро работают все более профессионально. Объездив всю страну, он продолжает создавать неординарные туристические маршруты – поездки на теплоходах, поездах, автомобилях, верховых лошадях, пешие походы. При этом на маршрутах обеспечивался достаточный комфорт, хотя услуги и были недешевы. Справочники-путеводители служили дополнительной рекламой и стимулом к привлечению людей к подобным видам отдыха, предлагали привлекательные скидки и условия. За счет гибкой договорной системы с владельцами

транспорта и «баз размещения» Москвич предлагал обслуживание на 20–40 % ниже аналогичных поездок у других организаторов экскурсий. Тем самым обеспечивался дальнейший спрос на эти услуги и, соответственно, увеличивались доходы.

Вообще, хозяйственно-экономическая сторона деятельности Москвича была выстроена чрезвычайно качественно и даже сегодня может быть предметом отдельного изучения. По данным ялтинца Ю. И. Казаченко, он активно «занимался разнообразной хозяйственной деятельностью. Так, за исправное содержание Симферопольско-ялтинского тракта был удостоен Золотой медали и золотых часов с государственным гербом». Это и понятно, ведь какие экскурсии без хороших дорог!

С крымскими дорогами связан также очередной бизнес-проект Григория Москвича, реализацию которого он пытался начать в январе 1917-го года.

Поток отдыхающих на ЮБК в это время значительно снизился. Сказывались события Первой мировой войны, когда из-за реквизиции лошадей для фронта сократилось число извозчиков, работавших на трассе Ялта – Симферополь, прекратились и другие виды перевозок. Да и в целом сложилась неудовлетворительная, по сравнению с другими крымскими направлениями, организация доставки отдыхающих на Южный берег. Местная общественность пыталась взывать к официальным властям, однако вскоре стало понятно, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». В Ялте было решено организовать общества по доставке пассажиров из Симферополя и Севастополя на южнобережные курорты конными экипажами и автомобилями. В эти общества вошли представители заинтересованных сторон: владельцы гостиниц, пансионатов, ресторанов, магазинов и пр. Во главе их встали люди, сведущие в подобных вопросах, один из них – инженер А. В. Тесленко, занимавшийся в течение ряда лет реализацией транспортных проектов на ЮБК. Проживающий в Петрограде Г. Г. Москвич, естественно, оказался в курсе нового ялтинского коммерческого начинания. Чему уж удивляться?

19 января 1917 года он отправляет из Петрограда в Ялту письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь!

Сочувствуя вполне организуемой Вами компании по перевозке на лошадях пассажиров Ялта – Симферополь на 12 экипажах, я бы охотно вошел пайщиком с 10–15 т. р., почему имею честь просить Вас, М. Г., прислать мне возможно исчерпывающие данные о предприятии и способ войти пайщиком.

С совершенным почтением, Г. Г. Москвич».

Заметим: в очередной проект предприниматель готов был вложить до 15 тысяч рублей – совсем небедный человек!

Впрочем, это был последний дореволюционный факт коммерческой активности Москвича. Вряд ли предприятие состоялось. Летом 1917 года на Южном берегу Крыма отдыхающих уже практически не было. Скоро наступят новые времена...

Четверть века в строю

В 1913 году Г. Москвич отмечал 25-летие своей издательской деятельности. В предисловии к юбилейному, двадцать пятому изданию «Иллюстрированного практического путеводителя по Крыму», он написал: «... работая с любовью 25 лет, (я) создал единственное в России издательство путеводителей... Мною издано 10 разных путеводителей в 134-х изданиях в количестве свыше 500000 экземпляров... С чувством глубокого удовлетворения могу засвидетельствовать,

что распространение моих путеводителей ежегодно увеличивается и растет, следовательно, интерес к нашей бескрайней, изумительной по разнообразию и красоте родине».

В 1915 году к уже издававшимся книжкам добавились путеводители по Финляндии, Швеции и Норвегии, а также по Владикавказской железной дороге. Словом, Григорий Георгиевич Москвич стал в России главным и непревзойденным издателем путеводителей.

Последний регулярный выпуск путеводителей он осуществил в 1917 году.

Новые времена: сын за отца?

Начиная с середины 1917-го, деловая активность Г. Г. Москвича практически сходит на нет, а затем на 5 лет и вовсе наступил вполне объяснимый перерыв.

Существуют лишь отрывочные сведения о том, как прожили эти годы Москвич и его семья. Известно, что из Петрограда издатель подался на юг, как и многие другие россияне, в надежде переждать лихие времена.

В то же время, в 1917–1920 годах в Киеве обнаруживаются следы молодого журналиста популярной газеты «Киевлянинъ» Александра Григорьевича Москвича, активно участвовавшего в политических событиях, сотрясавших столицу Украины. Можно предположить, что это был старший сын Григория Георгиевича.

Перед приходом красных он эвакуировался в Одессу, потом, не пожелав ехать в Крым или за границу, дважды возвращался в Киев.

«Уже под конец деникинского периода в нем образовался «соблазн», – пишет о А. Г. Москвиче в своих мемуарах «Три столицы» бывший главный редактор «Киевлянина» В. В. Шульгин, – душа не выдержала изнанки добровольчества... он совсем передался большевикам».

К сомнительной заслуге А. Г. Москвича можно отнести факт выдачи им в 1924 году большевикам членов киевской подпольной белогвардейской организации «Центр действия», куда он внедрился «с политическим паспортом бывшего секретаря «Киевлянина», уже работая в это время в ЧК.

Дальнейшая жизнь Александра Григорьевича поначалу складывалась довольно удачно: судьба (или партия) забросила его в Гомель, где Москвич числился среди номенклатурных работников Белорусской железной дороги.

Но потом пришел 1937-й. Имя А. Г. Москвича находим в так называемых «Сталинских списках», решения о репрессиях по состоявшим в них гражданам как по лицам, находившимся на вершине советский партийно-номенклатурной лестницы, принимал и подписывал лично Сталин. 13 декабря 1937 года А. Г. Москвич был осужден по первой категории (расстрел).

«Обращаться на ул. Троцкого»

В 1923 году, почувствовав некоторую свободу НЭПа и поверив в нее, Григорий Георгиевич за свой счет осуществляет первую «советскую» попытку вернуться к любимому делу: он издает в Краснодаре сразу два путеводителя – «Курорты Северного Кавказа (минеральные воды)» и «Курорты Кубани и Черноморья», фактически представляющие собой компиляцию его дореволюционных путеводителей.

В это время Москвич живет в Севастополе и работает, по-видимому, в акционерном обществе «Крымкурсо», созданном в августе 1923 года «для эксплуатации санаториев Южного берега и обслуживания прибывающих в Крым курортников».

В августе 1923-го севастопольская газета «Маяк коммуны» опубликовала объявление: «Путеводитель по Крыму Григория Москвича купит Г. Москвич».

К подобной практике «восстановления интеллектуальной собственности» Григорий Георгиевич будет обращаться еще не раз. По-видимому, в годы революции он не сумел сохранить ничего из своего имущества и таким образом пытался восполнить эти ужасающие пробелы. Обращаться следовало по адресу: ул. Троцкого 6, «управление акц. общества Крымкурсо». При этом интересно заметить, что Москвич вновь вернулся к жизни на несколько городов. Работая в «Крымкурсо», он параллельно пытается восстановить деятельность своего издательства в Ленинграде, где пишет предисловие к 29-му изданию своего путеводителя.

Что-то, скорее всего, ему удалось найти, так как в 1925-м в Москве в национализированном издательстве А. С. Суворина, носившем к этому времени уже вполне пролетарское название «Контрагентство печати», Григорий Георгиевич осуществляет 29-е издание «Практического путеводителя по Крыму».

Но как не похож был этот «список бледный» на прошлые прекрасные книги! Тоненькая брошюрка на плохой бумаге отчаянно «оправдывалась», что это «сжатый» и «сокращенный» вариант, в который автор, тем не менее, «воспользовавшись обширным опытом и практикой», сумел вместить необходимые путешественнику сведения. Впрочем, Москвич и здесь находит выход: в путеводителе он, в основном, дает «практические сведения», а «интересующихся широкой осведомленностью о Крыме» отсылает «к приводимому ниже списку популярной литературы».

Путеводитель вышел тиражом 5200 экземпляров. Читая его, ощущаешь шемящее чувство потери, которое невольно сквозит в округлых и хорошо отредактированных в угоду новому миру строчках. На последней странице автор дает внушительный перечень изданных с 1888 года путеводителей, указывая: «За 37 лет выпущено 223 издания в количестве 825 тыс. экземпляров». В этом же году он предпринимает аналогичное издание путеводителя по Кавказу.

«Чтобы иностранцы имели исчерпывающие данные о Крыме»

По-видимому, путеводитель Москвича остался незамеченным: в новых экономических условиях старому предпринимателю места не оказалось. Тем не менее, несмотря на свертывание в СССР НЭПа, Москвич пока еще живет неплохо. Он обитает то в Ленинграде, то в гостинице «Россия» в Балаклаве, по-прежнему не имея (или не желая иметь) собственного жилья, и опять не сдается!

В 1927 году, узнав из публикации в газете «Маяк коммуны» о том, что в Севастополе идет работа по подборке материала для американского путеводителя по Европе, он пишет заявление на имя председателя Севастопольского райисполкома с просьбой включить его в авторский коллектив. Интересно, что педантичный Григорий Георгиевич составляет документ по всем правилам делопроизводства – вместо углового штампа рукой автора вписано: «Москвич Григорий Георгиевич. Автор 14 путеводителей с 1888 г. Балаклава. «Россия» 11/1-27 г.». Этот интересный документ был обнаружен О. Ивицкой в документах Севастопольского райисполкома в фондах Государственного архива Севастополя.

Заканчивается заявление так: «...желая, чтобы иностранцы имели все исчерпывающие данные о моем родном Крыме (я родился в Ялте) в современных условиях, и как первый и старейший в Союзе ССР составитель путеводителей

предлагаю свои услуги бесплатно проредактировать, исправить и дополнить текст о Крыме для Американского издания Путеводителя по Европе».

Однако поучаствовать в работе над текстом путеводителя Григорию Георгиевичу не удалось. На его письме начертана резолюция: «Материал выслан в Нью-Йорк». В общем-то, это неудивительно: в редактировании политически важного текста могли принимать участие только те, кому доверяла советская власть.

И снова Ялта

После 1927 года Г. Г. Москвич с семьей переехал на жительство в Ялту. Здесь он осуществил еще одну попытку вернуться к издательской деятельности. По воспоминаниям ялтинских старожилов, в 1932 году вышел в свет последний его путеводитель, в котором Москвич уже выступал не как единоличный составитель, а как один из коллектива идеологически выдержанных советских краеведов. Книжка выглядела откровенно жалкой – в ней были выхолощены любые мало-мальски яркие детали, присущие прежним красочным путеводителям Григория Георгиевича.

Тем не менее даже такие слабые попытки вернуться в профессию, которой была отдана вся жизнь, похоже, обернулись для Москвича трагически. Ялтинские страницы жизни знаменитого автора путеводителей приоткрыл доктор Ю. И. Казаченко, который был дружен с сыном Г. В. Нейстат, работавшей до войны вместе с Г. Г. Москвичом в Ялте и много рассказывавшей ребятам о своем необычном коллеге.

В 1930-е годы он, как и Галина Васильевна, имел статус лишенца – был лишен конституционных прав, как бывший коммерсант, наряду с бывшими священнослужителями, полицейскими, сумасшедшими и преступниками. В связи с этим не имел пенсии, не получал продуктовые карточки.

Работал Москвич в художественной артели на улице Морской, занимавшейся производством сувениров, а также выпускавшей открытки, проспекты, брошюры, жил на улице Виноградной. По данным ялтинского краеведа и собирателя И. Н. Севастьянова, сохранилось несколько фотооткрыток 1930-х гг. с подписью «Фотограф Г. Г. Москвич». Одна из них – фото пристани у «Ласточкиного гнезда». По-видимому, талантливый во всем, Москвич даже в преклонном возрасте подрабатывал фотографией. По воспоминаниям Г. В. Нейстат, он так же хорошо рисовал, оформляя издания артели. И вновь, несмотря ни на какие ограничения, начал неплохо зарабатывать!

Коллегам Григорий Георгиевич рассказывал о своей прежней жизни, о многочисленных путешествиях, из которых часто привозил диковинные вещи. Г. В. Нейстат вспоминала его рассказ о том, как из путешествия в Палестину был привезен кусочек Гроба Господня, который Москвич передал в Бахчисарайский православный храм. (Сегодня следов реликвии найти не удалось – *авт.*). Рассказывал и о своей прежней коммерческой деятельности – по словам Г. Нейстат, он, помимо уже описанных выше видов бизнеса, имел по стране также несколько сувенирных предприятий.

Последняя попытка

Последние свои годы знаменитый издатель провел в доме № 12 по ул. Литкенса. Живя здесь, в 1940-м, на 82-м году жизни, Григорий Георгиевич предпринимает очередную попытку издания путеводителя. Однако на этот раз он хочет собрать не просто путеводитель, а представить читателю своеобразный итог своего жизненного пути в юбилейном издании книги. «Чтобы 30-е изд., после меня, могло бы служить руководящим образцом для тех, которые будут трудиться над данной работой», – пишет он М. П. Чеховой.

Обратиться к сестре писателя Москвич решил для того, чтобы уточнить, «какого года и какое изд. мой Пут. по Крыму и дату, когда я эту книжку поднес Антону Павловичу». По-видимому, в предисловии к юбилейному изданию он предполагал кратко описать главные события своей жизни.

Интересный факт: до войны путеводители Москвича находились в экспозиции кабинета Чехова в его ялтинском доме, что могло подчеркивать интерес писателя к известному соотечественнику (сейчас они – в книжном шкафу Чехова – *прим. авт.*). «На юго-восточном углу рабочего стола Антона Павловича ... одна над другой два Путеводителя по Крыму: Безчинского и мои», – уточняет издатель в письме к Марии Павловне.

По словам Москвича, предполагалось, что Крымгосиздат» выпустит книжку весной 1941 года большим тиражом – 30000 экземпляров. Через 23 года после революции Григорию Георгиевичу, похоже, все-таки удалось проломить стену партийно-советского предубеждения к себе – буржуйскому деятелю, лишенцу и вообще чуждому элементу.

«По выходу в свет 30-го изд., если я жив буду, то почту долгом доставить 1 экз. Чеховскому музею», – пишет Москвич.

К сожалению, этот масштабный проект так и не был претворен в жизнь. Скорее всего, предвоенные настроения в СССР к тому времени уже развернули вектор основных идеологических приоритетов в сторону от сугубо мирных краеведческих проектов пожилого издателя.

Война

Годы фашистской оккупации добавили новые загадки к судьбе Москвича.

По данным доктора Ю. И. Казаченко и краеведа Г. Я. Шмидта, после прихода в Ялту фашистов 82-летний Г. Г. Москвич, несмотря на православное вероисповедание, был арестован как еврей. Его содержали в бывших Массандровских казармах, ставших в годы войны еврейским гетто, а в декабре 1941 года вместе с женой Марией Александровной расстреляли, как и других ялтинцев, в районе Массандры.

Однако в связи с этой информацией возникает вопрос.

21 марта 1942 года расстрелянный, как будто, Москвич вновь напоминает о себе! Ялтинец Н. А. Дешкин записывает в этот день в своем дневнике: «Григорий Москвич сегодня развесил объявления: «Я, Григорий Москвич, автор 14 путеводителей по России, скупаю старые почтовые марки, серебро и золото».

В это время немецкие оккупационные власти дали распоряжение управляющему городским банком начать скупку у населения драгоценных металлов. Но дело шло плохо. И вдруг снова в игру вступает неутомимый Москвич, переходя дорогу не кому-нибудь, а фашистскому режиму! Вряд ли ему простили эту «выходку». В списках советских граждан, расстрелянных в Ялте, которые составлялись в 1944 году после прихода в город Красной армии, хранящихся в ГАРК, московский краевед А. Гаврелюк все-таки обнаружил имена Григория Георгиевича и Марии Александровны Москвич...

Р. С. В предисловии к юбилейному, 25-му изданию «Путеводителя по Крыму» Григорий Георгиевич написал: «... я как мог, послужил дорогой родине, ... и черпаю веру, что и дальнейшие труды мои не пропадут даром, расширяя познания нашего отечества, поддерживая к нему неугасимый огонь любви. ... Я сделал, что мог, кто лучше может, пусть сделает»...

Список использованных источников

1. Государственный архив в Республике Крым, ф. 620, оп. 1, д. 10.
2. Государственный архив города Севастополя, ф. Р-420, оп. 1, д. 471.
3. Зайцева Е. И. Путеводители Григория Георгиевича Москвича. Сборник научных трудов. Кироводск, 2010 г.
4. Ивицкая О. Е. Неизвестный автограф Григория Москвича в фондах государственного архива города Севастополя // Газета «Слава Севастополя». 3.10.2010 г.
5. Казаченко Ю. И. Воспоминания ялтинца. Рукопись. Архив автора.
6. Лысова Л. И. Григорий Москвич – автор путеводителей // Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта», № 5, 08.2013 г.
7. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 1888, Ялта. 1889, Ялта. 1895, Одесса. 1904, Одесса. 1913, СПб. 1925, Москва.
8. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). Научно-справочные издания по истории Украины. Вып. 46. Киев, 1999.
9. РГБ, ф. 331, картон 52, ед. хр. 31. Л. 1–1 об.
10. Севастьянов И. Н. Воспоминания коллекционера. Рукопись. Архив автора.
11. Ханило А. В. Воспоминания. Рукопись. Архив автора.
12. Черткин Е. И. Незабывтый Севастополь. Часть 1. Севастополь, 2008.

Поступила 12.07.2016; принята к публикации 12.08.2016

Лысова Лариса Ивановна, главный редактор историко-краеведческого альманаха «Старая Ялта», Россия, г. Ялта, *LLisova@yandex.ru*

**UNKNOWN PAGES OF LIFE AUTHOR
OF THE FIRST GUIDE TO CRIMEA G. G. MOSKVICH**

L. I. Lysova

The article is devoted to the life of one of the first significant publishers of the Crimea and the Russian Empire guides, and also one of the most successful organizers of the excursion business in Russia Grigory Moskvich, who at the turn of XIX–XX centuries created a business that is unparalleled to this day. During the period from 1888 to 1935 he had published more than 825000 copies of 225 guides established the largest sales network of guides created in the Crimea and in the Caucasus an extensive and well-equipped system tour routes, allowing hundreds of thousands of people in the country to have the opportunity and pleasure to experience the unique history and nature of their Homeland. On archival and local history materials fate of G. Moskvich is reconstructed, his date of birth, religion, preparation history of guide in Crimea are identified, aliases of future editions are disclosed. In more details the period of his life and work in Yalta, the last years of his life are described. “Guide in the Crimea” has become one of the most successful publishers of projects by G. Moskvich: before 1917 27 editions of this book came out. A picture of a successful book and newspaper trade and promotional activities of G. Moskvich, the story of his relationship with A.P.Chekhov is presented. G. Moskvich constantly invented new and original business projects that provided him a good profit. He publishes a series of guides of the individual, the most popular cities of Crimea – Yalta, Sevastopol, Theodosia, the first practical guide in the Georgian Military Highway, Vladikavkaz and Tbilisi, “Album of types of Crimea.” By the end of the XIX century he also organized large-scale implementation of his

printed products, and later became the founder of the tour business in Russia. At the beginning of the XX century G. Moskvich is a recognized publisher of the best guides in Russia. Only in 1907 his publishing house publishes guides in the Crimea, the Caucasus, the Volga River, St. Petersburg, Moscow, Odessa, Warsaw, on the Georgian Military Highway, the Black Sea coast, in the Caucasian Mineral Waters, organizes the release of the daily newspaper “Life Resorts.”

Keywords: Crimea, a guide, G. Moskvich, a Russian resort, newspaper and book trade in the Crimea, excursion activity.

Acknowledgements: the author thanks for their help in preparing the material head of scientific library “Taurica” Nina Kolesnikova, employees of the State Archive of the Republic of Crimea, PhD. Phil. Alla Golovacheva University of Sorbonne doctoral Yana Payoli (France), Senior researcher at YAILM Julia Melnik, ethnographers Alexander Gavrelyuk (Moscow), Zinaida Livitskaya (Yalta).

Citation for an article: Lysova L. Unknown pages of life author of the first guide to Crimea G. G. Moskvich. West – East. 2016, no. 9, pp. 107–125.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv v Respublike Krym [The State Archives of the Republic of Crimea], f. 620, op. 1, d. 10. (In Russ.)
2. Gosudarstvennyj arhiv goroda Sevastopolja [The State Archives of the city of Sevastopol], f. R-420, op. 1, d. 471. (In Russ.)
3. Zajceva E. I. Putevoditeli Grigorija Georgievicha Moskvicha. Sbornik nauchnyh trudov [Guides by Gregory Georgievich Moskvich. Collection of scientific papers]. Kislovodsk, 2010 g. (In Russ.)
4. Ivickaja O. E. Neizvestnyj avtograf Grigorija Moskvicha v fondah gosudarstvennogo arhiva goroda Sevastopolja [Unknown autograph of Gregory Moskvich in funds in the state archives of the city of Sevastopol]. *Gazeta «Slava Sevastopolja»* = Newspaper “Glory of Sevastopol”. 3.10.2010 g. (In Russ.)
5. Kazachenko Ju. I. Vospominanija jaltinca. Rukopis' [Memories of Yalta citizen. Manuscript. Author's archive]. Arhiv avtora. (In Russ.)
6. Lysova L. I. Grigorij Moskvich – avtor putevoditelej [Gregory Moskvich - author of guidebooks]. *Istoriko-kraevedcheskij al'manah «Staraja Jalta»* = Local History Almanac “Old Yalta”, no. 5, 08.2013 g. (In Russ.)
7. Moskvich G. Illjustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Krymu [Illustrated Practical Guide to Crimea]. 1888, Jalta, 1889, Jal-ta, 1895, Odessa, 1904, Odessa, 1913, St. Petersburg, 1925, Moscow. (In Russ.)
8. Nepomnjashnij A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedenija Kryma (poslednjaja tret' XVIII – nachalo XX veka). Nauchno-spravochnye izdanija po istorii Ukrainy [Notes of travelers and guides the development of local history of the Crimea (the last third of the XVIII – the beginning of XX century). Scientific reference books on the history of Ukraine]. Vyp. 46, Kiev, 1999. (In Russ.)
9. RGB, f. 331, karton 52, ed. hr. 31. L. 1–1 ob. (In Russ.)
10. Sevast'janov I. N. Vospominanija kollecionera. Rukopis' [Collector's memories. Manuscript. Author's archive]. Arhiv avtora. (In Russ.)
11. Hanilo A. V. Vospominanija. Rukopis' [Memories. Manuscript. Author's archive]. Arhiv avtora. (In Russ.)
12. Chvertkin E. I. Nezabytyj Sevastopol' [Unforgotten Sevastopol]. Chast' 1. Sevastopol', 2008. (In Russ.)

Submitted 12.07.2016; revised 12.08.2016

Lysova Larisa I., chief editor of the local history almanac “Old Yalta”, Russia, Yalta, *LLisova@yandex.ru*

УДК 94(470)"18/19"-055.1

**МУЖСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ
МАСКУЛИННОСТЬ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО)**

Н. Л. Пушкарёва

В статье рассматривается феномен писателя Л. Н. Толстого как «символа русской сексуальной мощи». В историографии США, посвященной русской сексуальной культуре, наиболее типичны ссылки на пример Л. Толстого. Частная интимная жизнь писателя рассматривается на основе его дневников, художественных произведений и оценок современников. Данная реконструкция является уникальным материалом для понимания моральных, этических и других социальных норм в процессе формирования маскулинности в российской дворянской культуре на рубеже XIX–XX веков. Сексуальность Л. Толстого теоретизируется в связи с социальной историей. Личность писателя рассматривается как образцовая мужская субъективность. Под конвенциональной маскулинностью в статье подразумеваются нормативные представления о маскулинности, сложившиеся в обществе и сознании отдельной личности. На основе его документов, сохранившихся в наследии писателя, складывается его образ как носителя типичной для того времени агрессивной маскулинности. Из-за ранней психологической травмы в детский период жизни Толстого у него сложилось представление о боготворении в женщине материнского начала и отвращения к сексуальному в женщине-матери. Позднее эти идеи нашли отражение в его литературных произведениях, особенно в «Крейцеровой сонате». Ответственность за ранний сексуальный опыт и беспорядочную половую жизнь в юности писатель переносит на женщин. При этом известно его мнение о моральности института проституции. Сложности семейной жизни писателя с С. А. Берс, в том числе и интимной, кроются в отсутствии счастливого сексуального старта и распушенности в юности. Семейный разлад в конце 1880-х годов совпал с религиозными исканиями писателя и бурными дискуссиями в российском обществе по половому вопросу. Свое отношение к этой дискуссии Толстой выразил в «Крейцеровой сонате» (1891). И в личной жизни уже в 1890 году писатель пришел к необходимости раздельного проживания со своей супругой, посвятив себя служению Богу. После смерти писателя в 1910 году вдова сохранила все его наследие, включая личные дневники, которые раскрывали его интимную, в том числе и сексуальную сторону жизни Льва Толстого.

Ключевые слова: конвенциональная маскулинность, мужская сексуальность, Л. Н. Толстой, биография Л. Н. Толстого, русская дворянская культура.

Для цитирования: Пушкарёва Н. Л. Мужская сексуальность и конвенциональная маскулинность в русской дворянской культуре на рубеже XIX–XX вв. (на примере биографии Л. Н. Толстого) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 126–137.

Для многих читателей желание проникнуть в интимную сферу жизни великих скрывает попытку сбежать от серой повседневности, приобщиться к высокому, элитарному, и тем оправдать свои страсти, обнаружив схожее у тех, кто на Олимпе¹. Многочисленные слухи и анекдоты о жизни Л. Н. Толстого и его семье не перестают появляться на страницах газет, имя писателя постоянно мелькает в современных блогах, «живых журналах», в телепередачах, очевидно доказывая, что он остался навсегда и для всех символом русской сексуальной мощи. В США нет, наверное, ни одной книги об особенностях русской сексуальной культуры, в которой бы не упоминалось имя великого писателя, да и сами названия – вроде знаменитого бестселлера Даниэля Ранкур-Лаферьера «Толстой на кушетке. Женоненавистничество, мазохизм и “отсутствующая мать”» – говорят сами за себя. Нетривиальные взгляды писателя на сексуальную сферу по-прежнему являются предметом живых обсуждений, хотя со времени его смерти скоро минет 200 лет. Л. Н. Толстой – исключительное по яркости культурное явление. Проникая в особенности его частной жизни (а они очень подробно сохранились в его дневниках), мы ищем и постигаем типичу, выясняя скрытые, но устойчивые законы репродуктивного поведения россиян его социального слоя на рубеже XIX–XX вв. В данной статье ставится задача проследить социализацию подростка, жизнь мужчины и складывание психотипа образованного русского представителя высшего сословия, мечущегося между собственными желаниями и условностями, конвенциями, сформулированными и заданными обществом и сословием. Будем исходить из того, что маскулинность как дескриптивная (описательная) категория означает совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам в любом обществе, в данном случае – в российском, модернизирующемся социуме на рубеже XIX–XX вв. [9]. Частная жизнь выдающихся людей – нередко не самая удачная, интересная и красивая страница их судеб, однако она – важнейший материал, нужный для понимания представлений о «разрешенном» и «запрещенном», выработанных религией, социальными нормами, медициной, а также самими великими личностями прошлого по мере их личностного становления, потому и сексуальность может быть теоретизирована только в связи с историей социального порядка. «Образцовую» мужскую субъективность (которую нам являет личность Л. Н. Толстого) невозможно мыслить в отрыве от идеологии, которая конструирует нормативность этой мужской субъективности и предписывает не отклоняться от свода этих неписаных правил. Идеология – система дискурсивных концепций и категорий, с помощью которых люди понимают, оценивают, переживают сложившееся у них представление о реальных условиях своего существования. Такой подход к идеологии позволяет реконструировать доминирующие в обществе представления, поскольку идеология выводится из политического контекста и переводится в контекст массового дискурса [19].

Нормативные представления о маскулинности – или *конвенциональная маскулинность* – формируются на основе «преобладающей установки» (*dominant fiction*) [21]. Ее считают ключевым конструктом идеологической реальности (поскольку пол постоянно, имплицитно присутствует в повседневном сознании); она выступает посредником между отдельной личностью (субъектом) и социумом, поддерживая и конструируя сексуальные различия [18, с. 82].

¹ Поддержано ПФИ РАН «Историческая память и российская идентичность» и РГНФ (грант 16-01-00136).

В данной статье рассматривается его-документальный материал, связанный с личностью великого писателя, и ставится задача рассмотреть особенности самосознания, самоощущений и самореализации Л. Н. Толстого как носителя типической для того времени агрессивной маскулинности. Представления о должном и возможность нарушения или поддержания конвенциональных условностей стали для Л. Н. Толстого не столько орудием самоосвобождения, сколько личной дисциплины, которая по мере развития личности писателя укреплялась и которую ему захотелось (с годами) навязать всему обществу. Несмотря на большой нравственный авторитет писателя, современники категорически не согласились с ним. А. П. Чехов, в частности, отметил, что суждения Толстого на тему сексуальной жизни и должного в ней изобличают его «как человека, не потрудившегося прочесть хотя бы две-три книжки, написанные специалистами» [1, с. 137]. Возможно, это, действительно, так и было.

Напомним раннее детство писателя. Трагически рано, в двухлетнем возрасте, лишившись матери, Л. Н. Толстой навсегда сделал объектом боготворения в женщине материнское начало, раз и навсегда обозначив для себя, что все, что касается сексуального, – грязно, пошло, «похотно». Психологи видят в истории детской психотравмы писателя (он всю жизнь «злился» на мать из-за того, что – по словам родных и прислуги – мать ни разу не приложила его к своей груди, немедленно отдав кормилицам, да еще и «покинула» его – умерла столь рано, что он не запомнил черт ее лица) причину его косвенного гнева в отношении всех женщин. Особенное его раздражение вызывали те, кто и не помышлял о материнской самореализации. Свой яростный протест против таких «праздных» женщин он вложил в уста главного героя «Крейцеровой сонаты» Василия Позднышева, который подробно описывал чувство отвращения, охватывавшее его при мысли о коитусе с женой в период, когда она кормила грудью. Явно осуждая тех матерей, которые и не пытались в такие периоды ограничить проявления своей сексуальности (Позднышев, напомним, убил неверную супругу, «позабыв», что она – мать пятерых его детей), писатель открыто выражал враждебное отношение ко всем «бесстыдным, заведомо развратным» женщинам, которые не выказывали постоянной радости от возможности вынашивать, рожать и кормить грудью своих детей. В то же время – устами все того же Позднышева – писатель «признавал за собой несомненное, полное право над ее [жены – *Н. П.*] телом, как будто это было мое тело, и вместе с тем чувствовал, что... владеть этим телом не могу, и что она может распоряжаться им, как хочет...».

Росший без матери, без столь важных для растущего мальчика материнских прикосновений, Л. Н. Толстой испытал проявления ранней чувственности, осознанные им как «что-то не то», в весьма раннем детстве. Они оставили у него неизгладимое воспоминание, дав основание для его своеобразной, инфантилизованной, «философии секса» на всю жизнь. «Первая, самая сильная» любовь лирического героя к Сонечке Калошиной, описанная в «Детстве», имеет много общего с действительной детской историей маленького Левушки, поведенной им впоследствии, в 1903 году, в письме к П. И. Бирюкову: «Выражалось это чувство вот как: мы, в особенности я с Митенькой и девочками, садились под стулья, как можно теснее друг к другу... и говорили, что мы – «муравейные братья», и при этом испытывали особенную нежность друг к другу. Иногда эта нежность переходила в ласку гладить друг друга, прижиматься друг к другу, но это было редко, и мы сами чувствовали, что это не то, и тотчас же останавливались» [2; 3]. Этот, как сам определял его будущий писатель, «чудесный, в особенности в сравнении

с последующим, невинный, радостный, поэтический период с детства до 14 лет» – сменил второй, «ужасный 20-летний период».

Интимные переживания Толстого в дни его юности и молодости, которые он в записях января 1903 года («Воспоминания») назовет годами «грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, похоти» нашли отражение в дневниках, которые он вел с 14 до 34 лет. Период от первых подростковых влюбленностей до времени его женитьбы в 1862 г. как раз и составил 20 лет. Эти дневники и письма его «прежней, холостой жизни» 1848–1862 гг., как и вторая часть трилогии «Детство. Отрочество. Юность», позволяют в буквально смысле увидеть процесс взросления талантливого и эмоционального подростка.

Переламывая негласную традицию не писать о том, что молодой человек до женитьбы иницируется (используем слова писателя, вложенные опять-таки в уста героя «Крейцеровой сонаты») «посещением домов», «ни слова... о горничных, кухарках, чужих женах», о распутстве, «которое наполняет половину жизни наших городов и деревень», писатель признавался: «Одно сильное чувство, похожее на любовь, я испытал только, когда мне было 13 или 14 лет; но мне [не] хочется верить, чтобы это была любовь; потому что предмет была толстая горничная (правда, очень хорошенькое личико), притом же от 13 до 15 лет – время самое безалаберное для мальчика (отрочество): не знаешь, на что кинуться, и сладострастие в эту пору действует с необыкновенною силою» (29.11.1851). В другом позднем автобиографическом по характеру тексте («Записках сумасшедшего») он подчеркнул, насколько точно запомнил возраст: «Но с четырнадцати лет, с тех пор как проснулась во мне половая страсть, я отдался пороку. Как все мы, воспитанные на жирной излишней пище, изнеженные, без физического труда и со всеми возможными соблазнами для воспаления чувственности, и в среде таких же испорченных детей, мальчики моего возраста научили меня пороку. Я стал знать женщин... В одной из наших горничных я перестал видеть слугу женского полу, а стал видеть женщину, от которой могли зависеть мое спокойствие и счастье...» [17].

Именно в этом возрасте, полагал будущий писатель, «тело побеждает и наносит первую глубокую рану». Имя той горничной, как теперь известно, было Маша, Маша Брускова, и выросший сын ее впоследствии просил у Л. Н. Толстого денежного пособия, мотивируя свою просьбу тем, что он «сын той самой Маши, что изображена в «Отрочестве». Победенный страданиями пробуждающегося тела, подросток смотрел на них (как он позже записал, но, вполне вероятно, это размышления зрелого человека) как «на тяжелую повинность тела», а «не как на наслаждение», и опрометчиво пометил в скобках: «Я редко впадал в этот грех». Однако в реальности «впадение в грех» было все же нередким, если в 19 лет «тяжелая повинность тела» привела писателя прямоком в больницу, и в дневнике 1847 г. он записал: «Мелочи могут привести к серьезным последствиям. Беспорядочная жизнь, которую принимают за следствие молодости, если ничто иное как следствие раннего разврата души» [4].

Оказавшись после больницы в своем имении, он постоянно ставил перед собой задачу «не иметь ни одной женщины», но при этом оговаривался: «исключая некоторых случаев, которых не буду искать, но не буду и упускать». О каждом из них он скрупулезно записывал в дневниках, часто с подробностями – как он сам считал, «себе в наказание»: «Мучает меня сладострастие – не столько сладострастие, сколько сила привычки... Не смог удержаться, подал знак чему-то розовому, которое в отдалении казалось мне очень хорошим, и отворил сзади дверь, она

пришла... Чувство долга и отвращение говорили против, похоть и совесть говорили за. Последние одолели...» (17.04.1851).

Пытаясь оказать сопротивление пробудившейся чувственности, Толстой искал, на кого можно было бы свалить вину за нее, – и таковые объекты находил. По его записям в дневниках легко проследить, что обвинение падает на «девок» – горничных, крепостных, от расположенности которых к интимному общению с барчуком зависело выполнение или невыполнение той самой задачи «иметь» или «не иметь» интимных отношений: «О срам! Ходил стучаться под окна К. К счастью моему, она меня не пустила» (5.04.1852); «Ходил стучаться к К., но, к моему счастью, мне помешал прохожий» (11.04.1852); «Благодарю Бога за стыдливость, которую он дал мне; она спасает меня от разврата» (31.05.1852); «Девки сбили меня с толку!» (23.06.1853); «Упрекаю себя за лень и в последний раз. Ежели завтра я ничего не сделаю, я застрелюсь. Еще упрекаю за непростительную нерешительность с девками» (1.08.1854).

Мораль торжествовала лишь тогда, когда задуманное почему-то срывалось. Кроме того, любой читатель писем Л. Н. Толстого не может отрешиться от чувства, что будущий писатель постоянно лицемерил сам с собою. Не к зрелым годам, а с самой что ни на есть юности он отличался странным резонерством и морализаторством, отмеченным и некоторыми его корреспондентами (так, молоденькая соседка по имению Валерия Арсеньева, на которую поначалу родственники Льва имели некоторые виды в смысле женитьбы, прямо попрекала его в письме 12.12.1856, что он «только и умеет, что читать нотации»). Между тем, девушка, к женитьбе на которой подталкивали будущего писателя, его не слишком волновала: «Беда, что она без костей и без огня, – сетовал он, – точно лапша. А добрая, и улыбка есть – болезненно покорная».

Те самые 1850-е годы в биографии писателя оказались тесно связанными с Кавказом, куда он был направлен служить и где записал (уже как воспоминания) все приведенное выше. О том, что «удовлетворение половой потребности» оказалось у Толстого в то время внесенным в список дел наравне с литературными заданиями и практическими работами, трудно прочесть без улыбки. Молодой пассонарий даже мотивировал этот свой статус: по его словам, «насильственное воздержание мешает занятиям», а «греха мало», «ибо сами... девки мешают» (29.06.1853): «Весна сильно действует на меня. Каждая голая женская нога, кажется, принадлежит красавице» (18.04.1853).

Десятки лет спустя, он, по воспоминаниям М. Горького, как-то спросил А. П. Чехова: «Вы сильно распутничали в юности?» – и на смятенную ухмылку собеседника, «глядя в море, признался: «Я был неутомимый...» – и «произнес соленое мужицкое слово» [5, с. 20, 60]. Настаивая на необходимости утолнения телесной «жажды», 25-летний подпоручик Толстой уверенно пришел к выводу о том, что проституция – «моральна». «Распутные женщины», счел он, «наравне с повивальными бабками, няньками, экономками», вполне могут носить «почетное звание тех, кто обеспечивает добродетель у домашнего очага». «Этот класс женщин необходим для семьи при теперешних усложненных формах жизни» – подтвердил он позже, 19 марта 1870 г. в одном из частных писем [13].

Так или иначе, но из осажденного Севастополя (началась Крымская война) молодой писатель уехал в ноябре 1855, полный чувственных вожделений: «Это уже не темперамент, а привычка разврата. Похоть ужасная, доходящая до физической болезни» (21.04.1856). Светская жизнь конца 1850-х увлекла его, он искал новых

ощущений – но уже в «своем» кругу, поэтому в списке его увлечений оказались Е. Ф. Тютчева («холодна, мелка, аристократична; привыкла печь моральные конфетки, а я вожусь с землей, с навозом»), П. С. Щербатова, А. Н. Чичерина, Е. И. Менгден, Е. В. и А. В. Львова (о последней он записал: «Поднялось, но не с такой силой») – но ни в ком не находил идеала: «Что это ради Бога? Что я за урод такой? Видно, у меня не достает чего-то?» – спрашивал он сам себя, но ответа не находил. В сугубо мужских компаниях он предпочитал поминать женщин грубой бранью (правда, собеседники из образованного сословия считали, говоря словами все того же М. Горького, что «слова, исходя из мохнатых уст его, звучали просто, обыкновенно, теряя где-то свою солдатскую грубость и грязь»). При этом любое упоминание о *женском вопросе*, живо обсуждавшемся тогда в печати всей мыслящей столичной интеллигенцией, вызывало у него раздражение. В 1856 году на собрании петербургских литераторов писатель с негодованием отозвался о Жорж Санд, заявив, что ее блудных душою героинь следовало бы привязать к телеге и с позором провести по улицам Петербурга [16].

«Жениться надо, жениться в нынешнем году или никогда», – поставил он диагноз своей меланхолии, записав это в дневнике от 1 января 1859. Но лишь в августе 1862 ему случилось быть приглашенным на званый обед в семью Берс, в которой он заметил одну из юных сестер – Софью, чье детское прозвище Фуфёла неожиданно показалось ему милым («Что ежели это желание любви, а не любовь? Ребенок! Похоже...») – размышлял он 23.08.1862). Но сомнения были не в его характере. Решение 34-летний писатель принял по-военному быстро. Не прошло и месяца с той встречи, как 16 сентября он сделал предложение 18-летней Софье Андреевне Берс. 23 сентября 1862 г. сыграли свадьбу. С Софьей Андреевной (в замужестве Толстой) ему оказалось суждено прожить почти полвека – до 1909 года, 48 лет. Из этих 48 лет, по дневниковым признаниям писателя, «не изменяя», тридцать три последних года он мечтал от нее сбежать, но реализовал свою мечту лишь перед самой смертью, в возрасте 82 лет, покинув ночью дом и уйдя на станцию Астапово.

О начале своей жизни после свадьбы Л. Н. Толстой писал, что в сентябре 1862 года начался «18-летний период от женитьбы до моего духовного рождения можно бы назвать нравственным... Все эти 18 лет я жил нравственной, честной семейной жизнью, не предаваясь никаким осуждаемым общественным мнением порокам...». Л. Н. Толстой, имевший к своим 34 годам не слишком длинный «донжуанский список», похоже, так и не смог познать радость взаимного влечения, не потому ли он был склонен считать первый – медовый – месяц «самым тяжелым и унижительным временем жизни» с женой. Вполне в соответствии с воспитательными установками той эпохи, он был уверен, что в это время его мужская страсть не зажигала, а лишь оскверняла душу и тело невинного создания. Весьма странное для опытного мужчины восприятие полового акта как «убийства» женщины («Чувственность и убийство. Да, сударь!») – именно так рассуждает один из его героев) нашло отображение в словах и поступках многих литературных персонажей, созданных писателем. Среди них, например, образ Пьера Безухова, у которого мысль о сексе с Элен вызывала чувство вины. Другой и самый выразительный пример – герой «Крейцеровой сонаты» Василий Позднышев, который считал орган своего интимного возбуждения орудием разрушения, которое «корезит изнутри женское тело».

Подобный строй мыслей не мог не оставить следа на характере отношений между Л. Н. и С. А. Толстыми. При отсутствии материнской ласки в детстве, искаженном

религиозными установками воспитания, отсутствии счастливого сексуального «старта» в юности писатель был не лучшим советником для молоденькой жены. И при таком отношении к сексуальности со стороны более опытного брачного партнера, которым был Л. Н. Толстой, трудно было ожидать, что Софье в начальный период их супружества что-то будет в радость. Неудивительно, что она беспрестанно обвиняла мужа в развращенности.

Л. Н. Толстой, как и его лирический двойник из романа «Анна Каренина» Константин Левин, отдавший – «не без внутренней борьбы» – своей жене Кити дневник с записями о прежней, холостяцкой жизни, поступил аналогичным образом с женой, Софьей Андреевной. Дневник познакомил ее со всеми интимными подробностями встреч мужа с прежними юными особами. Это заставило ревновать ее к прошлому мужа, к тому, что он до встречи с нею любил, чем увлекался, чему переживал – и все это отнюдь не в мечтах (как она), не в воображении, а увлекался всерьез «женщинами – живыми, хорошенькими, с чертами лиц, которыми он любовался» (дневник был начат Софьей Андреевной на 16-й день после свадьбы, запись 18.10.1862). Как раз в это время, через месяц после свадьбы, она первый раз забеременела, так и не узнав радости от физической близости с мужем. «Так противны все физические проявления!» – записала С. А. в дневнике 09.10.1862, и полгода спустя вторила: «Лева все больше от меня отвлекается. У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно; у меня – никакой, напротив» (29.04.1863).

О том, что чувственная сторона жизни продолжала в то время играть огромную роль в жизни великого писателя, говорят не только брезгливые ремарки его молодой жены, но и воспоминания его близких. Его сын Алексей, выпустивший в 1924 г. воспоминания («Правда о моем отце») записал: «Он не был свободен от этой, самой ужасной из страстей, ни в юности, ни позже, во время своей семейной жизни» [11].

Что касается Софьи Андреевны, то она как раз была «свободна» от этой «самой ужасной из страстей» в силу нескончаемых беременностей и родов. Сергей (1863), Татьяна (1864), Илья (1866), Мария (1871), далее последовали умершие в младенчестве Петр (1872) и Николай (1875) – и всем им нужно было дарить время, силы.

К началу 1870-х гг. писатель стал все чаще ощущать угнетенное состояние, разочарование. Мучительные сомнения, «правильно» ли он живет, заставляли искать обоснования чувственности близости, которые всегда должны были, с его точки зрения, представлять лишь как средство (рождение детей) и никогда как самоцель. Эти воззрения на сексуальность, сильно замешанные на православной этической концепции, лишили его жену радостей интимной жизни и подарили ей лишь вечные муки постоянного вынашивания детей, страхов перед родами, а также заботы о здоровье рожденных ею. Между тем Л. Н. Толстой не забывал приговаривать: «Рад, что ты беременна, это – по-божески. А то мне что-то было неприятно...» (1871) [10].

Он чувствовал свое одиночество в семье, впервые записал это ощущение в 1876 г., затем пытался все чаще размышлять о том, как «найти жену в ней же», но супруги все более душевно и телесно отдалялись друг от друга. Пережив период частых родов и просто повзрослев, к своим 30-ти с лишним годам Софья Андреевна была готова наконец по-женски расцвести – но муж, приближавшийся к 50-летнему рубежу, уже миновал возраст неумных телесных радостей и искал обоснование успокоению и удовлетворению тихим семейным счастьем. Но его – где бы ни жила семья, в Москве ли, в яснополянском имении, – как раз не было!

Семейный разлад стал очевидным и непреодолимым после 1880 года. Он совпал с активными религиозными исканиями писателя. «Сожитие с чужой по духу женщиной, т. е. с ней, – ужасно гадко», – выразил писатель в дневнике свои чувства к Софье Андреевне 19.07.1884 г., продолжая в то же время замечать в себе и «похоть мерзкую», и «сладострастный соблазн», которые желал подавить. Он искал и не мог найти того «лучшего», что могло бы быть признанным совершенно и абсолютно нравственным: «Эка, скверно! Сделай себе потеху даже с женой – и ей, и себе скверно. Оскопись, как Ориген, – скверно. Мучься всю жизнь воздержанием и похотливостью, – скверно. Все скверно и все страдания...» (24.07.1885).

Размышления писателя совпали по времени с бурными общественными дискуссиями о «половом вопросе» [15]. Свой ответ на него он дал своими известнейшими произведениями, созданными в это время: «Дьяволом», «Отцом Сергием» и «Воскресением» и особенно – «Крейцеровой сонатой». Эта повесть Л. Н. Толстого в течение двух лет, пока решался вопрос о том, допустить ли ее к печати, читалась и толковалась сначала на вечерах в частных домах, а впоследствии, после издания в 1891 г., на страницах газет и журналов, да и в его собственной семье. Осуждая сексуальные отношения, писатель пытался доказать, что они (это кажется очень созвучным современным феминисткам, поэтому они часто и с удовольствием трактуют толстовские тексты) сводятся к борьбе за власть, к стремлению подчинить себе волю другого [14]. Именно поэтому брак, с точки зрения Л. Н. Толстого, не богоугоден, заключение брачных уз – всегда «падение», проявление «животного»: «Из страстей самая сильная злая и упорная – половая, плотская любовь» («Крейцера соната», 1889, гл. XI).

Близился момент признания писателем «прекрасности» одного только полового воздержания и сознательного отказа от чувственных наслаждений: близость между супругами в идеале, сформулированном к тому времени писателем, он призвал заменить нежными отношениями «брата» и «сестры»: «Предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь есть ведь нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить, и вспоминать мерзко и стыдно. Духовное сродство! Единство идеалов! В таком случае, незачем спать вместе (простите за грубость)...» («Крейцера соната», 1889, гл. II).

Писатель все чаще приходил к мысли о том, что достаточно освободить любовь от секса – и проблема будет решена. В пассаже, который Толстой вычеркнул из третьего наброска «Крейцеровой сонаты», Василий Позднышев говорил: «Такая любовь, эгоистическая и чувственная, это не любовь, а злоба, ненависть!». Так считал и сам писатель: стоит возвышенной влюбленности хотя бы немного окраситься в чувственные тона – и любовь становится своей противоположностью, ненавистью. В своем июньском дневнике 1884 г. писатель впервые пришел к выводу о необходимости прекращения супружеских отношений с Софьей Андреевной (отметим, однако, что ему было в тот момент около 60 лет), но и в 1889 г. (когда как раз была закончена «Крейцера соната») они все еще, по крайней мере время от времени, продолжались, писатель мучался размышлениями: «Что как родится ребенок? Как будет стыдно, особенно перед детьми. Они *сочтут*, когда было... Стыдно, грустно...» (06.08.1889).

Наложив на себя моральный запрет, уже немолодой, но по-прежнему полный жизненных (в том числе и сексуальных) сил писатель пришел к 1890 г. к необходимости

семейного раздела. Весьма эгоистично пытаюсь выстроить для себя идеальную модель будущей жизни отдельно от жены, он настаивал на немедленном разделе имущества и освобождении от обязательств перед семьей: «Хочется подвига. Хочется остаток жизни отдать на служение Богу...» (22.12.1893); «Навсегда избавиться от этого бегания по крышам и мяукания...» (22.05.1897); «Как индусы под 60 уходят в лес, всякому старому религиозному человеку хочется последние годы своей жизни посвятить Богу» (1897).

В отличие от мужа, Софья Андреевна Толстая никаких подвигов самоотречения не желала, поскольку ее долголетняя жизнь с таким человеком уже была подвигом [12]. Постепенно она стала в имении полновластной хозяйкой, контролировавшей все, вплоть до часов работы мужа. Он жаловался, что не мог закрывать дверь в кабинет, чтобы сосредоточиться, – жене хотелось видеть, чем он занимается. Жаловался в письмах, но не протестовал, соглашался с этим образом жизни, поскольку считал его – с точки зрения именно половой морали – нравственным. Любила ли Софья Андреевна мужа? Многие, говорящие да, доказывают это, в том числе, тем, что она не могла заснуть, не прочтя все, написанное великим писателем за день. Утверждающие нет считают (на основании дневников писателя и его жены – скорее бывших средством их общения друг с другом, чем сокровищами интимно-личных переживаний), что она каждодневно унижала мужа, сопровождая это истериками и даже имитацией самоубийства.

И все же не стоит забывать: при отсутствии, как выражался Л. Н. Толстой, «внешнего согласия в верованиях», супруги продолжали жить вместе – и как раз по настоянию Софьи Андреевны – практически до самой смерти писателя. М. Горький в воспоминаниях привел свой разговор с писателем, в котором Л. Н. Толстой выразился с женщиной прямолинейностью: «Не та баба опасна, которая держит за ..., а которая – за душу!» [7]. Похоже, что избранная им в жены 18-летняя девочка принадлежала именно ко второму типу.

Когда в 1908 году Л. Н. Толстой услышал стихотворение Ф. И. Тютчева «Последняя любовь», то не одобрил его («В нем самое низменное чувство представляется возвышенным»). «Вот! – заметила, по словам Н. А. Стаховича, Софья Андреевна. – Я всегда говорила, что он любви не понимает и никого никогда не любил. Каково же мне было прожить с ним 46 лет. Самое лучшее в жизни есть любовь, не будь любви, я бы давно повесилась с тоски. Ничего нет дурного, а дурно то, когда возвеличивают» [6, с. 90]. Кроме одиночества и ответственности за семью и детей в своем настоящем, Софье как жене писателя пришлось пережить страшный суд истории. На том суде многие так и не простили ей страданий мужа, не поняли, что она выстрадала многими годами жизни рядом с этой нарциссической личностью, полной «любви-вражды» к самому себе и психологических комплексов на сексуальной почве. Писатель скончался в 1910 году в возрасте 82 лет. Софья Андреевна пережила супруга на девять лет. Именно благодаря ей сохранились многие вещи из дома, которые теперь можно видеть в доме-музее писателя в Хамовниках, а также дневники, на основании которых написана эта статья.

Список использованных источников

1. А. П. Чехов – А. А. Плещееву 15 февраля 1890 г. Цит. по: Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 2005.

2. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого, 3 изд. Т. I–IV, Гос. изд., М. – П., 1922–1923. Т. 1. Ч. 1. URL: www.levtolstoy.org.ru/lib/sb/book/1896/page/50 (дата обращения: 1.10.2015).
3. Бирюков П. И. Лев Николаевич Толстой. (Биография). М.: Посредник, 1906–1908. Т. I–II.
4. Велигжанина А. Всю жизнь Лев Толстой боролся с похотью // Комсомольская правда. 6.04.2006.
5. Горький М. Воспоминания о Льве Николаевича Толстом. Берлин: Изд-во И. П. Ладъжникова, 1921.
6. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. 2-е изд. М., 1973.
7. Искандер Ф. Эссе и публицистика. Размышления писателя. URL: http://lib.ru/FISKANDER/isk_publ.txt (дата обращения: 12.09.2014).
8. Кон И. С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009.
9. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
10. Мицюк Н. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21–33.
11. Мицюк Н. А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. Вып. 14. № 2. С. 49–68.
12. Мицюк Н. А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–29.
13. Новый сборник писем Л. Н. Толстого / собр. П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского. М., 1912.
14. Пушкарева Н. Л. «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. М.: Ладомир, 2004. Вып. 2. Кн. 2.
15. Пушкарева Н. Л. Экштут С. А. “Cherchez la femme!” (Дневники А. Н. Вульфа как источник по истории русской эротической культуры начала XIX в.) // А се грехи злые, смертные... Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва. М., 1999. С. 681–711.
16. Ранкур-Лаферьер Д. Крейцера соната. «Клейнианский анализ толстовского неприятия секса»: доклад на пленарном заседании // Психоанализ, литература, искусство: 15-я международная конференция. Санкт-Петербург, 4 июня 1998-го года. URL: http://www.symboldrama.ru/lyb/Statyi/Rankur-Laferer_Kreyc_sonata.htm (дата обращения: 17.09.2014).
17. Толстой Л. Н. Записки сумасшедшего (1887). URL: <http://www.sky.od.ua/~serg2004/40.html> (дата обращения: 19.05.2014).
18. Трубина Е. Г. «В форме себя держать!»: Социальные симптомы и экзистенциальные тупики мужской биографии // Ушакин С. А. О муже(N)ственности. М., 2002.
19. Althusser L. Ideology interpellates individuals as subjects // Identity: A Reader / Ed. P. du Gay at al. London, 2000. P. 31–38.
20. Rancour-Laferriere Daniel. Tolstoy on the Couch: Misogyny, Masohism and the Absent Mother. N. Y. New York University press, 1998.
21. Silverman K. Male Subjectivity at the Margins. London, 1992. P. 16.

Поступила 11.06.2016; принята к публикации 12.07.2016

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, Россия, г. Москва, pushkarev@mail.ru

**MALE SEXUALITY AND CONVENTIONAL MASCULINITY
IN RUSSIAN ARISTOCRATIC CULTURE AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES
(ON THE EXAMPLE OF L. N. TOLSTOY’S BIOGRAPHY)**

N. N. Pushkarjova

The article deals with the phenomenon of the writer L. N. Tolstoy as a “symbol of Russian sexual power.” In the US historiography devoted to Russian sexual culture, references to the example of L. Tolstoy are the most typical. Private intimate life of a writer is considered based on his diaries, works of art and contemporary estimates. This reconstruction is a unique material for an understanding of the moral, ethical and other social norms in shaping masculinity in the Russian noble culture at the turn of XIX–XX centuries. Sexuality of Tolstoy is theorized in relation to social history. The identity of the writer is seen as a model male subjectivity. Under conventional masculinity in the article there are mentioned normative ideas about masculinity prevailing in the society and the consciousness of the individual. On the basis of ego-documents preserved in the heritage of the writer, his image is formed as a carrier of aggressive masculinity which was typical for that time. Because of children's psychological trauma in children during Tolstoy's life, he had the idea of worshipping maternal start in a woman and aversion to sex in the woman-mother. Later these ideas were reflected in his literary works, especially in the “Kreutzer Sonata”. Responsibility for the early sexual experiences and sexual promiscuity in his youth the writer brings to women. By the way his opinion on the morality of the Institute of prostitution is known. The complexities of family life of the writer with S. A. Bers, including sexual, are rooted in the absence of a happy start and sexual promiscuity in his youth. Family discord in the late 1880s coincided with the religious quest of the writer and heated debate in Russian society on sexual matters. His attitude to this discussion Tolstoy expressed in the “Kreutzer Sonata” (1891). And in his personal life already in 1890, the writer came to the need for separate life with his wife, devoting himself to the service of God. After the writer's death in 1910, his widow has maintained all of his heritage, including personal diaries, which revealed his intimate, including sexual side of life.

Keywords: conventional masculinity, male sexuality, L. N. Tolstoy, L. N. Tolstoy’s biography, russian aristocratic culture.

Citation for an article: Pushkarjova N. L. Male sexuality and conventional masculinity in Russian aristocratic culture at the turn of XIX–XX centuries (on the example of L. N. Tolstoy’s biography). *West – East*. 2016, no. 9, pp. 126–137.

References

1. A. P. Chehov – A. A. Pleshheevu 15 fevralja 1890 g. Cit. po: Kon I. S. Seksual'naja kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke [Sexual culture in Russia. Strawberry on the birch]. Moscow, 2005. (In Russ.)
2. Birjukov P. I. Biografija L. N. Tolstogo [Biography of L. N. Tolstoy.], 3 izd. T. I–IV, Gos. izd., M. – P., 1922–1923, t. 1, ch. 1. URL: www.levtolstoy.org.ru/lib/sb/book/1896/page/50 (accessed 1.10.2015). (In Russ.)
3. Birjukov P. I. Lev Nikolaevich Tolstoj. (Biografija) [Leo Nikolaevich Tolstoy. (Biography)]. Moscow: Posrednik, 1906–1908, t. I–II. (In Russ.).
4. Veligzhanina A. Vsju zhizn' Lev Tolstoj borolsja s pohot'ju [All his life LeoTolstoy struggled with lust]. *Komsomol'skaja Pravda*. 6.04.2006. (In Russ.)
5. Gor'kij M. Vospominanija o L've Nikolaevicha Tolstom [Memories about Leo Nikolaevich Tolstoy]. Berlin: Izd-vo I. P. Ladyzhnikova, 1921. (In Russ.)
6. Gusev N. N. Dva goda s L. N. Tolstym [Two years with L. N. Tolstoy]. 2-e izd., Moscow, 1973. (In Russ.)
7. Iskander F. Jesse i publicistika. Razmyshlenija pisatelja [Essays and journalism. Reflections of writer]. URL: http://lib.ru/FISKANDER/isk_publ.txt (accessed 12.09.2014). (In Russ.)
8. Kon I. S. Mal'chik – otec muzhchiny [A boy is a father of a man]. Moscow: Vremja, 2009. (In Russ.)

9. Kon I. S. Muzhchina v menjajushhemsja mire [A boy in a changing world]. Moscow: Vremja, 2009. (In Russ.)
10. Micjuk N. Konstruiruju «ideal'nuju mat'»: koncepcii materinstva v rossijskom obshhestve nachala XX veka [Constructing an “ideal mother”: the concept of motherhood in Russian society in the beginning of XX century]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* = Journal of Social Policy Studies, 2015, no. 1, pp. 21–33. (In Russ.)
11. Micjuk N. A. Sredstva kontracepcii v povsednevnoj zhizni dvorjanok na rubezhe XIX–XX vekov [Contraceptive means in everyday life of noblewomen at the turn of XIX–XX centuries]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* = Vestnik of the Tver State University, series: History. 2014, vyp. 14, no. 2, pp. 49–68. (In Russ.)
12. Micjuk N. A. Tipy rossijskikh dvorjanok nachala XX veka po otnosheniju k sobstvennoj fertilit'nosti i materinstvu [Types of Russian noblewomen beginning of XX century in relation to their own fertility and maternity]. *Zhenshhiny v rossijskom obshhestve* = Women in the Russian society, 2014, no. 2, pp. 17–29. (In Russ.)
13. Novyj sbornik pisem L. N. Tolstogo [A new collection of letters of Tolstoy]. Sobr. P. A. Sergeenko, pod red. A. E. Gruzinskogo, Moscow, 1912. (In Russ.)
14. Pushkareva N. L. «A se grehi zlye, smertnye». Russkaja semejnaja i seksual'naja kul'tura glazami istorikov, jet-nografov, literatorov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX – nachala XX veka [“And these sins are evil, death.” Russian family and sexual culture through the eyes of historians, ethnographers, writers, folklorists, jurists and theologians XIX – early XX century]: v 3 kn. Moscow: Ladimir, 2004, vyp. 2, kn. 2. (In Russ.)
15. Pushkareva N. L. Jekshtut S. A. “Cherchez la femme!” (Dnevnik A. N. Vul'fa kak istochnik po istorii russskoj jeroticheskoj kul'tury nachala XIX v.) [“Cherchez la femme!” (Diaries A. N. Wulf as a source on the history of Russian erotic culture of the beginning of XIX century)]. *A se grehi zlye, smertnye... Ljubov', jerotika i seksual'naja jetika v doindustrial'noj Rossii (X – pervaja polovina XIX v.)*. = And these sins are evil, death... Love, eroticism and sexual ethics in the pre-industrial Russia (X – the first half of XIX century), otv. red. N. L. Pushkarjova. Moscow, 1999, pp. 681–71. (In Russ.)
16. Rankur-Lafer'er D. Krejcerova sonata. «Klejnianskij analiz tolstovskogo neprijatija seksa»: doklad na plenarnom zasedanii [Rancourt-Laferer D. Kreutzer Sonata. “Kleinian analysis of Tolstoy's rejection of sex”: a report at the plenary session]. *Psihoanaliz, literatura, iskusstvo: 15-ja mezhdunarodnaja konferencija* = Psychoanalysis, literature, art: 15th International Conference. Sankt-Peterburg, 4 ijunja 1998-go goda, URL: http://www.symboldrama.ru/lyb/Statyi/Rankur-Laferer_Kreyc_sonata.htm (accessed 17.09.2014). (In Russ.)
17. Tolstoj L. N. Zapiski sumasshedshego (1887) [Notes of a mad man 18. (1887)]. URL: <http://www.sky.od.ua/~serg2004/40.html> (accessed 19.05.2014). (In Russ.)
18. Trubina E. G. «V forme sebja derzhat'!»: Social'nye simptomny i jekzistencial'nye tupiki muzhskoj biografii [“Keep in shape”: Social symptoms and existential impasses male biography]. Ushakin S. A. *O muzhe(N)stvennosti* = About masculinity, Moscow, 2002. (In Russ.)
19. Althusser L. Ideology interpellates individuals as subjects. *Identity: A Reader*. Ed. P. du Gay at al. London, 2000, pp. 31–38.
20. Rancour-Laferriere Daniel. Tolstoy on the Couch: Misogyny, Masohism and the Absent Mother. N. Y. New York University press, 1998.
21. Silverman K. Male Subjectivity at the Margins. London, 1992, p. 16.

Submitted 11.06.2016; revised 12.07.2016

Pushkarjova Natal'ja L., Doctor of History, Full Professor, the Head of the Center of Ethnic and Gender Research, Institute Ethnic and Gender Research, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, pushkarev@mail.ru

УДК 94(47).031.(620)»640/1517»

**ЕГИПЕТСКАЯ СУДЬБА
ТАТАРСКОЙ ЦАРЕВНЫ ТУЛУНБАЙ**

А. Г. Бахтин

Освещается практика династических браков в Монгольской империи в XIII–XIV вв. Элита предпочитала вступать в браки внутри монгольского мира. Представители полусамостоятельных улусов часто обменивались невестами. Они пытались поддерживать практику традиционных брачных контактов прежних времен и сохранять монгольское единство. Из Юаньского Китая в Хулагуидский Иран была послана царевна Кокечи. Имели распространение брачные контакты и с аристократией подчиненных земледельческих народов. Существовали многочисленные браки монголо-татарских царевен и княжон с русскими князьями. Наряду с этим происходили браки с иноземными государями и принцессами. Чаще это были брачные союзы с правителями соседних земель, что диктовалось политическими интересами, необходимостью обезопасить свои владения от вторжений и заручиться сильным покровителем и союзником. Однако случались таковые и между представителями отдаленных стран. Центральной темой является история сватовства и женитьбы египетского мамлюкского султана аль-Мелик ан-Насыра на царевне Тулунбай из Золотой Орды. Определяется генеалогия невесты, степень родства по отношению к хану Узбеку. Брак преследовал цель укрепления союза Золотой Орды и Египта против Хулагуидского Ирана. Подробно обсуждалась с послами внешняя церемониальная сторона брака, размер калыма. Тем не менее затраченные дипломатами усилия и материальные издержки хотя и увенчались положительным результатом, но имели ничтожные последствия для сторон. К моменту свадьбы слабеющий Иран уже не представлял прежней угрозы для Египта, одновременно продолжалось соперничество с Золотой Ордой за Азербайджан. Заинтересованность в союзе со стороны Египта быстро снизилась. Политические интриги определили непростую судьбу царевны Тулунбай. Сразу же после пышных свадебных торжеств она попала в опалу и была удалена из дворца, потом последовал скандальный развод. Рассматриваются обстоятельства развода и сведения о трех последующих браках царевны, дипломатическая переписка по этому поводу и время ее кончины.

Ключевые слова: Мамлюкский Египет, Хулагуидский Иран, Золотая Орда, дипломатия, династические браки, выкуп, хан Узбек, султан аль-Мелик ан-Насыр, царевна Тулунбай.

Для цитирования: Бахтин А. Г. Египетская судьба татарской царевны Тулунбай // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 138–154.

В монголо-татарских государствах XIII–XIV вв. практиковались династические браки, которые преследовали цель установления и укрепления союзнических и дружеских отношений. Преобладали браки между знатью внутри самой Монгольской империи, ее отдельными полусамостоятельными улусами. Во многом они диктовались попытками поддержания прежних традиционных брачных контактов, когда монгольский мир не был еще таким обширным.

У ильхана Аргуна б. Абаги, правителя Ирана, любимой женой была Булуган-хатун, которая умерла 20 апреля 1286 года. Чтобы как-то утешиться от утраты, он отправил посольство к каану Хубилаю с просьбой прислать ему в жены девушку из того же племени, что и его умершая любимая жена. Великий каан выполнил просьбу и направил правителю Ирана даже двух девушек. Одна была семнадцатилетней монголкой по имени Кокечи-хатун, как и просил ильхан, другая, безымянная китайка, происходила из правящей династии Сун недавно завоеванного монголами южнокитайского государства Мандзи. Как раз этих принцесс в 1292 г. поручено было сопроводить из Китая в Иран неизвестному Марко Поло¹. Когда невесты прибыли к месту назначения, жених уже скончался, и Кокечи стала женой унаследовавшего престол его сына Гасана, китайку выдали за кого-то другого [28, с. 200–201; 38, с. 18, 143, 154].

Имелись брачные связи, несмотря на частые военные действия между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что между эмиром Ногаем и Абага-ханом существовала искренняя дружба, и он даже посылал свою жену Чапай (Чаби) и сына Тури высватывать двух дочерей хана. Абага выдал за Тури только одну дочь. Пробыв некоторое время в Иране, супруги вернулись в Золотую Орду [37, с. 86].

В 731 г. х. (1330/31) сын золотоордынского хана Узбека Тинибек женился на Ануширван-хатун, дочери эмира шейха Али б. Хусейна из Ирана. Ее отправили в Золотую Орду с сопровождением и приданым [11, с. 75].

Монголы вступали в браки также с представителями элиты подчиненных земледельческих народов. По сообщению армянского монаха Магакии, Бату-хан выдал за аспарапета Смбата знатную татарку. «У них было такое обыкновение: если они хотели кому-нибудь оказать высший почет и дружбу, то выдавали за него одну из почетных жен своих» – писал он [26, с. 18]. В 1297 году армянский царь Смбат Орбелян женился на знатной монгольской женщине у Гасан-хана [2, с. 79–80, 130]. Туда же следует отнести и браки русских князей на знатных татарках, которых было много. Ростовско-белоозерский князь Глеб Васильевич в 1257 г. женился на дочери царевича Сартака, внучке хана Батыя, получившей в крещении имя Феодора [45, с. 20]. В Орде же «у Кутлукорты» женился его племянник Константин Борисович Ростовский, «у Велбасмышы» женился другой ростовский князь, Федор Михайлович [29, с. 115]. Смоленский и ярославский князь Фёдор Ростиславович Чёрный в 1270-е гг. женился на дочери хана Менгу-Тимура, получившей в крещении имя Анна [5, с. 1263–1265; 31, с. 392–394; 33, с. 79–80]. В 1305 году суздальско-нижегородский князь Михаил Андреевич женился в Орде на татарской княжне [32, с. 237, 322]. В 1317 году московский князь Юрий Данилович женился на сестре хана Узбека Кончаке, в крещении Агафье.

Особое место занимали браки с аристократией иностранных государств. Среди них преобладали брачные контакты с ближайшими соседями, находящимися в сфере политических интересов той же Золотой Орды. Единичны случаи браков между отдаленными и независимыми друг от друга странами.

Родственница царевича Джеки б. Ногай на рубеже XIII–XIV вв. вышла замуж за правителя Валахии [19, с. 64; 24, с. 79]. Брак был явно политический, так как Ногай

¹ Китайскую принцессу, видимо, послали иранскому правителю в довесок, учитывая ее знатное происхождение и красоту, которую отметил Марко Поло.

доминировал в западных улусах Орды, с которым нужно было считаться окрестным государям. Сам Джека женился на дочери болгарского царя Георгия I Тертера Елене [43, с. 99, прим. 4]. Из тех же соображений с самим Ногаем породнился византийский император Михаил VIII Палеолог (1259–1282). В третьей книге своей «Истории» византийский историк Георгий Пахимер, имея в виду татар, писал: «Между тем тохарцев¹ мы еще удерживали – не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованиями, – вступали с ними в родственные связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие. Такой был второй по времени союз, заключенный с западными тохарцами, которые вышли неизвестно откуда и с огромными силами занимали северные страны под начальством своего вождя Ногая. Царь выдал за него вторую свою незаконную дочь, по имени Евфросиния; от чего и случилось, что дружелюбно получили они то, чем едва ли овладели средством самой трудной войны». Историк отмечает, что этим браком удалось достигнуть нормализации в отношениях Византии с Золотой Ордой и заручиться союзом против болгарского царя Константина Тиха Асеня (1257–1277). После брака на византийской принцессе «Ногай тотчас привел с собою тохарцев и присоединился с ними к царскому войску» [6, с. 225–226]. Это указание позволяет предположить, что женитьба Ногая на Евфросинии состоялась в 1272/73 г., так как нападения Ногая на Болгарию начались с 1273 года [3, с. 154]. Свою первую внебрачную дочь Марию византийский император еще раньше, до 1269 г., выдал за иранского хана Абагу [43, с. 188, прим. 2], заручившись таким образом родственными связями с монголами как на востоке, так и на севере.

Самой известной иностранной женой золотоордынских ханов стала византийская принцесса Баялунь, дочь императора Андроника II (1282–1328). О ней есть несколько рассказов в восточных сочинениях, подробнее у Ибн Баттуты [20, с. 125–149].

Наиболее полно в источниках освещен брак золотоордынской царевны Тулунбай (Тулунбия, Дулунбия) во времена хана Узбека с египетским султаном аль-Мелик ан-Насыром Мухаммедом б. Калавуном.

Существуют неясности относительно того, в какой степени родства она находилась к Узбеку, почему так неожиданно сложилась ее семейная жизнь и противоречивы сведения о дате смерти, политическое значение брака для межгосударственных отношений.

Основной целью золотоордынско-египетских контактов было заключение союза против Хулагуидского Ирана. В 1256–1258 гг. Хулагу (1256–1265) завершил завоевание Ирана и Ирака, взял Багдад и казнил халифа ал-Мустасима. Закавказье и Малая Азия были еще при жизни распределены Чингисханом сыну Джучи, но захватил эти земли Хулагу. Из-за спорных территорий между Золотой Ордой и Ираном возникло соперничество. Дополнительной причиной недовольства принявшего ислам золотоордынского хана Берке (1256–1266) стало то, что язычник-шаманист Хулагу захватил центр ислама Багдад и умертвил халифа. Уже при Берке начались кровопролитные войны, которые с переменным успехом продолжались все время существования Хулагуидского Ирана и даже позднее.

Другим важным направлением внешней политики Ирана являлась Палестина и Сирия. Эти территории находились под властью или в сфере влияния мамлюкского

¹ Георгий Пахимер отождествлял татар с древними тохарами.

Египта, ставшего после падения Багдада центром мусульманского мира. Туда неоднократно направлялись монгольские войска. Однако новые попытки завоеваний оказались для монголов неудачными. Они потерпели сокрушительные поражения от мамлюков в 1260 г. при Айн-Джалуте, в 1277 г. при Альбистане, в 1303 г. при Мардж ас-Суффаре. Тем не менее вплоть до второго десятилетия XIV в. ильханы не оставляли намерений завоевать Сирию, Палестину и даже сам Египет. В условиях противостояния с Ираном Золотая Орда и Египет становились естественными союзниками и между ними происходили регулярные дипломатические контакты. Стороны искали способы сближения и строили планы по противодействию общему противнику [30, с. 232–237]. Эффективным средством для скрепления союзных отношений в то время служили династические браки. В отношениях между Сараем и Каиром таковой тоже имел место.

Существует ошибочное мнение о том, что впервые династический брак между Золотой Ордой и Египтом состоялся еще при хане Берке, когда он выдал свою дочь за султана Рукн ад-Дина Бейбарса (полное имя – аль-Малик аз-Захир Рукн ад-дунийа ва-д-Дин Бейбарс аль-Бундукдари ас-Салих). От этого брака будто бы родился наследник Саид-хан Мухаммад Наср ад-Дин Берке-хан, названный так в честь деда по матери [27, с. 549]. Однако египетские средневековые историки Ибн Тагриберди, Ибн-Ийас и Ибн-Шаддад указывают, что отцом матери Саида был Хусам ад-Дин Берке-хан ибн Даулет-хан аль-Хорезми, а также то, что Саид родился в начале 1260 г. еще до налаживания дипломатических контактов с Золотой Ордой и даже восшествия Бейбарса на египетский престол [4].

При своем воцарении в 1313 г. Узбек опирался на ордынскую знать. Существенную помощь в утверждении на престоле ему оказал беклярибек эмир Кутлук-Темир. Укрепление государства и власти он видел в принятии страной ислама и в сближении с мусульманскими государствами. Узбек провел церковную реформу и расправился с теми из знати, кто не пожелал сменить традиционную языческую веру на ислам. Следующим шагом, по мнению Кутлук-Темира, должен был стать политический союз между ханским домом и султаном Египта, в то время самым авторитетным мусульманским правителем. Политический союз следовало закрепить брачным. Беклярибек предполагал обменяться невестами, однако по каким-то причинам эти намерения не получили огласки и оставались тайной для золотоордынской знати. Более того, Кутлук-Темир планировал, что инициатором сватовства должен был выступить египетский султан. Это можно объяснить желанием поднять авторитет взойшедшего на трон хана и укрепить новую религию. Сватовство именитого мусульманского правителя могло поставить золотоордынского хана в особое положение среди монархов в исламском мире.

В 1314/15 г. в Египет возвратилось султанское посольство. Вместе с ним приехал ханский посол Мангуш. Он привез письмо от Кутлук-Темира, в котором тот «предлагал султану взаимный союз и сватовство на дочери Бурлюка, брата Токтая» [15, с. 224–225; 13. с. 174].

Это предложение заинтересовало аль-Мелик ан-Насыра. Султан направил в Золотую Орду посольство, одной из целей которого стало сватовство на татарской царевне. Послы привезли дорогие подарки хану, будущей невесте и знати. И, казалось, все должно было сложиться легко и быстро. Но тут начались непредвиденные трудности, которые можно объяснить разве что политическими амбициями ордынской знати и самого хана и, может быть, неосведомленностью о планах

Кутлук-Темира. Когда египетский посол эмир Алаэддин Айдогди Эльхарезми передавал султанское послание в ханскую канцелярию для перевода, он сказал о желании переговорить лично с ханом о некоем своем поручении от султана. Хану довели просьбу и вскоре чиновники озвучили послу ответ: «Кан, царь Узбек, говорит, что если в твоём докладе заключается что-нибудь кроме [обычного] привета, то переговоры о нём с эмирами». Несколько обескураженный посол, очевидно, подумал, что в Золотой Орде так принято и не стал высказывать своего недовольства. На совещание явились 70 эмиров, видимо, основная часть элиты. Посол объявил о желании султана сочетаться браком с татарской царевной. Судя по реакции, ордынская знать совершенно не была в курсе дела. Чтобы принять какое-либо решение, ей пришлось удалиться и обсудить предложение. После этого удивленному послу было заявлено: «Такого требования ещё никогда не было со времени появления Чингизхана до настоящего времени и с какой стати должна отправиться царская дочь из рода Чингизханова в земли Египетские, да переехать через семь морей» [24, с. 84]. Ответ эмиров показывает, что до того времени Чингизидские царевны не выдавались замуж за пределы Монгольской империи. Брак сестры Узбека Кончаки (Агафы) с князем Юрием Даниловичем и отъезд её в Москву произошёл несколько позднее в 1317 г. [29, с. 134; 7, с. 49–50] и, очевидно, не являлся для ордынцев исключением, т. к. русские земли находились в подчинении Золотой Орды. Египет же был и отдалённой, и совершенно независимой от монголов страной. Послу отказали, но на следующий день ситуация изменилась и приобрела компромиссный характер. Эмиры получили присланные султаном подарки. Возможно, вручение подарков происходило через ханскую канцелярию, поэтому несколько задержалось. Не исключено, что Кутлук-Темир посвятил знать в свои планы, после чего эмиры стали уступчивее и снисходительнее. Опираясь уже на мировую практику межгосударственных отношений, они говорили: «Цари постоянно сватаются у царей; Египетский царь – великий царь; на его требование следует изъявить согласие, но только это дело сделается не иначе, как в четыре года: год [нужен] на переговоры; год на сватовство; год на пересылку подарков и год на устройство брака». Ордынская знать запросила невероятный размер выкупа (калым) за невесту. По ан-Нувеири, млн динаров золотом, столько же коней и комплектов воинского снаряжения. Кроме того, они требовали личного приезда старших египетских эмиров, ещё и с женами и выдвигали другие невыполнимые условия [24, с. 83–84]. Требование передачи невесты только большой группе великих эмиров с женами показывает, что золотоордынская знать исходила из своих собственных представлений о роли женщины в политике и не учитывала того, что в арабо-персидских странах женщина не занимала столь высокое положение в общественной жизни, как это было в тюркомонгольском мире. Бадр ад-Дин ал-Айни, со ссылкой на Ибн Касира приводит несколько меньшие запросы – млн динаров, но только по тысяче коней и комплектов воинского снаряжения [15, с. 225]. Ибн Кассир (1301–1373) и ан-Нувеири (1279–1333) были современниками описываемых событий, и сведения их похожи, но у Ибн Касира они кажутся более правдоподобными.

Ничего не понявший султан отказался от навязанного ему сватовства и в дальнейших контактах ограничивался «обычной перепиской», в общих словах выражавшей желание дружбы между государями. Позднее осмысливая обстоятельства брака султана на татарской царевне и пытаясь как-то объяснить логику действий

золотоордынских властей, Ибн Халдун написал, что Кутлук-Темир предложил породниться, но «с условием, чтобы султан [сам] изъявил желание на выполнение этого и чтобы со стороны их [татар] это дело было несколько отложено, так как они [татары] заявили, что у царей их такой обычай». Султан, будто бы понимая условности, в течение шести лет, до 1320 г., посылал послов с подарками, «пока это [дело] уладилось между ними» [13, с. 178–179]. При дворе египетского султана пребывали в недоумении и, очевидно, хотели быстрее забыть это недоразумение, однако не тут-то было, ордынская дипломатия не переставала удивлять.

Соперничество Золотой Орды с Ираном за Азербайджан не только не ослабевало, но и усиливалось, поэтому хан нуждался в таком союзнике, как Египет [8, с. 79]. Через некоторое время вопрос о сватовстве вновь был инициирован, но уже самим ханом. При вручении султанских подарков хану послом Сайф ад-Дином Утуджи Узбек неожиданно сказал ему: «Я уже снарядил для брата моего, султана Эльмелик-Эннасыра то, о чем он просил, и назначил ему дочь из дома Чингизхана, из рода Берке, сына Батухана, сына Души-хана, сына Чингизхана». Обескураженный посол деликатно ответил: «Султан послал меня не по этому делу; это – дело великое: если бы султан знал, что это случится, то он снарядил бы для этого великого дела то, что следует и подобает для того». Посол хотел так отсрочить вопрос, но хан заявил, что это дело уже решенное. «Я пошлю ее к нему от себя», – заявил он. Посол вынужден был согласиться. «Когда это дело было улажено, то царь Узбек сказал послу: “Внеси приданное за эту госпожу”». Утуджи извиняясь, сообщил, что при нем нет необходимых денег. Но это обстоятельство не стало препятствием для хана, объявившего, что он прикажет купцам ссудить нужную сумму. Послу пришлось занять 20 тыс. динаров золотом и внести их в качестве калыма. Но этим расходы не ограничились. Узбек сказал: «Необходимо устроить пир, на котором собрались бы хатуни». Послу пришлось занимать еще 7 тыс. динаров и устраивать пир для знатных женщин. После этого засватанная царевна с большой свитой отправились в дальний путь [24, с. 84; 15. с. 226–227].

Из татарской знати невесту сопровождал старший посол Баянджар, Айтоглы, Тукбуга (Токбога), Мангуш, Тарджи, Осман-ходжа, Бектемир, Куртука, кади (судья) города Сарая Бадр ад-Дин Мухаммад ибн-Ибрахим ибн-Джамал ад-Дин, имам Узбека шейх Бурхан ад-Дин. Свита и посольство составляли 150 мужчин и 60 женщин [21, с. 196]. Ал-Айни определяет свиту царевны в более чем 400 человек вместе со слугами [15, с. 227]. Но это были еще не все люди. Одних только невольников и невольниц в свите царевны, по ал-Муфаддалю, находилось до тысячи [22, с. 96]. С посольством могло двигаться несколько сотен предназначенных на продажу рабов.

Выезд посольства из Сарая состоялся 17 октября 1319 года. Путь оказался трудным и продолжался почти семь месяцев. Осенне-зимнее время не благоприятствовало морским путешествиям – море штормило. Послы Бектемир и Куртука умерли в пути. Посольство надолго остановилось в Константинополе, где их радушно принял византийский император, которого египетские историки именуют Ласкарисом¹. Заинтересованный в укреплении связей с Золотой Ордой и Египтом, он с комфортом разместил посольство, издержав на содержание его 60 тыс. динаров.

¹ Клан Ласкарисов правил в византийских землях до этого. В 1319 г., когда посольство проезжало через Константинополь, у власти находился уже Андроник II Палеолог Старший (1282–1328). Очевидно, под Ласкарисом египетские историки подразумевали византийского императора вообще.

Следующую остановку в пять месяцев посольство сделало в гавани Миласа на юго-западном побережье Малой Азии во владениях эмира Ибн Ментеши. Там они нашли тоже радушный прием [15, с. 227].

Только в понедельник 5 мая 1320 г. невеста прибыла в Египет, в Александрию. Ее торжественно встречали слуги и 18–19 гаремных женщин. Оттуда татарское посольство на лодках перевезли в Каир и разместили сначала на Майдане, невесту поселили в атласном шатре.

8 мая, в четверг, состоялся прием прибывших послов. Вместе с татарским султан принял грузинское и византийское посольства. Послы вручили султану грамоты от своих правителей и преподнесли подарки.

10 мая невесту в закрытой, отделанной золотом, атласом и шелком повозке отвезли в некий Горный Замок. Переезд осуществлялся в соответствии с татарскими обычаями. Запряженного в повозку мерина под узды вели два мамлюка, и сопровождала большая свита татарской и египетской знати. Султан приставил к невесте из своих людей наместника эмира Сайф ад-Дина Аргуна, кравчего эмира Сайф ад-Дина Бектемира и секретаря тайных дел кади Керим ад-Дина Старшего, которые в сопровождении почетной охраны встретили невесту и ее кортеж. По приказу султана для невесты подготовили палаты, подобных которым в Египте до того не было. Это показывает, какое большое значение придавал султан этому браку.

В понедельник 12 мая заключили брачный договор между прибывшей девицей и султаном. В некоторых публикациях [8, с. 81], да и у ал-Айни, ал-Макризи и ан-Нувеири [24, с. 85; 15, с. 227; 21, с. 199], указывается, что это произошло 16 мая. Тут вкралась явная ошибка. По тому же ал-Айни и ан-Нувеири, приезд невесты состоялся в понедельник 25 ребиэльэввеле, а прием послов в четверг 28-го. В третьем месяце ребиэльэввеле (Раби 1, Раби́у ль-авваль) 30 дней. Брачный договор заключили уже в четвертом месяце 6 ребиэлахыра (Раби 2, Раби́у с-сани). По указаниям историков, это был понедельник, однако простой подсчет показывает, что 6 ребиэлахыра приходится на пятницу, поэтому больше доверять следует Ибн Дукмаку, ал-Макризи и Ибн Касиру, у которых день заключения договора указан 2 ребиэлахыра в понедельник, и это 12 мая [17, с. 124; 16, с. 153; 21, с. 199].

Со стороны невесты договор заключал кади Бадр ад-Дин, от султана это сделал Сайф ад-Дин. В этот день в Горный Замок прибыли татарские послы и египетские эмиры, старейшины, кадии и хакимы, военачальники, пришли военные отряды в парадном облачении. Заключение брачного договора состоялось в соборной мечети Нового Замка. Договор, по ал-Дукмаку, предусматривал уплату выкупа в размере 60 тыс. динаров [16, с. 153]. Ан-Нувеири и ал-Макризи указывают сумму вдвое меньшую, но тут нет противоречия. С учетом того, что половина этой суммы была уже уплачена еще послом в Сарае, то заплатить нужно было 30 тыс., и то не все сразу, 20 тыс. платилось немедленно и 10 тыс. в рассрочку.

Несколько дней потребовалось для устройства свадьбы. 23 мая состоялся свадебный пир, во время которого султан раздал множество красивых халатов и 500 комплектов одежд [21, с. 196]. По этому случаю султаном были пожалованы почетные одежды кадию Бадр ад-Дину, секретарю тайных дел Керим ад-Дину и свите невесты. Ибн Дукмак отмечает, что «торжества, подобного этому, не было [еще] ни с одним из тюркских царей в Египетских странах» [16, с. 153].

Теперь попытаемся понять, кем была посланная египетскому султану царевна. Историки часто называют невесту сестрой хана Узбека [1, с. 16; 40, с. 339, 367; 27, с. 550]. Р. Ю. Почекаев считает царевну его двоюродной племянницей [34, с. 117].

Источники дают разнообразную информацию, затрудняя идентификацию ее личности. Известно, что в Египет прибыла невеста с именем Тулунбай. По ан-Ну-вейри, Узбек заявил, что назначил султану «дочь из дома Чингизхана, из рода Берке, сына Батухана, сына Души-хана, сына Чингизхана» [24, с. 84]. По ал-Муфаддалю, это была «дочь брата султана Юзбекхана» [22, с. 96], т. е. племянница. Ал-Дзехеби пишет, что султан женился на сестре хана [14, с. 100]. Ибн Шохбы ал-Асади отмечает, что уже в конце XIV в. в Египте не совсем ясно понимали, кем была Тулунбай, то ли дочерью, то ли сестрой хана [18, с. 201]. Ибн Фадлаллах ал-Омари называет невесту просто родственницей Узбека [23, с. 114]. В биографии султана аль-Мелик-ан-Насыра она называется дочерью царя Узбек-хана Сарайского [12, с. 120]. Таковой считали Тулунбай Ибн Тагриберди и Ибн Ийас [8, с. 82; 1. с. 8–9]. Ибн Касир называет ее просто одной «из дочерей царских» [17, с. 124].

По ал-Айни и Ибн Халдуну, речь шла о дочери Бурлюка, брата Токтая» [15, с. 224–225; 13. с. 174]. Следовательно, беклярибек предлагал султану посвататься к двоюродной сестре Узбека. Однако можно полагать, что кандидатура этой девушки по каким-то причинам была отклонена. Когда состоялась встреча послов с султаном, старший из них, Баянджар, заявил: «Брат твой Узбек, к которому ты посылал просить девушку из семьи канской, не послал такой, потому что она не понравилась бы тебе; мы послали тебе [одну] из знатного рода. Если она любя тебе, то возьми ее, потому что [другой] лучше ее нет. Если же она не понравится тебе, то поступи согласно с изречением Аллаха всевышнего, [гласящим]: “Аллах повелевает вам возвращать вверенное [вам] тем, кому оно принадлежит”» [21, с. 196]. Из слов посла следует, что присланная невеста не была ни дочерью, ни сестрой хана, не являлась, видимо, она и дочерью Бурлюка, т. к. произошло отклонение первоначального выбора. Чем руководствовался Узбек и его окружение? Можно предположить, что на решение повлиял случай с любимой сестрой хана Кончакой (Агафьей), умершей полтора годами раньше при загадочных обстоятельствах в Твери. Хан не хотел посылать в такую безвозвратную даль девушку из числа своих ближних родственников и не обманулся в предчувствиях.

Ибн Дукмак считал, что это была «Тулунбай, дочь Тогаджи, сына Хинду, сына Теку, сына Душихана, сына Чингизхана» [16, с. 152]. Почти аналогично пишут Ибн Халдун и ал-Макризи: «послали ему нареченную его, Тулунбию, дочь Тогаджи, сына Хинду, сына Бекра, сына Душихана, сына Чингизхана». При этом ал-Макризи даже цитирует запись из брачного договора [13, с. 178–179; 21, с. 196, 198]. В другом месте своего сочинения ал-Макризи пишет, что она была дочерью «Тогаджи, сына Хинду, сына Бертеку, сына Душихана, сына Чингизхана» [21, с. 195]. Р. П. Храпачевский, со ссылкой на Рашид ад-Дина, указывает на то, что Хинду имел сына Такаджу, но отцом Хинду являлся десятый сын Джучи Чимбай (Чимпай). Историк предполагает, что Чимбая спутали с четвертым сыном Джучи Беркечаром [9, с. 198, прим. 6]. Следует добавить, что еще пропущен Яку (Теку), который, по Рашид ад-Дину, приходился сыном Хинду и отцом Такаджу [36, с. 76; 25, с. 417]. Эти генеалогические сведения подтверждает сочинение анонимного тюркского автора «Таварихи гузиде носрат наме» («Избранные летописи из книги побед»), написанное в 1502–1504 гг. [44, с. 39] и «Муизз ал-ансаб фи шаджарат

салатин могул» («Книга, прославляющая генеалогии»), составленная при дворе Тимурида Шахруха около 1426–1427 гг.: «У Чимбая два сына: Хинду и Тудавур. У Хинду сын Яку, у Яку три сына: Такаджу, Мангутай-Кундалан, Джалаиртай» [39, с. 242].

Таким образом, Тулунбай являлась дочерью Такаджу, внучкой Яку, правнучкой Хинду, праправнучкой десятому сыну Джучи Чимбаю. Такую же родословную определяет для этой женщины в своем справочнике и Ю. В. Селезнёв [41, с. 195]. Хан Узбек являлся праправнуком второго сына Джучи Бату. Чимбай и Бату приходились между собой родными братьями. Следовательно, Тулунбай являлась знатной Чингизидкой, но в отдаленном родстве с правящим ханом – его пятиюродной сестрой.

Брак не оказался удачным, султан быстро охладил к жене. С. Закиров пишет со ссылкой на ал-Макризи, что уже на следующее утро после брачной ночи «султан развелся с нею, так как она ему не понравилась...». Хотя тут же отмечает, что есть и другие сведения [8, с. 87]. Действительно, по ал-Макризи, «в ту же ночь он вступил в брак с ней, но она не понравилась ему...». Уже утром он приказал приближенному Керим ад-Дину Акраму Младшему отвезти ее в Саид [21, с. 196]. В сообщении нет прямого указания на развод. Ал-Айни пишет, «что султан сочетался с ней, но через несколько дней прогнал ее от себя...» [15, с. 231]. В биографии султана сообщается, что он прожил с нею около восьми лет [12, с. 120]. Последнее известие более точно. Очевидно, султан отослал опальную жену, но формально брак расторгнут не был.

Сопровождавшие Тулунбай татарские послы покинули египетскую землю только 7 сентября со щедрыми подарками для Узбека и, видимо, за целое лето, проведенное в Египте, не заметили ничего особенного в отношениях между молодоженами [22, с. 96; 12, с. 119; 17, с. 124; 13, с. 179; 24, с. 85].

Ал-Макризи пишет, что, после того как султан развелся с Тулунбай и прошел установленный срок для вступления в новый брак, она была выдана замуж за силахдара¹ эмира Сайф ад-Дина Менглибугу. Заключение брачного договора состоялось

¹ Силахдар – придворный чин, ответственный за оружие.

29 шевваля 728 г. х., то есть 6 сентября 1328 г., а свадьба 8-го дзулькаада – 14-го сентября [21, с. 197]. У ал-Айни дата свадьбы сдвинута на месяц и отнесена к 8 дзульхидджа (14 октября). Это сообщение внушает больше доверия, так как историк указывает не только даты, но и дни недели. Договор заключили в понедельник, свадьба состоялась в четверг. Если указанные дни недели наложить на сведения ал-Макризи, то совпадения не будет, 8-е дзулькаада приходится на вторник.

Указание на установленный после развода срок *идда* для вступления в новый брак позволяет определить приблизительно время развода. Для разведенных мусульманских женщин он составляет три менструальных цикла, то есть около трех месяцев, для того чтобы выяснить не беременна ли женщина и таким образом решить возможный вопрос с отцовством [10]. Если принять среднюю длительность менструального цикла в 28 дней (28 ± 7), умножить на три и отнять от дня заключения договора (6 сентября), то получится, что развод султана аль-Мелик ан-Насыра с Тулунбай состоялся в июне, может быть в июле (если считать не от даты брачного договора, а от свадьбы) 1328 года, через восемь лет брака.

Почему после значительных дипломатических усилий, колоссальных материальных затрат, пышной свадьбы семейной жизни у египетского султана и татарской царевны не получилось? Почему Тулунбай не понравилась аль-Мелик ан-Насыру? Во время переговоров с послами перед свадьбой султан заявлял: «Мы не желаем красоты, а хотим только знатности происхождения и близкого родства с братом моим, да будем мы и он единым существом» [21, с. 196]. Таким образом, султан подчеркивал политическую важность брака, который сближал Египет с Золотой Ордой, султана аль-Мелик ан-Насыра с ханом Узбеком. Супруга, несомненно, была знатной Чингизидкой, скорее всего, юна и не дурна собой. Нужно учесть, что в Орде выбору невесты уделялось существенное внимание, и, должно быть, подобрали достойную султана девушку. То, что это была не дурнушка, свидетельствуют и многочисленные браки Тулунбай после развода с султаном. Полагаем, что резкая реакция султана была вызвана не отсутствием женской привлекательности, а поведением невесты. Какую-то роль могло сыграть то, что девушка прибыла из страны, совсем недавно принявшей ислам и еще очень слабо знакомой с мусульманской культурой, что, конечно, могло шокировать султана. Главное, скорее всего, в характере Тулунбай и тех инструкциях, которые, несомненно, она получила в Сарае. Татарская женщина чувствовала себя более свободной и равноправной в отношении мужчин, чем арабская. Вероятно, Тулунбай рекомендовали вести себя высокомерно, не ронять авторитета Золотой Орды и хана и играть при дворе важную политическую роль, как это случалось в татарских государствах и, конечно, проводить политику в интересах родины. Видимо, молодой девушке не хватило опыта и женского такта, чтобы добиваться поставленной задачи постепенно. Возможно, она действовала слишком прямолинейно и поспешно. Попытка поставить на место султана в первую же брачную ночь так возмутила его, что уже к утру он разочаровался в супруге и уснул подальше от дворца.

История с Тулунбай имела продолжение. Через послов и купцов в Орде узнали о «провале» царевны. Примечательно, что до тех пор, пока Тулунбай формально оставалась женой султана и длительное время после этого, в Орде как будто не интересовались ее судьбой. Только в 735 г. х. (1334/35) хан Узбек прислал письмо султану, в котором выказал свое неудовольствие по поводу произошедшего с Тулунбай. Хан писал: «Султан посылал ко мне несколько раз по поводу [сватовства

на одной из] дочерей ханских; я откладывал дело до тех пор, пока мне [наконец] стало совестно перед султаном, и я отправил к нему одну из лучших дочерей ханских. Затем, если она для твоей милости оказалась неудобной, то тебе следовало отослать ее [назад] в то место, из которого она прибыла, а не дарить ее одному из своих мамлюков. Не подобает [лицу] подобному тебе, чтобы погибали такие [лица], как дочери ханские. Мы просим тебя о возвращении ее к нам, дабы она могла быть у своих. У тебя девиц много, и страна [твоя] обширна» [15, с. 231]. Следует сказать, что осуждал и укорял султана Узбек не совсем справедливо. В истории Монгольской державы прецеденты с передачей жен своим слугам были, и самый известный случай, когда Чингисхан выдал замуж за Чжурчедая (Кэштейнойна) свою жену Ибаха-беки (Абика-беги, дочь Джакамбу), сославшись при этом на сон, в котором всевышний господь повелел ему сделать это [42, с. 167; 35, с. 186].

Заслушав перевод письма и речь посла, султан не замедлил с ответом, сказав: «Все, что дошло до брата моего, царя Узбека, ложь и [с моей стороны] не допущено нерадения в отношении к ней, а против воли Аллаха всевышнего ничего не поделаешь. Когда брат мой прислал ко мне эту женщину, то я сочелся с ней и она пробыла у меня год; потом она занемогла и отошла к милости Аллаха» [15, с. 231–232]. Утверждение султана о смерти Тулунбай еще в 1321 г. было откровенной ложью. Понимая, что его слов для убеждения послов и хана в смерти жены окажется недостаточно, аль-Мелик ан-Насыр пригласил к себе судью и посоветовался с ним. Решено было подтвердить смерть официальным документом. Кади посоветовал: «[Лучшее] средство для этого – вызвать двое слуг или мамлюков, чтобы они засвидетельствовали, что оба они лично удостоверились в том, что хатунь такая-то, дочь такого-то, [действительно] умерла от постигшей немочи». Так и было сделано. Выбранные из мамлюков лжесвидетели сообщили все, что требуется судье, а тот, нисколько не сомневаясь в их показаниях, сфабриковал акт о смерти султанши и закрепил его подписями. Султан взял акт себе и не только вручил послам во время следующей аудиенции, но и приказал его зачитать. «Смолкли посол да бывшие с ним [люди], и уехали через несколько дней, а он [султан] послал с ними подарок и ответ, содержащий то, о чем мы упоминали выше», – завершает рассказ ал-Айни [15, с. 232]. Вероятно, султан не захотел отпускать бывшую опальную жену не столько из-за того, что она в это время была уже давно замужней женщиной, сколько из опасений политических осложнений после того, как бывшая супруга оказалась бы при дворе хана Золотой Орды, где она могла дать волю своему недовольству бывшим мужем, и это могло иметь для Египта нежелательные политические последствия.

Но и на этом история с Тулунбай не закончилась, хотя и не имела уже к ней непосредственного отношения. 28 декабря 1338 г. в Египет прибыло очередное ордынское посольство. 1 января 1339 года султан дал аудиенцию послам и заслушал послание от хана. «Содержание послания их заключалось в том, чтобы просить [для Узбека] одну из дочерей султана, которою он [Узбек] мог бы славиться, и заключить братство и дружбу. Султан понял, что они намерены поступить так, как он поступил с ними. Через несколько дней он пригласил их к себе, пожаловал им халаты и написал ответ: “Дочери мои [еще] малолетки и старшей из них всего шесть лет; по достижении ею законного срока для вступления в брак, мы ее снарядим и вышлем ее к услугам его [Узбека], если на то будет воля Аллаха всевышнего”» [12, с. 117]. Всем было понятно, что к указанному времени кто-то

отойдет в мир иной. Так и произошло. Через два года скончался аль-Мелик ан-Насыр, а через три с половиной умер могущественный хан Узбек, так и не дождавшись юной египетской принцессы.

Таким образом, султан аль-Мелик ан-Насыр оказался в этой ситуации опытным дипломатом и, используя уловки и откровенную ложь, сумел, не давая прямого отказа, отклонить все претензии и неприемлемые предложения золотоордынского хана. Тулунбай, как агент золотоордынского влияния, раскрыла сама себя в самом начале и была быстро изолирована. Изменение позиции султана в отношении союза с Золотой Ордой объясняется тем, что к этому времени нависавшая над Египтом угроза иранского вторжения исчезла, и потребность в военно-политическом союзе отпала. В то время как соперничество между Золотой Ордой и Ираном за Азербайджан продолжалось.

Тулунбай пережила султана аль-Мелик ан-Насыра, умершего в 1341 году. Пережила она своего второго супруга Сайф ад-Дина Менглибугу и вышла замуж за его брата эмира Сусуна. Его она тоже пережила и уже четвертым браком сочеталась с заместителем эмира Омаром б. Аргуном [12, с. 118, 120; 18, с. 201].

О смерти Тулунбай тоже имеются разнообразные сведения. Если не принимать в расчет сфальсифицированного свидетельства о ее смерти в 1321 г., то следует отметить сообщение Ибн Шохбы ал-Асади о кончине в 741 г. х. (1340/41) [18, с. 201]. В биографии самого султана в разных местах приводятся две даты ее смерти – 8 сентября 1340 и 18 августа 1342 года¹ [12, с. 118]. Ал-Айни сообщает, что госпожа Тулунбай скончалась 24 ребиэлахыра (30 января 1364 г.) «и была похоронена в часовне своей, которую она построила близ могилы госпожи Тогай, матери Анука, жены султана Эльмелик-Эннасыра в Эррауде, за воротами Баркийскими» [15, с. 233]. Ал-Макризи приводит эту же дату, только день смерти указывает не 24, а 14 ребиэлахыра, т. е. 20 января [21, с. 199]. В. Г. Тизенгаузен в своих комментариях оказывает доверие ал-Макризи и ал-Айни, дополняя со ссылкой на профессора Мерена, что на сохранившемся в его время надгробном памятнике Тулунбай в Каире указана дата смерти 14 ребиэлахыра 765 г. х. [9, с. 121, 202]. Татарская царица, египетская султанша и жена нескольких князей Тулунбай умерла 20 января 1364 г., пережив Узбека и троих своих мужей, в возрасте около 60 лет. В источниках не сообщается о возможном ее потомстве.

Таким образом, династический брак между Сараем и Каиром не стал той связующей нитью, которая должна была укрепить военно-политический союз Золотой Орды и Египта, и даже ухудшил отношения между странами, не стал он и счастливым семейным союзом. Нашла ли Тулунбай под жарким египетским солнцем свое женское счастье и как часто вспоминала она навсегда покинутые бескрайние причерноморские степи, остается загадкой.

Список использованных источников

1. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. 40 с.
2. Армянские источники о монголах. М., 1962. 155 с.
3. Ахмедова А. О., Муртазалиев С. И. Миграции тюркских племен и демографические процессы в Болгарских землях (середина XIII – начало XVII века) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 153–172.

¹ Возможно, 1340 и 1342 гг. первоначально обозначали не даты смерти, а очередные свадьбы.

4. Бейбарс I: биография. URL: www.people.su
5. Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869. Вып. 2. С. 673–1392.
6. Выдержки из «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. С. 224–232.
7. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2001. 214 с.
8. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
9. Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. 448 с.
10. Идда // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/314>
11. Из «Истории» шейха Увейса» Абу Бакра ал-Кутби ал-Ахари // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. С. 72–78.
12. Из биографии султана Эльмелик-Эннасыра // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 116–121.
13. Из истории Ибн Халдуна // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 169–180.
14. Из летописи ад-Дзехеби // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 98–100.
15. Из летописи Бадр-ад-Дина ал-Айни // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 217–237.
16. Из летописи Ибн Дукмака // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 150–155.
17. Из летописи Ибн Касира // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 123–124.
18. Из летописи Ибн Шохбы ал-Асади // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 200–202.
19. Из летописи Рукн-ад-Дина Бейбарса // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 52–69.
20. Из описания путешествия Ибн Баттуты // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 125–149.
21. Из сочинения ал-Макризи // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 190–199.
22. Из сочинения ал-Муфаддала // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 90–97.
23. Из сочинения Ибн Фадлаллаха ал-Омари // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 101–115.
24. Из энциклопедии ан-Нувейри // Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 72–87.
25. Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. С. 400–436.
26. История монголов инока Магакии, XIII века. М., 1871. 120 с.
27. Кадырбаев А. Ш. Улус Джучи и мамлюкский Египет: политические и культурные связи // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 547–550.
28. Книга Марко Поло. 3-е изд. М., 1997. С. 192–404.
29. Насонов А. Н. Монголы и Русь // Русский разлив. (Мир Льва Гумилёва). М., 1996. Т. 1. С. 64–263.
30. Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. 2-е изд. М.: Наука, 1977. С. 228–259.
31. Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. 798 с.

32. Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962. 419 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Мазуринский летописец. М., 1968. 263 с.
34. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Олды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2012. 464 с.
35. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 221 с.
36. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2. 315 с.
37. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. 253 с.
38. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 3. 340 с.
39. Сабитов Ж. М. Рецензия на новый перевод Муизз ал Ансаб // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Казань, 2010. Вып. 3. С. 236–244.
40. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). Казань, 1996. С. 277–526.
41. Селезнёв Ю. В. Элита Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
42. Сокровенное сказание // Хамидуллин Б. Л. Чингиз-хан – 850. Кн. I. Казань: ПИК «Дом печати», 2002. 288 с.
43. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 438 с.
44. Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата.: Наука, 1969.
45. Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. 192 с.

Поступила 10.09.2016; принята к публикации 10.10.2016

Бахтин Александр Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, Йошкар-Ола, *Abachtin@mail.ru*

EGYPTIAN FATE TATAR PRINCESS TULUNBAY

A. G. Bakhtin

The practice of dynastic marriages in the Mongol Empire in the XIII–XIV centuries is highlighted. The elite preferred to marry within the Mongol world. Representatives of the semi-independent ulus often exchanged brides. They were trying to maintain the traditional practice of marriage contacts of former times and to keep the unity of the Mongolian. From the Yuan China to Hulaguidsky Iran Princess Kokechi was sent. Marital contacts with the aristocracy and subordinate agricultural people had spread. There were many marriages of Mongol-Tatar princesses and duchesses with the Russian princes. Along with this, there were marriages with foreign princes and princesses. Most often these were marriage alliances with the rulers of neighboring lands, which was dictated by political interests, the need to protect their possessions from the invasions and enlist powerful patron and ally. However, these also happened between the distant countries. The central theme is the story of courtship and marriage of the Egyptian Mamluk Sultan al-Malik al-Nasir and the princess of the Golden Horde Tulunbay. Bride's genealogy, relationship with Khan Uzbek is determined. Marriage was aimed at strengthening the alliance of the Golden Horde and Egypt against Hulaguidsky Iran. The outer ceremonial side of the marriage, dowry's size were discussed with the ambassadors in details. Nevertheless, effort and material costs spent by diplomats although met with a positive result, but had a negligible impact on the parties. By the wedding weakening

Iran no longer represented a threat to the Egypt, at the same time continued the rivalry with the Golden Horde for Azerbaijan. Interest in alliance fell quickly from the Egyptian side. Political intrigue identified the difficult fate of the princess Tulunbay. Immediately after the lush weddings she fell into disgrace and was removed from the palace, and then a scandalous divorce followed. The circumstances of the divorce, and information on the three subsequent marriage of the princess, diplomatic correspondence on this matter and the time of her death are considered.

Keywords: Mameluke Egypt, Hulaguidsky Iran, the Golden Horde, diplomacy, dynastic marriages, redemption, Uzbek Khan, Sultan al-Malik al-Nasir, Princess Tulunbay.

Citation for an article: Bakhtin A. G. Egyptian fate Tatar princess Tulunbay. West – East. 2016, no. 9, pp. 138–154.

References

1. Amin al-Holi. Svjazi mezhdu Nilom i Volgoj v XIII–XIV vv [Relations between the Nile and the Volga in the XIII–XIV centuries]. Moscow, 1962, 40 p. (In. Russ.)
2. Armjanskije istochniki o mongolah [Armenian sources about the Mongols]. Moscow, 1962, 155 p. (In. Russ.)
3. Ahmedova A. O., Murtazaliev S. I. Migracii tjurkskih plemen i demograficheskie processy v Bolgarskih zemljah (seredina XIII – nachalo XVII veka) [Migration of the Turkic tribes and demographic processes in Bulgarian lands (the middle of XIII – the beginning of XVII century)]. *Slavjane i ih sosedi. Slavjane i kochevoj mir* = The Slavs and their neighbors. The Slavs and the nomadic world. Moscow, 2001, vyp. 10, pp. 153–172. (In. Russ.)
4. Bejbars I: biografija [Baybars I: Biography]. URL: www.people.su
5. Velikie Minei Chet'i, sobrannaja vsereossijskim mitropolitom Makariem. Sentjabr', dni 14–24 [Great Lives of the Saints, raised all-Russian Metropolitan Macarius. September 14-24 days]. St. Petersburg, 1869, vyp. 2, pp. 673–1392. (In. Russ.)
6. Vyderzhki iz «Istorii o Mihaile i Andronike Paleologah» Georgija Pahimera [Excerpts from “The History of Michael and Andronicus Palaeologus” George Pahimera]. *Stanovlenie i rascvet Zolotoj Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* = Formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of Ulus Jochi (1266-1359), Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2011, pp. 224–232. (In. Russ.)
7. Gorskij A. A. Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. Moscow, 2001, 214 p. (In. Russ.)
8. Zakirov S. Diplomaticheskie otnoshenija Zolotoj Ordy s Egiptom (XIII–XIV vv.) [Diplomatic relations with Egypt, the Golden Horde (XIII–XIV centuries)]. Moscow: Nauka, 1966, 160 p. (In. Russ.)
9. Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija [Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings]. Moscow, 2003, t. 1, 448 p. (In. Russ.)
10. Idda. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/314>
11. Iz «Istorii» shejha Uveysa» Abu Bakra al-Kutbi al-Ahari [From the “History” Sheikh Uveysa” Abu Bakr al-Qutb al-Ahari]. *Stanovlenie i rascvet Zolotoj Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* = Formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of Ulus Jochi (1266-1359), Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2011, pp. 72–78. (In. Russ.)
12. Iz biografii sultana Jel'melik-Jennasyra [From the biography of Sultan Elmelik-Ennasyra]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 116–121. (In. Russ.)
13. Iz istorii Ibn Halduna [From the history of Ibn Khaldun]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 169–180. (In. Russ.)
14. Iz letopisi ad-Dzehebi [From the annals of al-Dzehebi]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 98–100. (In. Russ.)
15. Iz letopisi Badr-ad-Dina al-Ajni [From the annals of Badr al-Din al-Aini]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 217–237. (In. Russ.)

16. Iz letopisi Ibn Dukmaka [From the chronicles of Ibn Dukmaka]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 150–155. (In. Russ.)
17. Iz letopisi Ibn Kasira [From the chronicles of Ibn Kathir]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 123–124. (In. Russ.)
18. Iz letopisi Ibn Shohby al-Asadi [From the chronicles of Ibn al-Asadi Shohby]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 200–202. (In. Russ.)
19. Iz letopisi Rukn-ad-Dina Bejbarsa [From the annals of Rukn al-Din Baybars]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 52–69. (In. Russ.)
20. Iz opisanija puteshestvija Ibn Battuty [From the description of the journey of Ibn Battuta]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian works, Moscow, 2003, t. 1, pp. 125–149. (In. Russ.)
21. Iz sochinenija al-Makrizi [From the writings of al-Maqrizi]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 190–199. (In. Russ.)
22. Iz sochinenija al-Mufaddalja [From the writings of al-Mufaddalya]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 90–97. (In. Russ.)
23. Iz sochinenija Ibn Fadlallaha al-Omari [From the writings of Ibn al-Omari Fadlallaha]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian works, Moscow, 2003, t. 1, pp. 101–115. (In. Russ.)
24. Iz jenciklopedii an-Nuvejri [From an encyclopedia-Nuveyri]. *Zolotaja Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochinenija* = Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings, Moscow, 2003, t. 1, pp. 72–87. (In. Russ.)
25. Izvlechenija iz «Sbornika letopisej» Rashid ad-Dina [Excerpts from the “Collection of annals” by Rashid ad-Din]. *Zolotaja Orda v istochnikah* = Golden Horde in the sources, Moscow, 2003, t. 1, pp. 400–436. (In. Russ.)
26. Istorija mongolov inoka Magakii, XIII veka [History of the Mongol monk Maghakia, XIII century]. Moscow, 1871, 120 p. (In. Russ.)
27. Kadyrbaev A. Sh. Ulus Dzhuchi i mamljukskij Egipet: politicheskie i kul'turne svjazi [Jochi Ulus and Mamluk Egypt: political and cultural links]. *Istorija tatar s drevnejshih vremen v semi tomah. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaja Orda). XIII – seredina XV v.* = History of Tatars since ancient times in seven volumes. T. III. Jochi Ulus (Golden Horde). XIII - the middle of the XV century, Kazan', 2009, pp. 547–550. (In. Russ.)
28. Kniga Marko Polo [The Book of Marco Polo]. 3-e izd. Moscow, 1997, pp. 192–404. (In. Russ.)
29. Nasonov A. N. Mongoly i Rus' [Mongolia and Russia]. *Russkij razliv. (Mir L'va Gumiljova)* = Russian spill. (World of Lev Gumilyov), Moscow, 1996, t. 1, pp. 64–263. (In. Russ.)
30. Petrushevskij I. P. Iran i Azerbajdzhan pod vlast'ju Hulaguidov (1256–1353 gg.) [Iran and Azerbaijan under the rule Hulaguid (1256-1353)]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* = Tatar-Mongols in Asia and Europe: sb. st. 2-e izd., Moscow: Nauka, 1977, pp. 228–259. (In. Russ.)
31. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XXI. Kniga Stepennaja carskogo rodoslovija [Complete Collection of Russian Chronicles. T. XXI. Book The power of the king's lineage]. St. Petersburg, 1908, 798 p. (In. Russ.)
32. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XXVII. Nikanorovskaja letopis'. Sokrashhennye letopisnye svody konca XV veka [Complete Collection of Russian Chronicles. T. XXVII. Nikanorovsky chronicle. Short chronicle of the end of the XV century]. Moscow, L., 1962, 419 p. (In. Russ.)
33. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XXXI. Mazurinskij letopisec [Complete Collection of Russian Chronicles. T. XXXI. Mazurinsky chronicle]. Moscow, 1968, 263 p. (In. Russ.)
34. Pochekaev R. Ju. Cari ordynskie. Biografii hanov i pravitelej Zolotoj Oldy [Kings Horde. Biographies Khans and governors of the Golden Horde]. Izd. 2-e, ispr. i dop., St. Petersburg, 2012, 464 p. (In. Russ.)

35. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of Histories]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952, t. 1, kn. 1, 221 p. (In. Russ.)
36. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of Histories]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952, t. I, kn. 2, 315 p. (In. Russ.)
37. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of Histories]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960, t. 2, 253 p. (In. Russ.)
38. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of Histories]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1946, t. 3, 340 p. (In. Russ.)
39. Sabitov Zh. M. Recenzija na novyj perevod Muizz al Ansab [Review new translation Mu'izz al Ansab]. *Zolotoordynskaja civilizacija* = Golden Horde's Civilization: sb. st. Kazan', 2010, vyp. 3, pp. 236–244. (In. Russ.)
40. Safargaliev M. G. Raspad Zolotoj Ordy [The collapse of the Golden Horde]. *Na styke kontinentov i civilizacij... (Iz opyta obrazovanija i raspada imperij X–XVI vv.)* = At the crossroads of continents and civilizations ... (From the education experience and the collapse of empires X–XVI centuries.), Kazan', 1996, pp. 277–526. (In. Russ.)
41. Seleznjov Ju. V. Jelita Zolotoj Ordy [Elite of the Golden Horde]. Kazan': Izd-vo «Fjen» AN RT, 2009, 232 p. (In. Russ.)
42. Sokrovennoe skazanie [Secret History]. *Hamidullin B. L. Chingiz-han – 850* = Genghis Khan. 850, kn. I, Kazan': PIK «Dom pečati», 2002, 288 p. (In. Russ.)
43. Stanovlenie i rascvet Zolotoj Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.) [The formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of Ulus Jochi (1266–1359)]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2011, 438 p. (In. Russ.)
44. Tavarikh-i Guzida-ji Nusrat-name [Tawara-and-yi Guzida Nusrat-name]. *Materialy po istorii kazahskih hanstv XV–XVIII vekov. (Iz vlechenija iz persidskih i tjurkskih sochinenij)* = Materials on the history of the Kazakh Khanate XV–XVIII centuries. (Excerpts from the Persian and Turkic writings), Alma-Ata.: Nauka, 1969. (In. Russ.)
45. Halikov A. H. 500 russkih familij bulgaro-tatarskogo proishozhdenija [500 Russian surnames of Bulgar-Tatar origin]. Kazan', 1992, 192 p. (In. Russ.)

Submitted 10.09.2016; revised 10.10.2016

Bakhtin Aleksandr G., Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, Abachtin@mail.ru

УДК 94(100)“1914/19”

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: УЧАСТНИКИ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ
В ПАМЯТИ БЕЛОРУССКИХ ПОТОМКОВ**

В. М. Новик

Статья посвящена реконструкции фронтового опыта участников Первой мировой войны из белорусской деревни, память о которых хранят их потомки. Автор статьи, уроженка белорусского села Малая Воля, в течение многих лет собирала воспоминания родных и односельчан о событиях Первой мировой войны. Применяя методику oral history и военной антропологии, автор воссоздала обстановку и настроения во время пребывания жителей деревни Малая Воля на фронте, в австрийском плену и немецкой оккупации. Существенной деталью повествования является анализ данных местной топонимики и происхождения деревенских прозвищ, которые стали своеобразным проявлением исторической памяти. Приведены воспоминания о немецкой оккупации села, военных походах фронтовиков в революционную Москву, взаимоотношениях офицеров и солдат в русской царской армии. Образно показано психологическое состояние белорусского крестьянина, чьи нравственные устои были нарушены войной. Показаны быт и повседневная жизнь односельчан в окопах войны, в австрийском плену, во время оккупации села немецкими войсками. К счастью, судьба оказалась благосклонной к жителям деревни Малая Воля и участникам Первой мировой войны, большинство которых живыми и невредимыми вернулись домой. Их фронтовой опыт, реконструируемый по рассказам односельчан, предстает сложным переплетением долга, возложенного на крестьянина-солдата, который он с честью выполнял, и отсутствием осознания причин и целей непонятной войны. Потомки бережно хранят память об участниках Первой мировой войны, о своих односельчанах, переживших мировую катастрофу.

Ключевые слова: Первая мировая война, Беларусь, Малая Воля, участники войны, историческая память.

Для цитирования: Новик В. М. Первая мировая война: участники и их современники в памяти белорусских потомков // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 155–162.

Фронтовой опыт и судьбы рядовых участников Первой мировой войны, их современников, не принимавших участия в боевых действиях, сравнительно недавно стали предметом пристального внимания исследователей. Столь длительное забвение, связанное с чередой колоссальных потрясений, постигших Россию в XX веке,

постепенно преодолевается [7, с. 109]. Новые страницы фундаментальных исследований и опубликованных источников восполняют прежние лакуны «забытой войны» [5; 8; 9]. В последнее время появилось значительное число работ, авторы которых реконструируют фронтовую повседневность участников войны [11], анализируют их поведение в ментально-психологическом плане [6], в русле военно-исторической антропологии [1].

Несмотря на существенные успехи ученых, проблема человека на «забытой войне» и память о нем по-прежнему остается недостаточно исследованной.

Мы попытаемся реконструировать фронтовой опыт персонифицированных участников войны, их современников – односельчан из небольшой белорусской деревни, память о которых продолжает жить и в XXI веке.

В рядах 10-миллионной царской армии в годы Первой мировой войны сражались 650 тыс. белорусов [10, с. 214]. Среди них были жители деревни Малая Воля, ныне Дятловского района Гродненской области Республики Беларусь: Господарик Петр Степанович (1882–1960), Дубицкий Леон Фомич (1876–1958), Копоть Иван Матвеевич (1889–1961), Ольховик Юрий Данилович (1886–1942), Павочка Иосиф Иванович (1887–1957), Пузач Иосиф Васильевич (1884–1957), Пузач Николай Николаевич (1889–1963). Они очень скупы, неохотно делились воспоминаниями с односельчанами о своих фронтовых буднях, о неимоверно трудных дорогах войны. Эти воспоминания в рассказах односельчан были собраны автором настоящего исследования и положены в его основу.

Первыми боевое крещение в кровопролитных сражениях начавшейся войны приняли П. Господарик, Ю. Ольховик, И. Павочка и И. Пузач. Все они начинали службу в рядах царской армии на территории России еще в мирное время. П. Господарик и И. Пузач были направлены в Петроград, Ю. Ольховик и И. Павочка – в Тамбов. Вчерашние крестьяне, оторванные от сохи и косы, должны были овладеть военным искусством. Непривычными для них казались распорядок дня, обмундирование, винтовка в руках вместо орудий сельскохозяйственного труда, общение с сослуживцами, чему во многом мешал языковой барьер. Некоторые употребляемые новобранцами белорусские слова становились порой в среде военнослужащих предметом насмешек и основанием для присвоения им обидных прозвищ: Цыбуля (лук), Бусял (аист) и др.

Но, как оказалось, это были легко преодолимые трудности, несравнимые с теми, которые ожидали их впереди. Мирный срок службы был прерван трагическими событиями в Сараево, где 28 июня 1914 г. был убит наследник австрийского престола Франц-Фердинанд, о котором солдаты русской армии имели смутное представление. Европа стала театром самой кровавой бойни в первой четверти XX века.

Россия, вступившая в войну на стороне Антанты, объявила всеобщую мобилизацию. На фронт в Восточную Пруссию вместе со своими сослуживцами были отправлены П. Господарик и И. Пузач. По их рассказам, самыми страшными были первые дни на фронте: груды искореженной техники, множество тел убитых, рвущиеся со всех сторон снаряды, замертво падающие рядом идущие товарищи. Крестьянский менталитет в совершенно непривычных условиях войны становился препятствием преодоления психологического барьера, ставившего солдата перед определенным выбором. С одной стороны, для них, выросших и воспитанных в деревенской среде, помощь, взаимовыручка, поддержка были главным стержнем повседневной жизни. Эти принципы они готовы были применять на фронте

на каждом шагу, поскольку во время боя, пробегая с винтовкой, видели тяжело раненных, умирающих, просящих о помощи. С другой – появлялось осознание невыполнения воинского долга – наступать и бить врага. Правда, эту миссию выполнять оказалось крайне сложно. Изо дня в день возникали трудности со снабжением армии боеприпасами. Штыковые атаки и рукопашный бой оставались единственным способом противостоять врагу, чтобы остановить его и спасти себя. После таких схваток, как рассказывали П. Господарик и И. Пузач, они в течение многих дней не могли ни спать, ни есть. Перед глазами постоянно всплывали лица убитых немцев, а оставшаяся кровь на шинели вызывала чувство брезгливости к пище. Впрочем, и полевая кухня появлялась не так часто. Скучный паек делили по крупицам. Голод порой утоляли овощами и фруктами из брошенных местными жителями садов и огородов, которые могли оказаться на пути продвижения армии. К сожалению, продвижение оказалось недолгим и трагическим. В сентябре 1914 года русская армия была вытеснена из Восточной Пруссии. Два русских корпуса попали в окружение, многие солдаты погибли, а некоторые оказались в плену. Именно такая участь постигла И. Пузача. Почти два года во время военного плена ему пришлось рыть окопы, строить блиндажи, ремонтировать железнодорожные пути на территории Австрии. Работать приходилось и днем и ночью. Силы были на пределе не только из-за изнурительного труда, но и скудного питания, так как в рационе военнопленных отсутствовал самый главный продукт солдата-крестьянина – хлеб. Его отсутствие не только истощало силы, но и вызывало ностальгию о родном доме, где пекли так называемые боханы, то есть довольно большие прямоугольной формы буханки хлеба, где твердо знали правило: «Бяз хлеба яда – да парога хада» («Без хлеба еда – до порога хотьба»), то есть пища без хлеба дает силы пройти только до порога. Иногда, правда, удавалось осчастливить военнопленных особыми «деликатесами». Однажды, как вспоминал И. Пузач, вдоль железнодорожных путей, которые они восстанавливали, бродила бесхозная корова, и ее молоком военнопленные питались в течение нескольких дней. Спать приходилось на земле или деревянных досках, покрытых небольшим слоем сена или соломы. С чувством горечи вспоминал И. Пузач о бесчеловечных способах наказания тех, кто пытался спастись бегством. Пойманных и возвращенных солдат сажали на несколько дней в яму, до половины заполненную ледяной водой, или клали на землю и, накрыв сверху досками, били по ним тяжелым молотом. Выжить удавалось немногим. Тем не менее свобода и тоска по дому преодолевали любой страх и опасность.

Однажды при перемещении на новый объект работ И. Пузачу с группой военнопленных удалось бежать. Вырвавшись из плена и перемещаясь только ночью, он оказался на территории Польши, откуда, как полагал, рукой подать до родной деревни. Нашлись сочувствующие люди, которые переодели его, обули, накормили и посоветовали заменить свою фамилию на польскую, объяснив, что так будет больше шансов найти место для ночлега, попросить продукты или другие необходимые вещи. Долго не раздумывая, Иосиф Пузач стал Феликсом (по белорусски – Фэліком) Кухарским. Псевдоним не только спас ему жизнь. Односельчане, узнав эту историю из его уст, после возвращения неофициально стали звать его Фэлик. Память о нем и по сей день живет в прозвище Фэликовые, которое носят его дети, внуки, правнуки.

Сослуживец И. Пузача – П. Господарик – после вытеснения русской армии из Восточной Пруссии оказался на Кавказском фронте и продолжал службу при штабе

полка. В отличие от передовой, где, как он вспоминал, со смертью приходилось сталкиваться на каждом шагу, здесь не свистели пули над головой, но сюда поступали сведения о людских потерях на фронте, от численности которых леденело сердце. Имея за плечами два класса церковно-приходской школы, П. Господарик занимался регистрацией погибших и раненых. Иногда ему приходилось присутствовать при захоронении погибших, и тогда он с особой тщательностью старался описывать эти координаты, осознавая, что его скрупулезность в будущем облегчит поиски их родным и близким. Он думал и о том, что в случае его смерти кто-то поступит соответствующим образом. П. Господарик был очевидцем драматических споров между офицерами русской армии о неудачах на фронте, которые разрешались порой с применением оружия. На всю жизнь ему врезался в память случайно подслушанный разговор между высшими офицерами, которые восхищались и высоко ценили выносливость, героизм, боевой дух солдат. Но до глубины души его потрясли и оскорбили их рассуждения о том, каким способом следует воспрепятствовать солдатам в будущем получать знания и развивать свои способности. Отцы-офицеры были обеспокоены судьбой собственных детей и не желали, чтобы они, вместо крестьян-патриотов, всю жизнь копались в земле. При этом офицеры считали, что им и свои головы беречь надо, а мусора, так они называли рядовых солдат, всегда хватит. Эти примеры крайней несправедливости П. Господарик настолько часто приводил в беседах со своими односельчанами, что они стали звать его «напшыклад», несколько измененное в разговорной речи белорусов как диалектное слово – напрыклад («например»).

В конце 1914 года на фронт из Тамбова были отправлены Ю. Ольховик и И. Павочка.

Ю. Ольховик воевал в Карпатах и потом рассказывал односельчанам о том, что их небольшой разведгруппе удалось захватить немецкого генерала и телохранителей. Его удивляло поведение пленных, которые по дороге к штабу беспрестанно молились, а потом, достав деньги из своих запасных карманов, пытались вложить в голенище сапог разведчиков. За участие в этой операции Ю. Ольховик получил краткосрочный отпуск, после которого на фронт не вернулся по состоянию здоровья. Жители деревни по достоинству оценили его поступок, называя вернувшегося солдата Юрочко. Соответственно, именем Юрочковые стали называть всех родных. Название *Юрочково* сохранилось даже в топографических объектах сельской местности – это были принадлежавшие ему лес, поле, болото.

Самым длительным был срок службы в царской армии у И. Павочки. Участие в военных действиях он начал на территории Польши. По его воспоминаниям, особенно кровопролитным было сражение на подступах к Варшаве, где текли настоящие реки крови, а некоторые солдаты от увиденного теряли рассудок. После тяжелейших испытаний русская армия, преследуя отступающих немцев, продвигалась к границам Германии. По непонятным для пехотинцев причинам часть солдат по приказу командования была отправлена в Москву. Больше всего это радовало И. Павочку, так как путь возвращения проходил через родную деревню. Он даже питал надежду получить краткосрочный отпуск. Такая практика имела место в царской армии. «Согласно высочайшим повелениям от 5 октября 1915 г. и 19 августа 1916 г. солдаты могли получить отпуск для устройства домашних дел и свидания с родными» [1, с. 73]. В крайнем случае, рассуждал он, хотя бы появится возможность встречи с родными. Каково же было его разочарование, когда, находясь

в нескольких шагах от своего дома, он не смог увидеть родных, сообщить о том, что жив. Руководство не разрешило рядовому пехотинцу хотя бы на несколько минут забежать в родной дом и порадовать своих родителей. Как выяснилось позже, в Москве они должны были предотвратить революционный взрыв и беспорядки по поводу недовольства царской властью. Но продолжающиеся неудачи на фронтах требовали пополнения рядов русской армии, и И. Павочка вновь был отправлен на Юго-Западный фронт. Однако революционные события в Петрограде, Москве и других городах России вновь возвращали солдат царской армии с фронта, теперь уже для установления власти большевиков. В этих рядах был и И. Павочка, за которым односельчане закрепили прозвище Большевик, перешедшее к потомкам, которых зовут Большевикувы, что напоминает о тех далеких событиях и об одном из их участников.

Территория Беларуси, которая входила в состав Российской империи, находилась в непосредственной близости от восточного театра военных действий. Летом 1915 года немецкие войска «захватили примерно 25 % территории Беларуси, где до войны проживало 2 млн человек» [2, с. 231]. Население захваченных территорий подвергалось массовым грабежам и насилию. По территории Беларуси тянулись неисчислимые потоки беженцев. Одних гнала война, многочисленные налоги, принудительные работы, вывоз рабочих и крестьян в Германию. Другие снимались с мест по приказу командования русской армии и жгли небольшие города и деревни, чтобы ничего не оставалось немцам. По приблизительным подсчетам, из Беларуси в это время ушло около 1,5 млн человек [3, с. 175]. К тому же началась новая волна мобилизации. На службу призывались лица пожилого возраста и молодежь досрочных призывов. К этой категории относились Л. Дубицкий, А. Копоть и Н. Пузач. Все они были отправлены на Юго-Западный фронт и перенесли тяжелейшие испытания. Они рассказывали о том, что им приходилось греть ноги в лужах крови из-за отсутствия обуви, поочередно носить теплую одежду, из-за отсутствия транспорта тащить на себе артиллерийские орудия, в минуты затишья во время сна приходилось раздеваться донага, так как одолевали насекомые, в касках готовить оставленные на полях овощи, чтобы не умереть с голода.

В памяти односельчан каждый из них занял достойное место. Н. Пузач за свой добрый нрав и внешний вид (у него на лице всегда был здоровый румянец) получил прозвище Боровик, а все его родные – Боровиковые.

Собственное имя Лявонь, и отсюда Лявоневые потомки, остались в памяти сельчан за Леоном Дубицким, которого сравнивали с С. М. Буденным за пышные усы, согревавшие, по его словам, сказанными в шутку, в окопах во время войны.

За родными трех поколений сохранилось прозвище Матавушавые, которое дал А. М. Копать. Вернувшись с войны, он часто употреблял в своей речи польские слова, и его отчество Матвеевич в белорусском языке произносилось как Матавуш.

В сентябре 1915 года кайзеровскими войсками была занята и деревня Малая Воля, в которой на тот период проживали всего 160 человек [4, с. 379]. У местного населения стали отнимать крупный рогатый скот, лошадей, продукты питания, фураж¹. Житель деревни Григорий Пузач, которому в это время было 18 лет, рассказывал, что мужчин, женщин и даже детей в принудительном порядке отправляли

¹ По этой причине жители соседней деревни Лупачи подожгли свои дома и ушли, кто на Восток в Центральную Россию, кто в далекую Америку.

на заготовку леса. Часть этой древесины перевозили в Германию, еще больше сплавляли по реке Щаре на ближайший фанерный завод вMOSTы, продукция которого шла на нужды немецкой армии. Жители деревни обязаны были по всей округе собирать сосновые пни для получения скипидара. От каждой семьи требовали сдавать определенное количество ржи, гречихи, ячменя, пшеницы. Были введены разного рода денежные поборы. Немцы отнимали у жителей деревни различные вещи, в которых они нуждались. Необычную историю, как след пребывания их в деревне, рассказал Г. Пузач. Дедушка братьев Ольховиков Антона, Михаила, Николая и Андрея служил в царской армии. Это был крепкий коренастый мужик. Ходили слухи, что он пил воду только один раз в год. Из армии он привез сапоги, которыми его наградили за службу. Немцы увидели его в новых сапогах и дали команду: «Старый казак, отдай буты (сапоги)». Очевидно, его внешний вид ассоциировался у них с казаками. Он лишился сапог, но для односельчан отныне стал «казак». Прозвище Казаковые и по сегодняшний день носят потомки всех четырех семей Ольховиков.

Дополнительные трудности пришлось испытать всем жителям при строительстве моста через р. Щара и дороги длиной в 32 км до ближайшего центра Дятлово. Деревня находилась в удобном, с стратегической точки зрения, месте, и по фортификационным нормам необходимо было сооружать высокие насыпи на обоих берегах реки. Жители ежедневно мешками, котомками приносили, на небольших деревянных тележках привозили песок. Заготовленного леса для строительства моста было недостаточно, и тогда вырывали потолки, полы в домах, разрушали хозяйственные постройки. Мост и дорога так и остались недостроенными, а насыпь на берегу реки, хотя и заметно уменьшилась с течением времени, носит и сегодня название Немчурова (немецкая) горка.

К счастью, судьба оказалась благосклонной к жителям деревни Малая Воля и участникам Первой мировой войны, которые живыми и невредимыми вернулись домой. Их фронтовой опыт, реконструируемый по рассказам односельчан, предстает сложным переплетением долга, возложенного на крестьянина-солдата, который он с честью выполнял, и отсутствием осознания причин и целей непонятной войны. Современники, сами испытавшие и пережившие всю тяжесть немецкой оккупации, очень метко, с присущей им народной мудростью, изыскали для фронтовиков особую форму награды, не требующей ни материальных затрат, ни моральных усилий. Потомки бережно хранят память об участниках Первой мировой войны, о своих односельчанах, переживших мировую катастрофу.

Список использованных источников

1. Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2.
2. Елизаров С. А., Нарижная Е. П., Неверова З. А., Юрис С. А. История Беларуси в контексте европейской цивилизации. Минск: Вышэйшая школа, 2016.
3. Ігнатоўскі У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск: Беларусь, 1992.
4. Памяць. Дзятлаўскі раён. Мінск, Універсітэцкае, 1997.
5. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914–1918: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2014.
6. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918). Екатеринбург, 2000.

7. Родин Н. В. Великая война 1914–1918 гг. и национальная память России: проекты и реалии // Великая война 1914–1918. Вып. 3. М.: МБА Квадрига, 2013.

8. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014.

9. Россия в Первой мировой войне. Великая забытая война. М.: Яуза Эксмо, 2014.

10. Сараковік І. А. Гісторыя Беларусі ў кантэксте сусветнай гісторыі. Мінск: «Современная школа», 2009.

11. Сенявская Е. С. Отношение к жизни и смерти участников Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25).

Поступила 15.09.2016; принята к публикации 15.10.2016

Новик Вера Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, *novik_v.m@mail.ru*

WORLD WAR I: PARTICIPANTS AND CONTEMPORARIES IN MINDS OF DESCENDANTS

V. M. Novik

The article is devoted to the reconstruction of the war experience of the participants of World War I from Belarusian countryside whose memories are cherished naturally by their descendants. The author, a native of the Belarusian village Malaya Volya, collected memories of relatives and fellow villagers of World War I events for many years. Applying the method of oral history and military anthropology, the author recreated the atmosphere and mood during the stay of the villagers in the village Malaya Volya at the front, in the Austrian captivity and German occupation. An essential part of the narrative is to analyze the data of the local place names and origins of the village of nicknames, which became a kind of manifestation of historical memory. An essential part of the narration is to analyze data of local names and origin of rural nickname, which became a kind of manifestation of historical memory. There are memories of the German occupation of the village, the military campaigns of soldiers to revolutionary Moscow, relations between officers and soldiers in the Russian tsarist army. There is shown figuratively psychological state of the Belarusian peasant, whose moral principles have been violated by the war. There are shown house life and the daily life of the villagers in the trenches of war, in the Austrian captivity, during the occupation of the village by German troops. Fortunately, fate was kind to the people of the village Malaya Volya and participants of World War I, most of whom have returned home safe and sound.

Keywords: World War I, Belarus, Malaya Volya, war participants, memory, descendants.

Citation for an article: Novik V. M. World War I: participants and contemporaries in minds of descendants. West – East. 2016, no. 9, pp. 155–162.

References

1. Astashov A. B. Russkij krest'janin na frontah Pervoj mirovoj vojny [Russian peasant in the First World War]. *Otechestvennaja istorija* = National History, 2003, no. 2. (In Russ.)

2. Elizarov S. A., Narizhnaja E. P., Neverova Z. A., Juris S. A. Istorija Belarusi v kontekste evropejskoj civilizacii [History of Belarus in the context of European civilization]. Minsk: Vyshhejschaja shkola, 2016. (In Russ.)
3. Ignatoŭski U. M. Karotki narys gistoryi Belarusi. Minsk: Belarus', 1992.
4. Pamjac'. Dzjatlajŭski raen. Minsk, Universitjeckae, 1997.
5. Pervaja mirovaja vojna v ocenke sovremennikov: vlast' i rossijskoe obshhestvo 1914–1918: v 4 t. [The First World War in the assessment of his contemporaries: the government and Russian society, 1914–1918]. M.: ROSSPJeN, 2014. (In Russ.)
6. Porshneva O. S. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914–1918) [Mentality and social behavior of workers, soldiers and peasants of Russia during the First World War (1914–1918)]. Ekaterinburg, 2000. (In Russ.)
7. Rodin N. V. Velikaja vojna 1914–1918 gg. i nacional'naja pamjat' Rossii: proekty i realii [Great War of 1914–1918. and Russian national memory: projects and reality]. *Velikaja vojna 1914–1918 = The Great War 1914–1918*, vyp. 3, M.: MBA Kvadriga, 2013. (In Russ.)
8. Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny: jekonomicheskoe polozenie, social'nye processy, politicheskij krizis [Russia during the First World War: the economic situation, social processes, the political crisis]. M.: ROSSPJeN, 2014. (In Russ.)
9. Rossija v Pervoj mirovoj vojne. Velikaja zabytaja vojna [Russia in the First World War. Great Forgotten War]. M.: Jauza Jeksmo, 2014. (In Russ.)
10. Sarakovik I. A. Gistorija Belarusi ŭ kantjeksce susvetnaj gistoryi. Minsk: Sovremennaja shkola, 2009.
11. Senjavskaja E. S. Otnoshenie k zhizni i smerti uchastnikov Pervoj mirovoj vojny: ocherk frontovoj povsednevnosti [Attitude to life and death of the participants of the First World War: A Short frontline everyday life]. *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal = Past years. Russian Historical Journal*, 2012, no. 3 (25). (In Russ.)

Submitted 15.09.2016; revised 15.10.2016

Novik Vera M., Candidat of Historical Scinces, PhDr, Mari State University,
Russia, Yoshkar-Ola, *novik_v.m@mail.ru*

УДК 94(100)"1914/19"(093.3)

**В ОКОПАХ И В ПЛЕНУ: СОЛДАТСКИЙ ДНЕВНИК
ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)****А. Н. Кудрявцев, А. В. Соколов**

Данный текст является продолжением публикации солдатского дневника Первой мировой войны, автором которого был старший унтер-офицер 130-го пехотного Херсонского полка Николай Демидович Мурсатов, уроженец Вятской губернии. Копия дневника была представлена жителем г. Йошкар-Олы, в семейном архиве которого сохранилась эта реликвия. В первой части дневника были описаны события ноября-декабря 1914 года, когда его автор был мобилизован в городе Вятка и попал в действующую армию в 130 пехотный полк Бессарабского полка (Запад – Восток. 2014. № 7. С. 136–152). Записи содержат описание мобилизации, военные действия в предгорьях Карпат и осаду Перемышля, солдатские жизнь и быт первой военной осени. Вторая часть дневника посвящена военному плену, в который попал Николай Мурсатов в декабре 1914 года. Первая многочисленная партия военнопленных в годы Первой мировой войны была захвачена именно в это время, во время сражений в Польше на Карпатском фронте. Текст содержит исторические сведения о настроениях в российской армии, быте военнопленных в австро-венгерском плену на территории современных Польши и Австрии. Во время пленения и первых допросов российские солдаты и офицеры, по свидетельству автора дневника, сохраняли достоинство и не раскрывали сведений. Общение с офицерами во время допросов происходило на смеси славянских языков. Первоначально отношение к пленным со стороны австрийцев было достаточно гуманным: они делились продуктами и табаком. Автор дневника сменил несколько лагерей, особенно подробно им описан крупный австрийский лагерь для военнопленных в Мархтренте. Автор сообщает численность пленных, число бараков, их расположение. Материалы дневника свидетельствуют о том, что в лагере стремились соблюдать международные нормы. Но при этом пленные испытывали недостаток в продуктах, болели, не имели возможности работать. Материалы дневника сохранили подробные данные о рационе и нормах питания пленных, болезнях и прививках, правах и обязанностях, различных чрезвычайных происшествиях.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, лагеря военнопленных, Мархтрент.

Для цитирования: Кудрявцев А. Н., Соколов А. В. В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны (продолжение) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 163–180.

Винтовки у нас отобрали и почему-то оставили в лесу – не понесли с собой. Патроны выбросили у нас, патронные сумки у нас отобрали и стали обыскивать вещевые мешки, но у меня ничего не отобрали. Один австриец просил у меня кокарду, я ему не отдал; тут они что-то забормотали по-своему и один у меня отобрал фуражку. Я не хотел отдавать ему, тут накричал один на меня, и я замолчал. Который отобрал у меня фуражку, тот вынул из своего вещевого мешка фуражку – грязную и черную – и надел на мою голову российскую фуражку черного цвета

с чехлом; у нас были цветные защитного цвета. Потом повели нас к своим на позиции: назначили двух конвойных рядовых и одного унтер-офицера за старшего. Шли мы по тропе лесом; стрельба шла с обеих сторон – справа и слева. Тогда я только понял подробно, что неприятель находился с левой стороны, а с правой стороны стреляли наши. Эти 13 человек были, наверное, их разведчики.

Стали мы подходить к их позициям. Повели нас кругом лесом, обошли и встали. Зашли на позиции, а вперед прямо не повели нас из-за того, что шла стрельба – австрийцы стреляли. Позиция у них занята была на вершине гор, возле лес. Были окопы у них, фланги были загнуты, был один пулемет. А впереди окопов была полянка кругом, шагов на 400. С этой горы я посмотрел откель стреляют наши и увидел через верхушку леса на расстоянии версты с полторы наши позиции. Наша артиллерия стреляла с правой стороны и давала недолет. Из винтовки наши стреляли спереди и справа. Потом повели нас к командиру австрийскому. Они находились сзади – в лесу. Офицеров их было тут много и были уланы на конях. У нас – казаки, у них казаков нет, а вместо казаков – уланы. У нас кроме казаков есть и уланы.

Тут командир стал нас допрашивать по-русски, как излапали. Мы стали рассказывать, что мы были высланы дозорными пять человек в лес, я был за старшего. Он у меня увидел – на погоне пришиты три тренчика. Он спросил: «Ты, пан, капрал?», я ответил: «Так точно». А другой офицер говорит: «Это шукствир»¹. По-австрийски капрал означает младший унтер-офицер, а шукствир – старший унтер-офицер. А [слово] «дозоры» они не понимают, по их – «патруль». Вообще они мало понимали по-русски. Потом спросил: «Какой регилимент?»². Мы не ответили на вопрос, потому что мы не знали, что он спрашивает. Потом другой офицер спросил: «Какой полк?» Мы сказали – 130-й Херсонский полк. Потом спросил: «Какой компании?» Мы опять стояли и молчали. Другой офицер спросил: «Какой роты?», мы ответили – 10-й. Это все он записал в книгу, затем спросил: «Где ваша рота [находится]?» Я отвечал ему все наоборот – я сказал, что мы не знаем, где сейчас [она] находится. Потом [он] спросил: «Сколько у вас войска тут находится?». Я ответил ему, что тут я видел только одну нашу роту; мы только вчера на позиции пришли из России, мы ничего не видали. Потом [он] отступился спрашивать нас. Это спрашивал офицер, который говорил по-русски хорошо.

Потом другой офицер поднес нам папиросы и дал нам по папиросе. Мы говорили ему, что у нас табак есть, а хлеба нема – «ниц», кушать хочется. Тут стояли солдаты их – один австриец принес мне полбанки консервов, а хлеба у них у самих не было. Тут я увидел, что сами австрийцы ели картошку без хлеба.

Затем повели нас прямо лесом; два улана сверху – конвойные. Вышли мы из лесу и поле и шли по дороге. Наша артиллерия стреляла все время, австрийская артиллерия тоже стреляла. Наши снаряды падали прямо над нами – нас погнали бегом. Дошли мы до опушки леса, тут была одна хата и стоял австрийский обоз, а в этой халупе произведен [был] перевязочный пункт. Тут нас остановили, и видел я – несколько человек принесли раненых на носилках, а некоторых вели – австрийцев было тут много. Тут нас обставили кругом австрийцы и спрашивают – где вас излапали? Мы сказали – под Тарновым³.

¹ Транскрипция воинского звания *цугсфюрер*.

² Полк.

³ Тарнов или Тарнув – ныне город в Польше.

Потом я сказал им: «Паны, хлеба нема у нас – кушать хочется, уже три дня не кушали». Потом мне один австриец принес кусочек хлеба; хлеб был хороший и белый – я поел вместо меду. А другой австриец отдал мне полбанки консервов и вилку – я тут закусил хорошо. Товарищам моим тоже дали по кусочку хлеба и консервов понемногу, видать, австрийцы были добродушны. Вилку я отдал австрийцу обратно, [тому], который мне давал и сказал ему: «Зинкую¹, пан».

Затем повели нас прямо поле верст 8 до местечка, где стоял штаб дивизии. Тут нас конвойные сдали караульному начальнику, и повели нас в караульное помещение. Пришли мы в караульное помещение: тут были австрийцы – человек десять часовых, а на полу лежало двое наших солдат пленных. Нам приказали снять шинели и положить на пол. Мы сняли шинели и положили на пол.

Тут один австриец сидел за столом и стал разговаривать со мной, спросил меня: «Ты капрал?». Я ответил ему – капрал. Он подступился ко мне грозно: ты, говорит, командовал над нашими солдатами. Потом он стал стращать нас: вас, говорит, поведут в Германию, Германия вас повесит вот так – показал нам вниз головой. Я ему ответил, что нас в Германию не поведут, потому что нас не Германия взяла, а Австрия; будем мы находится в Австрии. Затем стал говорить: «Зачем – говорит, вы в Галиции жену мою обидели?». Я ему сказал, что мы в Галиции не были – он не поверил мне. Потом другой австриец увидел у меня ремень российский, опоясан на рубашке. Он выпросил у меня посмотреть – ремень был хороший, с медной бляхой – он надел на себя. Я стал просить у него обратно – он не отдает мне; я взял за ремень и хотел отобрать у него. Тут другой австриец что-то сказал ему по-своему. Этот австриец задал мне оплеуху хорошую и забормотал что-то по своему и указал мне место на полу, дескать, ложись на пол. Мне делать нечего стало, я больше слова не сказал и спокойно себе лег на пол с товарищами. Нас было 7 человек, да вечером привели 9 человек Бендерского² полка, а ночью привели целую партию – 317 человек Бендерцев. Забрали австрийцы весь 4-й батальон (10-го числа) и 4 офицера; забрали полковника, командующего батальоном, и ротных командиров, и подпрапорщиков. Нас стало 333 человека.

Ночью нас повели ночевать в каменный холодных погреб, где было навалено картошки. Нагнали нас в хлев как скотину и еще хуже, и легли мы по порядку на холодную землю, а некоторые спали на картошке. Окошек не было, и огня не было – было темно, как в темном карцере. Дверь заперли на замок, и снаружи у дверей стоял часовой. До ветру³ по одиночке не выпускали, а когда наберется человек 10, тогда водили часовые по два человека, а некоторые прямо в погребе мочились, если невтерпех.

Утром 11-го нам дали каво⁴, а хлеба не было, сказали, что здесь хлеба нет, а вечером выдадут в местечке, до местечка 25 верст. Когда мы напились каво, пришли конвойные человек 20 и один офицер и повели нас по шоссе на дороге. Конвойные шли спереди двое и сзади один, остальные шли по бокам. Шли мы не очень ходко и через пять верст давали отдых на пять минут. Конвойные вели нас строго, чтобы в сторону от дороги ничуть не отошли; и [чтобы] сзади [никто] не остался – били прямо прикладом.

¹ Дзякую (малоросс.) – благодарю.

² 132-й пехотный Бендерский полк.

³ По нужде.

⁴ Каво (слав.) – кофе.

Вечером мы дошли до местечка Ржевск¹, перешли мы 25 верст. Город отличный, есть фабрики и заводы. Прошли мы мимо площади, вся эта площадь была занята автомобилями. Тут было более сотни авт[омобилей], и разной системы, но больше всего было больших, на которых возят разные продукты и раненых. Провели нас за город и остановили нас у одной хаты – тут был нам ночлег. Завели нас на двор, куда гнали скотину. На дворе было холодно, и были мы голодные. Нас заперли на замок и никуда не выпускали, кроме до ветру, а то можно было бы достать хлеба и сала покупить. Ночью нам принесли каво, а хлеба не выдали почему-то. Тут я у многих солдат видел – пили каво с сухарями, а мы 4 дня уже без еды. Были и деньги – купить негде, дал бы за фунт² 50 коп., но видно делать нечего. Как суждено, куда Бог поведет нас, пока жив – нужно пострадать.

Утром 12-го выгнали нас из двора; тут было несколько женщин – продавали сало свиное и был хлеб – некоторые успели купить. Продавали яблоки, сала было достаточно и можно было купить вареное. Только тем плохо, что русские деньги не брали нипочем. У меня австрийских денег не было – мне не пришлось купить; у кого были австрийские деньги, те купили сало и яблоки, и даже хлеб достали. Затем построили нас по 4 и повели командой. После обеда дошли мы до г. Бохния³, перешли верст 15. Шли мы по шоссе; замечательно, что когда мы переходили 15 верст, то всю дорогу ехал обоз с разными продуктами – везли со станции Бохнии на позиции. И ездили все время взад и вперед на автомобилях из Бохнии – везли продукты: хлеб и муку, и одежды теплые. На автомобилях навалено [по] несколько десятков пудов. С позиции – везли раненых и ехали на простых⁴ [автомобилях] за продуктами. Заметил я, что около Бохнии, на поле женщины копали окопы, а мужчины, старики и малые уделывали дорогу – разравнивали ямы, грязь где, и вода на дороге – отталкивали железными лопатами в сторону. Все жители помогали своим войскам.

В Бохне привели нас на площадь, остановили нас, и мы отдохнули тут. Выдали нам по три сухарика (сухари у них белые), и был обед, но порций не было, а суп был очень вкусный – рисовый, жирный, сварен из консервов. Мы тут пообедали хорошо с сухарями. Я 4 с половиной дня не ел, на 5-й день и я поел хорошо.

Теперь я смотрел на город Бохнию и удивлялся – он вовсе стал другим. Две недели тому назад, когда мы были в Бохне – стояли два дня – тогда мне показался этот город невеселым и каким-то роскошным: жизни не было в нем, лавки были разорены, магазины были заперты, фабрики не работали. А теперь стал веселым: видать, что в больших каменных домах живут жители, и открыты магазины – идет торговля, фабрики стали работать, вольные⁵ жители наехали. И много собралось вольных кругом нас, только близко не допускали их конвойные. Видел я – многие принесли хлеб, наверное продавать. Если бы допускали их, то мы бы могли купить себе хлеб и всего.

Видел я тут на площади стоял австрийский обоз и несколько автомобилей. [Там], где стояли мы, рядом стоял большой двухэтажный каменный дом. В этом

¹ Rzezawa – ныне город на юге Польши.

² Фунт – мера веса. В тексте имеется в виду русский фунт, в указанный период равный 409,5 грамма.

³ Бохня – ныне город в Польше.

⁴ Здесь: разгруженных.

⁵ Здесь и далее: гражданские.

доме стояли австрийские солдаты, они вышли к нам, некоторые продавали хлеб. Брала за хлеб с нас дорого – по 50 коп. продавали маленький хлеб[ушек]. Тут много ходило австрийцев и спрашивало – нет ли у кого часов на продажу; у кого есть часы, то продайте сейчас, а то у вас их будут отбирать без копейки, и говорили, что русские деньги тоже будут отбирать. Я тут заметил – некоторые продавали часы и меняли на хлеб; русские деньги тоже многие меняли – за рубль давали австрийские две кроны. Заметил я – тут много было пьяных австрийских солдат, некоторые валялись тут [же] на земле. И видел – у многих наших солдат австрийские унтер-офицеры отбирали наши башлыки и баклаги¹ цинковые. Многие наши солдаты спрятали башлыки и баклаги в вещевые мешки – у тех не отбирали. Затем пришел к нам австрийский офицер и увидел, что делают австрийские солдаты. Он громко закричал на них и стал ругать их, обнажил шашку и стал их бить – они все убежали в помещение. Наши солдаты доложили ему, что [они] у нас отбирали башлыки и баклаги. Он побежал в помещение и в ту же минуту вынесли все, что отобрали и раздали всем, у кого отбирали.

Бохнию брали наши два раза. В первый раз взяли наши без боя, когда отступали австрийцы и ушли верст за 15 от Бохнии. Потом наши отступили, оставив Австрию. Когда наши стали наступать, взяли в другой раз с боем. Когда мы отступали от Карпатских гор верст 40, то Бохнию взяли они обратно.

Когда мы пообедали в Бохнии, то после обеда еще повели нас верст 10. Шли мы возле железной дороги; по сторонам, недалеко от дороги были деревни и отдельные хаты. Все вольные жители выходили смотреть на нас – старые и малые. Сколько замечал я – у них остались дома только старые и малые и женщины. Нас шло много и были наши многие в папахах серых; они думали, что это идут казаки. Малые ребята и женщины насмехались над нами и кричали «Кур, кур, кур... Давай кур!» Тут [же] женщины кричали: «А, мать вашу, курву! Что, излапали? А, давай хлеб, давай млеко! Что, пошли Краков отбирать?». И многие спрашивали своих конвойных – казаки ли это. Они думали, что в серых шапках только казаки, потому что наши казаки были в серых шапках. Они видывали, когда наши казаки их кур ловили. Или гуся поймает их, сел на коня и помчался – они денег не платили. Они боялись наших казаков. Дорогой заметил я, что по железной дороге железный мост был взорван австрийцами. Тут много было рабочих, работали... Телеграфные столбы были отпилены, телеграфные провода были во многих местах отрезаны – все это австрийцы удеывали.

Ночью мы дошли до местечка, где был нам назначен ночлег. Загнали нас во двор; во дворе было холодно и грязно. Затем перевели нас в одну хату, тут было тепло, только тесно было – все мы спали сидя, даже голову было неуда наклонить. Накурили табаком; дыма – полная хата; сидели мы всю ночь как в аду. Ночью принесли конвойные нам каво и роздали всем по черпаку, а хлеба не было...

(часть текста утеряна)

...по четверти буханки выдавали хлеба, кроме казенного.

26-го декабря я послал письмо на родину и прописал, что я нахожусь в плену в Австрии. С 21-го по 26-е погода была скверная, каждый день дождь, а после дождя сырой снег – грязи было довольно, а снегу не было вовсе.

¹ Фляжки.

С 26-го [декабря] по 1-е января погода умеренная. 3-го января я послал другое письмо на родину. Замечательно, что 3-го числа был гром и молнии, после того пошел град и дождь, а ночью был сильный ветер и поднялся туман. 4-го весь день был туман, вроде дыма, так же ничего не видно было. С 4-го по 7-е переменная погода, выпал снег. 8-го мороз.

9-го тепло – весь снег растаял. Утром был смотр генералом. Замечательный день – ..., тепло и солнечно. Днем на небе видна была ... звезда на юге. Отправили из нашего лагеря 1000 человек пленных и неизвестно куда ушли по шоссе-ной дороге на запад. Наши пленные обрадели и кричали «Ура!» – думали и говорили, что мир, отправляют нас через Румынию.

11-го был дождь, 12-го и 13-го сырой снег. 14-го – холодно.

14-го стали нас гнать на прогулку два раза. Стали нам выдавать хлеб каждый день по буханке на двоих, весом не более 2½ ф. буханка. У них вешают¹ тесто одному по три фунта. Пищи получали мы каждый день. Утром часов в 6 давали нам каво; обед в полчаса 11, ужин в 5 часов. На обед выдавали порцию. Но только порции выдавали очень маленькие – не более как 12 или 14 золотников². Пищи варили попеременно в каждый день разное, но только выдавали не помногу – нам не хватало пищи и хлеба, мы всегда были голодны. С первых дней и я был сыт каждый день, пока были деньги покупал хлеб в лавке по 25 коп. буханку. Хватало на два дня с казенным. Покупали селедку по 9 коп. и курить табак. Но пока же, Слава Богу, живется хорошо, а вперед, Бог знает, как будет. Денег у меня осталось немного, жалование здесь не выдают, за работу не платят. Платят только тем, которые прибыли раньше – они записались к вольному подрядчику ходить на работу каждый день – только они получали от подрядчика по 10 коп. за день.

(часть текста утеряна)

...в Россию через Румынию. Я подошел к конвойному австрийцу и спросил его. Он мне сказал, что вас отправляют в другой лагерь. Тогда мы узнали, что нас ведут не на станцию, а в другой лагерь. Наш лагерь расположен был вблизи города Лодзи³. Прошли мы верст 12 и вот, наконец, и Монхтрек⁴ перед нами стоит около города Вельса⁵. Видно – здесь много барачков построено в ряд и кругом. И вот простым глазом всякий видит солдат – белеют Альпийские горы. По ним ведь когда-то ходил Суворов. Эх, если бы родиться в те времена...

Затем мы проходили лагерем. Видать, и в этом в лагере много солдат наших пленных. Наконец, нас остановили; пришли офицеры и отсчитали нас по 200 человек в каждый барак. Барачков много было еще простых. Нас двести человек определили в 8-й барак, 3-й батальон. Здесь матрасы, подушки и одеяла были для нас готовы [уже]. И вот в другом лагере начали мы жить в австрийском плену. Тяжелые дни: с первых же дней стали нас гнать на работу. И гоняли в каждый день несколько сот человек на работу. И гоняли в большую часть на станцию работать [на] железную дорогу, потому что провели рукава по всем лагерям.

¹ Здесь: взвешивают.

² Золотник – мера веса, равная 1/96 части фунта, 4,266 грамма.

³ Лодзь – ныне город в Польше.

⁴ Мархтрэнк – лагерь военнопленных, одноименный, названный по городу дислокации на территории современной Австрии.

⁵ Вельс – город на северо-западе современной Австрии.

Погода с 27-го по 30-е тепло и солнечно, снег растаял весь. 1-е февраля – австрийский 13-й день февраля – воскресенье, Заговенье на Великий пост. Нам выдали жалованье за 11 дней – по 8 коп. за каждый день, итого получили 88 коп. по 20-е число февраля (осталось недополучено за 42 дня). В каждый день пищи нам варили разное и давали немного, по утрам давали каво. Буду описывать с 1-го февраля пищу. А хлеба известно сколько нам выдавали – два с половиной фунта на двоих.

1-го утром – каво, обед – борщ, ужин – картофельный суп. 2-го – каво, обед – рисовый суп, ужин – фасоль. 3-го – каво, обед – перловый суп, ужин – фасоль и капуста. 4-го – каво, обед – перловый суп, ужин – рисовый суп. 5-го – каво, обед – перловый суп, ужин – рисовый суп.

6-го – каво, [на] обед была редкая фасоль с бобами – можно было сосчитать в баках сколько бобов было, а червей, наверное, было больше, чем бобов. Сварили одну мутную воду; наверное, нисколько не мыли бобов, а эти черви, наверное, вроде мошки были в бобах – и все вместе сварили нам, русским пленным. А у нас бы, наверное, свиньи не стали есть такую пищу, но мы тоже не приняли эту пищу, оставили так. И [в] некоторых бараках тоже не приняли эту пищу, забастовали. Мы об этом доложили старшему конвоиру австрийцу – что мы не будем принимать обед, потому что сварили с червями. Австрийцы свалили вину на нас – говорят, что вы сами набросали червей. Затем мы доложили об этом коменданту, комендант сейчас же выслал фельдшеров. Фельдшера осмотрели наш обед и действительно признали негодным; сейчас же приказали отнести баки обратно на кухню и сказали нам, что сейчас же вам отменят пищу. Но это нам не отменили, а суп вылили в яму – мы остались без обеда. Будем же помнить, друзья, как нас кормили в Австрии.

Погода с 1-го по 6-е – тепло. Люди в бараках стали заболеть разными болезнями. У нас, в 8-м и 7-м бараках, признали доктора заразную болезнь – тиф. 7-го утром – каво, обед – манный суп редкий, ужин – перловка. 7-го числа комендант приказал старшим барака отобрать русские деньги и вообще драгоценные вещи: часы серебряные, и кольца серебряные и золотые под записью старшего барака, имени, фамилии и личного №. И объявил, что эти деньги сдадутся в канцелярию, и когда будем уезжать в Россию это все вернется обратно. После того был нам смотр врачом; он записал всех больных в бараке. Оказалось больных в нашем бараке 27 человек, а в 7-м бараке – 25 человек. Собрали команду и сейчас же отправили их в лазарет, а остальным людям здоровым врач приказал, чтобы никуда не ходить, кроме отхожих мест. И приказал, чтобы эти два барака обнесли кругом проволочной решеткой. Пришли рабочие и стали работать. Всю ночь они работали и обнесли кругом два барака проволочной решеткой; оставили только дверь и проход в отхожее место. На дверях стоял часовой, он кроме санитаров никого не пропускал.

7-го и 8-го дождь. Утром 8-го – каво, обед – перловка, ужин – фасоль с капустой. 9-го – каво, рисовый суп, ужин – фасоль. Люди стали заболеть – 9-го числа оказалось у нас больных 15 человек, а в 7-м бараке – 17 человек. Собрали команду и отправили их в лазарет, затем пришли к нам врач и санитары, осмотрели все у нас и приказали выкопать яму возле барака и жечь матрасы и подушки больных. Нас никуда не выпускали из барака – сидели как в тюрьме. Обед нам носили в барак, воду тоже. Затем выдали нам личные номера и приказали пришить

к шинели и рубашкам. А под вечер нас выгнали из барака со всеми вещами и стали нас пропускать по 25 человек и привели нас в простой барак. Зашли мы в коридор, и приказали нам снять с себя все белье, связать и сложить в кучку, а хлеб и котелки взять с собой. Зашли мы в барак и видим – стоят тут колоды. Выдали нам по куску мыла, а санитары таскали горячую воду; и мы стали мыться. Когда помылись – выдали нам чистое белье австрийское и выгнали нас в другую половину барака и заперли на замок. Выдали нам только сапоги, а черное белье и шинели парили на сухом пару до ста градусов – это чтобы избежать вшей. И продержали нас в холодном бараке целые сутки в одной рубашке, мы всю ночь не спали, потому что холодно было. Тут возле барака работали все время четыре машины – грели воду и белье парили.

10-го числа обед принесли нам в барак. После обеда нам выдали шинели и черное белье, и вещевые мешки. Выдали нам мазь от вшей, и смазывали мы все тело, а под вечер пришли мы в свой барак. В бараке у нас все стены и нары были смазаны карболовой известью; в матрасах и подушках солому у нас вытряхнули, и нам пришлось спать на голых нарах три ночи. Погода была холодная.

11-го – каво, обед – перловка, [ужин] – рисовый суп. Чувствую я, что нездоров: сильно заболела у меня голова и живот. Нас заболело много, потому что мы простыли, когда сидели в холодном бараке. 12-го завтрак – перловка, обед – мамалыга, ужин – фасоль. 13-го – каво, обед – перловка, ужин – фасоль. Набивали в матрасы свежую солому. Слышу я себя, что у меня боль увеличивается, аппетита у меня не стало. Многие уже заболели и взяли их в лазарет. 14-го – каво, бобы, борщ. Я пошел в околоток¹ – дали мне порошок. 15-го – каво, бобы, рис. Погода с 9-го по 15-е – холод. Ходил я в околоток – дали порошок. Слышу себя – живот у меня перестал болеть, а голова сильно болела, и аппетита у меня не было. Хлеба у меня оставалось, а порции раздавал товарищам. Больных из нашего барака – 65 человек. 16-го завтрак – редкая перловка, обед – рис, ужин – борщ. 16-го послал я письма на родину. Погода – гром, молнии и дождь.

17-го дождь. Утром – каво; бобы, перловка. Я пошел в околоток и положили меня в лазарет; выдали нам чистое белье, а черное все мы сложили в кучу – шинель и шаровары – и стали парить. С первых дней у меня температура была на 39, а потом стала меньше. С 17-го по 28-е пробыл я на молоке; хлеб выдавали белый. А с 25-го температура [у меня] стала нормальной – 36 и 8. С 28-го перевели меня на порции, и хлеб уже я стал получать черный – стал я выздоравливать.

Порядок в лагере был такой: кто состоит на молоке, тому выдавали хлеб белый – булочку весом с полфунта, порций не выдавали, а суп получал особый – без жира и без соли. А кто состоит на порции – суп получал жирный, а порции в увеличенном виде; хлеб получал ржаной и мягкий, весом не более полуфунта. Когда стали мы выздоравливать – хлеба нам стало мало; мы покупали за дорогую цену. Деньги нам тогда выдавали жалованьем по 8 коп. в день. В 6 часов утра получали мы чай; часов в 10 каждого дня приходил врач, осматривал больных. С врачом ходил санитар и переводчик, который мог говорить по-немецки. Фельдшера и санитары были наши – русские пленные. Лекарства выдавали фельдшера. [В] полчаса одиннадцатого получали хлеб; [в] 11 часов был обед; перед обедом тяжело больным подавали по рюмочке красного вина. [В] три часа получали

¹ Околоток (устар.) – здесь: врачебный пункт при воинской части.

чай, а тяжело больные получали вареное молоко; [в] пять часов был ужин. Железные печи топили все время, и можно было вскипятить чайку.

С 18-го февраля по 1-е марта погода была хорошая – тепло и солнечно. Говорят, что 1-го марта прибыло пленных в наши лачуги с позиций около шестисот человек, и было много между них девятьсот пятидесятого года. Это нам рассказывал солдат из нашего барака. Он пришел к нам – принес жалованье за десять дней. Мы до сего времени не слыхивали никаких новостей, потому что нас никуда не выпускали, хотя [мы] и выздоровели – никого к нам не допускали в барак, кроме санитаров и служителей. Мы обставили его кругом и стали спрашивать его, нет ли каких новостей у нас в лачуге. Он стал нам рассказывать [то], что мы слышали от старшего хлебопека, что нам еще хлеба сбавят. Сейчас мы получаем буханку на двоих – каких-нибудь два фунта с половиной – а теперь будут выдавать этот же хлеб на троих в день. Это мы не поверили ему, стали мы говорить ему, [что] этого не должно быть, потому что и сейчас нам выдают мало, тогда мы с голоду помрем все. Слыхал я разговор от солдат раньше, и теперь – говорят все одно: «Эх, хлеба мало. Если бы хлеба давали побольше, тогда бы и пищи довольно было бы, [а] то все не хватает нам – всегда мы голодны, да еще голодный народ постоянно гоняют на работу». Почему больных сейчас много, все лазареты ведь наполнены больными? Потому что люди голодные, малокровные, и одежда на них плохая – чуть простыл и заболел, и кроме того, есть у нас заразная болезнь, которая называется тифом. Она если заберется в барак, то [всех] подряд она забирает. Мало ли помирает людей от этой болезни?»

2-го марта действительно хлеба стали выдавать буханку на трех человек; на одного человека приходится не более как три четверти фунта. Говорят, что наши хлопцы не приняли этот хлеб – забастовали и не пошли на работу на другой день, хотели взять с австрийца свое, но видно воля не наша, пришлось повиноваться одному, хотя нас и много – около двадцати тысяч в этом лагере. Остались все без хлеба 2-го марта и [так и] не выдали за этот день. 3-го марта получили буханку на троих, потому что австрийские офицеры стали говорить: «Если не будете получать хлеб, то будем вас расстреливать»; и с третьего марта стали печь хлеб на двоих уменьшенного вида, а своим солдатам выдавали по старому – не уменьшили.

4-го марта врач выписал нас, человек 15, из нашего лазарета здоровых. 5-го марта сходили мы в ванную – помылись, и выдали нам чистое белье, а грязное все мы оставили тут; и повели нас в новый барак. Собралось нас человек 80 в этот барак. Приходил врач каждый день и через три дня выписывал здоровых в свои бараки. Хлеб и пищу получали как и в лазарете: хлеба получали не более как с полфунта, но мягкого, чистого ржаного. Пищу стали варить редкую, и хлеба мало – в желудке пусто, есть хочется, и купить негде. Если где найдешь купить – [за] буханку платили по 80 коп., и по 1 руб. за буханку весом два фунта с четвертью. Новости? Слыхали мы от австрийцев вольных, что 9-го марта [в] 8 часов утра взяли наши первоклассную крепость Перемышль¹, сказывали нам. Наши переводчики читали немецкие газеты и рассказывали нам, что в городе Вене идет бунт из-за хлеба – рабочим фабриканты стали выдавать хлеба мало, и мирным жителям выдают с весу очень мало; говорят, что в Вене 12 рублей пуд муки, а мяса – 30 руб.

¹ Речь идет о капитуляции австрийской крепости в ходе 2-й осады русскими войсками 9 (22) марта 1915 года.

пуд и все продукты стали дорого. Я слышал от наших рабочих, которые ходят на станцию на работу – они говорят, что у вольных австрийцев хлеба нет нисколько. [Те], которые работают на станции, питаются рисом, рыбой и картошкой.

10-го марта врач выписывал здоровых в свои бараки – выписал 40 человек; меня еще не выписал, потому что я был еще слаб. 11-го пришло 50 человек слабых на их место. С 1-го марта по 11-е погода была хорошая – тепло и солнечно. С 1-го марта видно было – австрийцы работали на поле, пахали на коровах и сеяли, и боронили, а кто навоз возил. Сажали картошку и бураки, бобы и прочее. 12-го был гром, молнии и сильный дождь.

13-го врач нас выписал в свои бараки 30 человек здоровых. Пришли мы в свои бараки, хлеб стали получать уменьшенного вида буханку на двоих, весом не более 3/4 фунта, но хлеб был горький, потому что пекли с кукурузой и с фасольной мукой. Утром – каво, обед – перловка редкая, ужин – борщ. 14-го – каво, обед – мамалыга, ужин – бобы. 15-го – каво, обед – бураки, ужин – фасоль. Прибыла партия пленных 250 человек с позиций, но их отвели за решетку; нас не допускали часовые к ним.

16-го – каво, обед – борщ, ужин – борщ. Сегодня тоже прибыла партия пленных 600 человек. С понедельника 16-го сегодняшнего дня начинается еврейская Пасха – исключили их с довольствия – они будут получать мацу, довольствоваться будут в особой кухне. 16-го известно было нам в немецких газетах о сдаче г. Перемышля – читали переводчики и переводили на русский язык. Говорят, что Перемышль взят нашими 9-го марта; и взяли австрийцев 70 тысяч строевых и 47 тысяч не строевых, и более 1000 офицеров австрийских, 1050 орудий; и взяли из крепости обратно наших пленных, которые находились в крепости в плену 2 тысячи и 6 офицеров.

17-го завтра – мутная вода, обед – перловка редкая, ужин – капуста с брюквой. Прибыла партия пленных около 700 человек. 18-го завтрак – вода мутная и несколько крупинок брошено, обед – рисовый суп редкий, ужин – фасоль с брюквой. 19-го – австрийское 1-е апреля. Утром – каво горькое, обед – перловка редкая, ужин – борщ с брюквой. Погода с 11-го по 19-е – тепло. [В] австрийских газетах было напечатано, что германец взял г. Варшаву. Австрия пишет про себя, что на Карпатах все берут их и очень здорово врет их газета. [В] это все нам не верится, потому что мы это все прекрасно знаем, нам все это известно, как она врет, этим она только своих солдат поддерживает, чтобы не падали духом бодрости. Раз, я помню, как-то было напечатано в австрийской газете, что Австрия взяла русских в плен сто тысяч и сто пятьдесят орудий, 4 тысячи лошадей, но [в] это тоже нам не верится, потому что очень большое количество проставлено и не сказано, в каких местах взято. Они сами про себя мало описывают, что Русь взяла австрийцев в плен, а все берет Австрия лишь наших – скоро уже пройдут все Карпаты.

19-го был нам медицинский смотр врачом – выгнали наш батальон на площадь и построили по баракам. Продержали нас с 9 часов до 12; приходил комендант и осматривал – нет ли у кого австрийских шаровар и пиджаков, и вольных шаровар. У кого были австрийские – у тех отнимали и записывали их номера. Когда кончили смотр, а приказания [еще] не было расходиться, у нас некоторые зашли в барак. Комендант увидел это и арестовал весь барак без обеда и без хлеба; из-за одного или из-за двух человек пришлось отвечать более двухсот. После обеда нас выгнали другой раз и построили по баракам, и обставили нас часовыми; а в это

время ходили по баракам врач и комендант, и санитары. Они у нас обыскивали вещевые мешки – лишнее отбирали у нас, что не полагалось держать. Тут у некоторых отбирали: российские деньги, серебряные ложки, вольные шаровары и сукна; у некоторых были патроны, гильзы и прочее. Вообще, наверное, они искали револьверы и русские знамена.

20-го – каво, обед – рисовый суп, ужин – бураки. Хорошая погода. Прибыл эшелон пленных 500 человек – отвели их за решетку. В двух бараках был сегодня смотр – выгнали их во двор и построили по четыре, и обставили их часовыми, и никуда не отпускали; а в это время осматривали у них вещевые мешки и все ценные вещи у них отобрали. Потом стали их осматривать: раздели всех – у них стали по карманам искать. Говорят, что у одного санитаря еврея нашли русских денег две тысячи, и все отобрали; сказали ему, что когда будет отправляться в Россию, тогда выдадим вам. Вечером сняли всех часовых с постов, дали им освобождение на Пасху – будут ходить только патрули. На каждый барак было раньше поставлено по одному часовому, а теперь остались только за решеткой, остальных всех сняли.

21-го – каво, обед – бобы, ужин – манный суп редкий, порция селедки на двоих. Прибыла партия пленных 700 человек. Под вечер на Пасху шел дождь. Очень плохое наше положение – получили мы наказание за грехи. Подходит высокопраздничный день Святой Пасхи; придется, наверное, провести этот день великий тоже голодным, потому что денег ни копейки, покупить не на что, жалование нам прекратили выдавать, вот уже не получали за две недели и говорят, что больше не будут выдавать. Если бы были деньги, то купили бы для Христова дня пару яиц – продавали в лавке по 7 коп. яйцо. И можно бы всего покупить, хотя и дорого: хлеб продавали в буфете из чистой кукурузы по 40 коп. буханку, но давали только по четвертинке на человека за 10 коп., и то через 2 дня. И всякий товар продавали дорого: если в России стоит 3 коп., то в Австрии – 5 коп. Например, сахар кило продавали 52 коп. (кило – 2 фунта с половиной). Сала кило стоило у них 2 р. 50 к.; ветчина то же; масло не разливное кокосовое – 1 р. 85 к., колбасы – 2 р., апельсины по 6 коп. штука, лимоны – 5 и 6 коп. Табака легкого пачку продавали по 8 коп., листовой разрезанный – по 5 коп., крупного разреза по 4 коп. – весом пол осьмушки¹. Спички – 1½ коп., соль – по 5 коп. ложка. И продавали ром, пиво, лимонад и квас. Ром и пиво русским не давали, а только австрийцам. Солдатский хлеб стали продавать по 60 коп. буханку весом не более как ¾ фунта. Некоторые продавали за табак хлеб, а сами оставались голодными – это все нужда заставляет нас. Пищу стали варить вовсе редкую, где нигде [ни] крупинки, да кислая капуста – совсем голодная эта страна.

(часть текста утеряна)

Погода 24-го пасмурно, вечером был сильный гром с дождем и поднялся сильный буран: так было страшно, что бараки качались как на воздухе. Замечательно, что по всему лагерю провели электричество, везде стали гореть электрические огни. На дворе по ночам стало светло, как и днем. В бараках и клозетах тоже горело всю ночь электричество.

Лагерь сейчас устроили хорошо – как в большом городе вся площадь настлана камнем. Бараки устроены в 4 ряда и растянулись на версту, наполовину есть

¹ Осьмушка – восьмая часть чего-либо. Здесь мера веса, 1/8 фунта.

двухэтажные. Между рядами бараков устроены кухни, прачечные и клозеты. Бараков находится около трехсот и еще строят все время; кругом лагерь обнесен проволоочной решеткой. Пленных находится в нашем лагере около двадцати тысяч; бараки еще не все наполнены солдатами, есть еще простых много. В двухэтажных бараках находятся по 400 человек, одноэтажных по 200 человек. Говорят, что в Австрии находится 13 лагерей пленных. Вот нас уже пригнали в другой лагерь – это все работали наши солдаты; и сейчас начали устраивать третий лагерь версты за две по шоссе и провели железную дорогу от станции до другого лагеря – это все сделали наши пленные. Стали гонять на работу в каждый день по 40 и 50 и 70 человек с барака; и платить стали за работу по 5 копеек. А раньше платили по 10 коп. чернорабочим; плотники получали дороже – по 50 коп., и по 70 коп.; на железной дороге работали по 20 коп. и дороже. Чернорабочие работали в каждый день: копали канавы, выравнивали ямы, возили камни на тачках, а вечером получали за работу по пять копеек. Работали на станции в каждый день около двухсот человек: выгружали с вагонов тес, трубы разные, и продукты, и прочее... Ходили в каждый день на работу в другой лагерь около пятисот человек.

25 марта. День был праздничный – Благовещение Пресвятой Богородицы, в среду по Пасхе. Пробудился в шесть часов утра, встал я с постели, надел сапоги, умылся холодной водой, полотенцем вытерся и Богу и помолился и слышу – на дворе кричат за кофеем. Зазвенели баки, очередные¹ пошли на кухню за кофеем, принесли кофеев и разделили мы по отделениям, взял я черпак и распределил всем по черпаку. Напился я кофе без хлеба, взглянул я на небо и прослезился. Умственно подумал я и удивился в том, чем мы живем и питаемся – одной жидкостью наслаждаемся. Сегодня праздничный день, а нам русско-пленным горе и беда, голодом уморяют, а на работу в будни и в праздник выгоняют. Сегодня пришел их караул и всех на работу угнал. Если не идти... Отказаться боимся, чтобы без обеда не остаться. Иногда такие случаи бывают: придут конвоиры и до одного всех из барака выгоняют. Но этого еще мало: хлеба, кофеев и пищи нам всем всегда не хватает, каждый день почти что каждый русский человек из голоду плачет. И многие от этого страдают, и даже от голоду умирают и болеют, продают последние свои вещи – не жалеют. Но этим он долго сыт не бывает, в один час деньги эти пройдут. Каждый из нас предполагает, что деньги счет это... А сам только что держится на своих ногах. Еще так бывает: некоторые идут в каждый день на кухню на работу картошку чистить или воду носить, а после идут с котелками пищи набирать к повару. Повар отбирает у них котелки из рук и накладывает им каши. А нам остается жидкость и вода. Горе нам, братцы, из беды питаемся мы одной лишь водою.

Слышу я – свисток передают на обед. Очередные принесли редкий перловый суп. Раздал я обед своему отделению и лег отдыхать. И вижу я во сне чудный сон: будто бы я нахожусь на позиции со своими землячками, а войска очень много, и заняли мы позиции во своем среднем в поле и вижу передо мной очень высокие горы, и думаю себе «эх, это ведь Карпатские горы, я на них бывал». И мы полезли на самую высокую гору и были со мной даже наши соседи, мужики с которыми мы вместе гуляли. Я будто бы в военной форме, и одежда у меня плохая, вся изорвана, и винтовка с собой. И вижу – на эту высокую гору есть тропа, и мы пошли на эту гору. Когда мы полезли на вершину, эта гора очутилась полая, и видать с обеих сторон двери.

¹ Здесь и далее: дежурные в соответствии с очередью.

Пошли мы ко дверям; я отворил дверь и вижу нашу деревню и видать свой дом. Затем мы пошли к другим дверям, и вижу – по сторонам много наставлено австрийских телег и орудий, и сложено много саней. Прошли мы дальше, вижу – на дороге стоят четыре лошади и тут же колодец; эти кони не допускают к себе, ужасно лягаются. Я все-таки с большим трудом пробежал – не успела лягнуть, а товарища моего лягнула, а некоторые убежали в сторону. Эти кони были австрийские. Пришли вольные австрийцы и стали они бить нас кнутом, мы побежали в халупу и они за нами; тут подняли драку. Я тут заколол штыком двух человек вольных австрийцев и девушку лет пятнадцати. Потом мы вырвались из халупы и стали наступать на свою деревню. Зашел я в деревню и вижу – мой земляк из одной деревни, с которым мы ехали на войну вместе до г. Вятки, он упражняется летать на аэроплане. Сначала он не мог подыматься, а впоследствии он поднялся высоко и стал летать по воздуху. Пролетал он раза два нашу деревню и вдруг он упал на землю. Я побежал к нему, думаю себе, что он разбился, вижу, что он остался жив. После того я разбудился.

Встал я с постели и вышел на двор, сел я возле барака и припомнил я бывшие дни своей жизни. Тем более, как приходилось встречать радостно мною Высокопраздничные праздники, тогда, когда я жил на воле, имел деньги и на карусели с молодыми барышнями катался. Можно сказать, что я своей жизнью наслаждался, а теперь поневоле пользуюсь только лишь своей одной долей, так что не знаю, как пережить это скучное и томительное печальное положение теперешней моей жизни, как я живу в Австрии в плену, провожу жизнь свою. Когда я был дома, если приходит какой-нибудь Великий праздник, то каждый человек с радостью дожидается. А сейчас только [и] знаешь, что подходит праздник, и так же постепенно проходит, как будто бы не бывало ничего, потому что радости никакой не приносит, кроме печали. И теперь не знаю, как того дня дожидаться, хотя [бы] с родными повидаться и встретить свой Родной край и дом в котором состоит вся моя жизнь, счастье и любовь.

(Начинается другой рассказ)

Встал я и пошел на площадь, где играла духовая музыка. Музыканты-евреи собрали деньги и купили музыку и стали производить репетиции, театры устраивать, пьесы и оперетты для своей пользы и для австрийского развлечения. А так же и для наших пленных, с нас за вход брали они от 5 коп. и до 40 коп. С австрийцев брали по 50 коп. Конечно, австрийцам этот театр кажется очень интересным: русская оперетта, на немецком языке. А для нас бесполезна, можно сказать, совсем не интересна, потому что нас никакая сила не может утешить, кроме мира, конечно. Эта бы сила могла бы не только нас утешить, но даже всю нашу Европу, потому что каждый из нас был бы рад такому великопраздничному дню.

Хотя у нас в лагере происходят разные штуки от нашей большой и тягостной печали и скуки. Наши русско-пленные бросаются на все руки, наделали разных игрушек: биксов и вертушек, скамеек, номеров и лотов. И происходили большие толчки, на толчки приходили разные покупатели и продавцы продавали; кто чего имел, то и продает. А потому идет к биксе или вертушке, либо какой-нибудь совершенно детской игрушке и начинает играть. Проиграет и убегает в барак, и сам себя ругает: «зачем я бросаюсь в игру, сам себя голодом только морю. Лучше бросить всякую игру и много лучше будет проводить дни в плену». Но это он все во сне засыпает. Утром встает и про игру забывает, получит хлеба свою долю и ни разу не поест его,

с неволею носит его по бараку и кричит: «Эй, господа! У кого деньги завелись, тот человек ко мне на хлеб навались!» Если в бараке он не продал, то он несет на толчок, продал хлеб и начинает играть. Есть, и много найдется у нас таких господ, которые все время занимаются разными играми, и тем время продолжают в плену.

Сегодня привели в наш лагерь русско-пленных 50 человек и отвели их за решетку. Нас никого туда не пропускали к ним, чтобы мы не имели никаких разговоров с вновь прибывшими.

25 погода была хорошая, теплая и благоприятная, с солнечным сиянием. На ужин сварили нам австрийских бобов. После ужина в театре о шести часов начали играть пьесу на немецком языке. В двенадцать часов ночи при такой тихой и спокойной погоде совершилось второе происшествие такое. Загорелся один двухэтажный барак, зажег какой-то дурак. Затем загорелся рядом другой барак: сгорели два барака двухэтажных, благодаря тому, что ветра не было. А то бы все бараки сгорели, потому что смоленная крыша горит здорово. На улице пожар горит, а у нас у каждого сердце болит. Каждый солдат встал ото сна, испугался, надел шаровары, мундир и в полной готовности собрался. Все стоят, дожидаются, в окно поглядывают и ждут приказания, чтобы не попасть в это несчастное наказание. Тревогу играют, солдат своих на пожаре, из винтовок стреляют, часовых у каждого барака выставляют, из барака никого не выпускают. Если только кто полезет, то прикладом по спине получит, то есть они боятся, чтобы мы никуда в это время не разбежались. Но мы друг друга держимся и никуда не разбежались; время пожару продолжалось мало около часу.

26-го встал я утром, выпил каво без хлеба и занялся своим делом. В девять часов очередные принесли нам хлеба; разделили мы по отделениям, и я раздал своему отделению по буханке на двоих. А я своим землякам разрезал буханку пополам, и развесили на две части, так что каждому досталось поровну. Потому что приходилось нам получать хлеба мало – каких-нибудь золотников 12; и мы всегда делили хлеб на весах, чтобы каждому досталось поровну. Каждый из нас наделал деревянные весы, и развешивали пополам. Получил я хлеба – свою долю положил в вещевой мешок. До обеда я не ел хлеба, так [как] уже я привык не помногу есть; я этот хлеб всегда разделял на две части: на обед и на ужин поровну. А некоторые, как только получил хлеба до обеда, и сразу его съедает, а обед и ужин кушает без хлеба. Он говорит: «Нечего его распределять на части, если нам приходится получать мало. Съел одним разом – и меньше думки; а то все время думай, как бы съесть скорей». Кроме того, господа старшие барачков и переводчики получают они по целой булке в сутки, весом фунта полутора.

После того мы получили обед, пообедали и легли отдыхать. Обед был – жидкий перловый суп: картофель и вода; а порций не было, вместо порций выдали селедку на двоих.

Во время отдыха заходит в барак один австрийский шукствир, то есть, по нашему ст[арший]. унтер-офицер и подает свой громкий голос: «Выходи из барака, кто в сапогах, на стрижку волос; а кто не имеет сапог – выходи и стройся в два»¹. Выстроил их, переписал личные номера, имена и фамилии; по порядку их рассчитал, поворотил их на право и повел до канцелярии третьего батальона. Остановил их у канцелярии по четыре человека, и начали производить выдачу сапог. Сперва только выдали

¹ Здесь: по двое.

тем, у которых имелись опорки¹, а при конце начали выдавать всем тем людям, которые совершенно не имели сапог и опорков. Они не хотели выдавать сапоги тем, у которых вовсе не было сапог: по их мнению [те] считались продавшими свои сапоги. А то не подумают, что, может быть, человек попавший в плен совершенно без сапог, и даже сами австрийцы отбирали у нас сапоги на позиции, когда мы в плен попали. Конечно, другие отпарывали голенища и продавали их, а деньги эти проедали, а сами ходили в опорках и делали на хитрость, чтобы получить новые австрийские боты. Но таких людей совсем мало находится, потому что для каждого человека дороже всего жизнь и здоровье. Но на это они не обращали внимания – на работу всех выгоняли, им это не при чем, что у тебя нет сапог или опорков. Многие ходили на работу босые, хотя [и] зима была снегом не глубокая, и не особенно холодная, но зато очень сырая. Так что добрые сапоги и то промокают от такой сырости.

Под вечер я вышел на прогулку на площадь, а тут собрались солдаты в кружки и разговаривают между собой. Все говорят о мире, хлеба мало выдают нам, надо как-нибудь убежать из плена. А другой говорит – из нашего барака убежал один немец и неизвестно, где он находится. А тут третий стал говорить – я слышал сегодня такую телеграмму² от солдат, что будто бы один вольный поляк справил заграничный билет на 4 человека: на себя и на жену, и взял с собой двух солдат наших пленных и отправился. Тем и кончился разговор.

Затем отошел я от них к проволочной решетке, где было много солдат, и все смотрят на австрийскую полевую работу, как они работают. Я подошел к ним, остановился и стал тоже высматривать. Тут же возле проволочной решетки пахали две женщины на двух дойных коровах, а в дали видать – боронят. А кто на волах навоз возит, некоторые картошку сажают, брюкву и такое прочее. У всех болит сердце у нас, всем хочется работать, но куда нас не выпускают из проволочной решетки.

Пришел я в барак, а тут уже собираются очередные с баками на ужин. Принесли ужин – картофельный суп, поужинали, пропели молитву и легли спать. Ночью был сильный дождь, а днем погода была хорошая – благоприятная с солнечным сиянием.

27-го до обеда был дождь, после обеда ходили в баню – умылись хорошо под дождем; а вечером был град с сильным ветром. Сегодня пригнали в наш лагерь пленных с позиций: 600 [солдат] и 6 офицеров.

28-го день был пасмурный, а после обеда шел небольшой дождь и снег. Сегодня пища была хорошая: на обед сварили рисовый суп, а на ужин перловка; порции не было, а вместо порции выдали селедку на троих.

29-го утром получили каво, на обед сварили фасоль, порцией была селедка. [На] ужин была мамалыга с фасолью. Погода – до обеда пасмурно и холодно, потом пошел дождь; а вечером погода была хорошая – тепло и солнечно.

30-го день был пасмурный и холодный. Встал я утром рано, умылся холодной водой, полотенцем вытерся и богу помолился. Очередные принесли каво в барак, разделили мы по отделениям и стал я раздавать своему отделению. Напился я каво без хлеба, потом взял ведро и пошел до колодца, накачал полное ведро для стирки белья. Затем обмочил [белье] в этой воде, взял мыла, постирал белье и развесил на проволоке у лагерьной лавочки. А сам пришел в барак, поставил ведро и лег на матрас отдохнуть.

¹ Опорки (устар.) – здесь: головки от сапог с отпоротыми голенищами, носимые как башмаки или калоши.

² Здесь: новость.

Полежал я с полчаса, потом принесли хлеб и разделили его по отделениям. Взял я список своего отделения и стал выкликать по фамилиям, кто с кем получает. Раздал я хлеб на руки, а я получил с Петром Васильевичем господином Дятловым, разделили и в мешок положил я его. А сам только посмотрел на него, а есть – не ем, потому что я всегда разделяю на обед и на ужин. Если съесть один сухой хлеб без горячей пищи, то будешь совершенной голоден и не сыт, для этого и распределяешь – сам свою жажду утоляешь.

Затем я сел на нары и сажу – в дверь гляжу. В это время заходит австрийский капрал, по нашему мл[адший]. унтер-офицер и спрашивает: «Где старший барака? Выводи людей из барака и построь по списку». Старший барака приказал нам построиться, а сам взял список и стал выкликать по фамилии. Когда проверил нас по списку, всех людей повернул нас налево и повел в лазарет в приемный покой, где стоял господин доктор большого роста с суровым лицом и с серьезными глазами. И при нем господин фельдшер взял в руки книгу и начал по порядку нас вызывать и по одному человеку в приемный покой пропускать, и в книгу отмечать, к доктору провожать нас. А доктор принимал и уколы нам давал в правую руку; а на левую руку в оспу садил. Вот какую принимали и терпели муку. Возьмет в руки себе правую нашу руку и оттягивает на нашей руке кожу, потом втыкает иголку и впускает туда какую-то смесь – лекарство, и после того вынимает иголку и домой нас отправляет.

Вышли мы и оделись, и пошли прямо в свои бараки. Пришли мы в барак, сели на нары и стали разговаривать промежду собой. Кто что может, то и говорит. А другой начинает рассказывать, как его взяли плен, и как наступали на австрийцев и на немцев. Тут приходит Корней Иванович г-н Сарычев и заводит такую речь – скоро ли проводят нас домой из Австрии, хотя бы пришлось того часу и те дорогие минуты дожидаться, чтобы с родными повидаться и встретить Матушку Россию и свой родимый дом, в котором состоит вся моя жизнь, счастье и любовь. По окончании этого разговора разошлись.

Вскоре после того передают за обедом: «Выходи, господа очередные, с баками за обедом». Очередные взяли баки и пошли за обедом. Принесли обед и разделили по мискам. Каждый из нас получил свою долю и без малого, что наелся. Обед был хороший, но только дело в том, что один жидкий: варенная кукурузная мука имеется, соль и вода. А потому мы считаем его жидким, потому что у нас у каждого хлеба нет. Чем нам гуще пища, тем лучше. Порция была мясная.

Пообедали и легли отдыхать; я тоже лег отдохнуть на час. Потом встал, обулся, достал кипятку и стали пить чай. Напились чаю, убрали посуду со стола, сели и сидим – на других глядим, кто чем занимается. Все занимаются своими делами: кто шаровары починяет, кто шьет что-нибудь, а кто пишет письмо на родину; тут же занимаются чтением, и такое прочее...

После того вскоре принесли нам ужин. [На] ужин был сварен густой перловый суп. Пищу стали варить погуще, если бы еще хлеба побольше.

Погода 30-го марта – пасмурно и холодно; после обеда был небольшой дождь.

31-марта, вставши утром, выпили каво и занялись всякий своим делом. Часов в девять пришел к нам в барак комендант австрийский и всех палкой выгнал нас из барака на двор, а на дворе построил нас по два человека. И расставил кругом нас часовых, для того, чтобы мы не разбежались и чтобы не передавали деньги никому. Потом комендант стал говорить нашему переводчику по-немецки; переводчик переводил нам на русский язык. Стал он говорить нам: «У кого есть русские

деньги, то сдавайте сейчас коменданту, он запишет в книгу сколько денег и личный номер, и номер барака. Эти деньги ваши не пропадут, возвратят обратно, когда будете уезжать в Россию. А кто если сейчас не сдаст добровольно, а потом найдут русские деньги у одного, то будет [тот] строго наказан. И сейчас же стали по порядку у нас отбирать деньги: бумажные, серебро; и [у] людей, у кого сколько было, все отобрали до одной копейки. Так и мы остались без денег – у меня их не было. Не знаю, эти деньги обратно возвратятся или нет.

Погода 31-го – пасмурно и холодно. Обед был – рисовый суп, ужин – перловка.

И вот еще сегодня ночью случилось такое несчастье. После пожара, как сгорели два барака ночью, было запрещено ходить на двор после семи часов. И вот сегодня ночью, патрули были мажарские. Они были пьяные, закололи штыком двух солдат 2-го батальона; один еще пока жив, а другой, говорят, что помер в лазарете. За что их закололи штыком? За то, что они ночью выходили на двор: один ходил к земляку в другой барак и обратно пошел во свой барак уже ночью. Патрули увидели его и стали бежать за ним; он и не подумал вовсе. Настигли его и один штыком его тяжело ранил; он тут же упал без чувств и после того вскоре помер. А другой, говорят, ночью...

(Часть текста утеряна)

...ком, остался пока еще жив.

1-го апреля погода была с утра пасмурна, а потом пошел дождь.

2-го числа погода – дождь. Сегодня привели пленных со станции в наш лагерь – две тысячи с половиной. Взяли их на Карпатах. Они говорят, что утром мы взяли австрийцев в плен 2 тысячи, а вечером они взяли нас 2500. Сегодня потребовали нас в полковую канцелярию и составляли каждому особые бланки. Записывали сначала имя, фамилию, деревню или местечко; какой волости, уезда, губернии; чем занимался, какого вероисповедания; женат или холост, грамотный или нет; в каком году родился; по какой мобилизации мобилизован, какого полка и какой роты, когда забран в плен; цвет волос, рост, оспа привита или нет – укол сделан или нет; ранен был или нет. Когда это все записали – отправили нас в барак.

Пришли мы во свои бараки, уселись, и слышу я такой разговор от солдат – когда бланки готовы все будут, тогда нас отправят в России; наверное, есть уже переговоры и такое прочее.

Еще ночью случился такое происшествие. Наш пленный ун[тер]-оф[ицер] 1-го батальона вечером пошел в другой барак к землячку и просидел до позднего времени и ночью пошел он в свой барак. Увидели его патрули, что идет пленный и один из них закричал что-то по своему; что, дескать, стой! Он и не понял, что кричит австриец, шел себе и не обращал даже внимания. Австриец застрелил нашего пленного ун[тер]-оф[ицера]. и убил его – пуля прошла насквозь. Это судить не нам, пусть осудит Бог. Был же он на позиции, но Бог спас его, а пришлось уже помереть в плену от неприятельской пули.

(Не закончен, а переведен в другую книжку. На настоящий момент последующих тетрадей не обнаружено)

Поступила 20.09.2016; принята к публикации 20.10.2016

Кудрявцев Алексей Николаевич, младший научный сотрудник, МарНИИ им. В. М. Васильева, Россия, г. Йошкар-Ола, *alterloki@rambler.ru*

Соколов Александр Владимирович, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, *alexander-falke@yandex.ru*

**IN THE TRENCHES AND IN CAPTIVITY:
A SOLDIERS DIARY OF THE FIRST WORLD WAR (CONTINUED)**

A. N. Kudryavtsev, A. V. Sokolov

This text is a continuation of the publication of the diary of a soldier of World War I, whose author was a senior non-commissioned officer of the 130th Infantry Kherson Regiment Nikolai Demidovich Mursatov, born in Vyatka province. A copy of the diary was given by a resident of the city of Yoshkar-Ola, in whose family archive this relic preserved. The first part of the diary described the events of November and December 1914, when its author was mobilized in the city of Vyatka, and got into the army in 130 Bessarabian Infantry Regiment (West – East, 2014, no. 7, pp. 136–152.). Notes describe the mobilization, military operations in the foothills of the Carpathians and the siege of Peremyshl, the soldiers' lives and the life of the first military autumn. The second part of the diary is devoted to military captivity, where Nikolai Mursatov got in December 1914. The first batch of numerous war prisoners during the World War I was captured during this time, during the battles in Poland on the Carpathian front. The text contains historical information about the mood in the Russian army, the life of war prisoners in the Austro-Hungarian captivity on the territory of modern Poland and Austria. During the capture and interrogation of the first Russian soldiers and officers, according to the author's diary, maintained dignity and did not disclose details. Communication with officers during interrogations took place in a mixture of Slavic languages. Initially, the attitude to the prisoners from the Austrians was quite humane: they shared food and tobacco. Diary's author changed several camps, especially in detail he describes major Austrian war camp in Marchtrenk. The author reports the number of prisoners, the number of huts, their location. Diary's materials indicate that people in the camp tried to comply with international standards. But while the prisoners lacked the products, were ill, had no opportunity to work. Diary's materials kept the details of diet and nutritional standards of prisoners, diseases and vaccination, rights and responsibilities of different emergencies.

Keywords: World War I, war prisoners, camps of war prisoners, Marchtrenk.

Citation for an article: Kudryavtsev A. N., Sokolov A. V. In the trenches and in captivity: a soldiers diary of the First World War (continued). West – East. 2016, no. 9, pp. 163–180.

Submitted 20.09.2016; revised 20.10.2016

Kudryavtsev Aleksey N., Research Assistant, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History after V. M. Vasilyev, Russia, Yoshkar-Ola, *alterloki@rambler.ru*

Sokolov Aleksandr V., Senior Researcher, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, *alexander-falke@yandex.ru*

УДК 94(477.75)(09)

КРЫМ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ЕВРОПЕЙЦЕВ (XVII–XIX вв.)

[РЕЦ. НА КНИГУ: Е. Н. ДЕРЕМЕДВЕДЬ-ЭРБАШ.

КРЫМ: ПО СЛЕДАМ ЗАБЫТЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ.

ЗАМЕТКИ ПО ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ.

СИМФЕРОПОЛЬ: БИЗНЕС-ИНФОРМ, 2013. 184 с.]

Книга Елены Николаевны Деремедведь-Эрбаш посвящена интересной теме – воспоминаниям иноземных путешественников о Тавриде в XVII–XIX вв. Известно, что Крым был местом, куда стремились попасть многие иностранцы. Прекрасная природа, горы, море, целебный климат, наконец, богатая история края, были притягательными для европейцев. Не следует забывать, что Крым входил в сферу стратегических интересов целого ряда стран: Турции, Англии, Франции. В связи с этим некоторые европейцы приезжали в Крым, чтобы не только полюбоваться природой и получить заряд бодрости, но и по возможности собрать информацию разведывательного характера.

Книга Елены Деремедведь-Эрбаш начинается с воспоминаний известного турецкого путешественника Эвлия Челеби, 400-летний юбилей которого был отмечен Юнеско в 2011 году. Не вдаваясь в детали жизненного пути путешественник заметил, что он до поездки в Крым был хафизом (чтец Корана) и занимал эту должность при султанах Мураде IV (1612–1640), вошедшем в историю как кровавый правитель: «Мурад был наиболее кровавым из всех султанов» – такую характеристику дает о нем Челеби [1, с. 7].

Эвлия Челеби угнетала атмосфера султанского дворца, он мечтал вырваться на свободу, посвятив время путешествиям. С помощью своего дяди – ответственного чиновника, часто бывавшего на Кавказе, он сумел покинуть дворец [1, с. 7]. Впервые Челеби побывал в Крыму в 1641–1642 гг., и эта поездка была для него огромной радостью. Он с восторгом отзывался о достопримечательностях полуострова, отмечая великолепие Бахчисарайского дворца, ханской бани, потрясающее богатство крымских базаров [1, с. 9–10]. Не без удивления путешественник отмечал, что, в отличие от Стамбула, в Крыму широко употребляют вино и другие крепкие напитки, запрещенные Кораном. Челеби, как истинный мусульманин, после посещения Крыма побывал в Мекке, Египте, Сирии, Палестине, Судане и других странах, называя себя «путешественником мира» [1, с. 10]. Записки Челеби интересны и содержательны, позволяют современникам XXI века заглянуть в мир загадочной Тавриды.

Гийом Левассер де Боплан (ок. 1595–1685) был одним из немногих европейцев, познакомивших современников с Крымом. Будучи хорошим математиком, инженером и военным картографом, он уже в начале своей карьеры, в 20-летнем возрасте, был назначен комендантом крепости в Нормандии.

В начале 30-х годов XVIII века де Боплан был приглашен польским королем на службу. Прожив в Польше в течение 17 лет, он решает возвратиться обратно, собрав богатый материал об Украине и Крыме. В своих заметках француз подробно описал жизнь и быт крымчан (татар), акцентировав внимание на состоянии татарского войска [1, с. 16], работоторговле [1, с. 17], национальной кухне [1, с. 17], которая вызвала у него большое удивление: «Если лошадь падет сама собой, от какой бы то ни было болезни, они не преминут ее съесть, так что складывается мнение, что эти люди не отличаются разборчивостью» [1, с. 17]. Де Боплан во время поездки увидел иной мир, иные традиции и представления. Известно, что Франция была очень заинтересована в утверждении своего влияния на Востоке, что касается Крыма, то он для Турции, Франции, Англии был лакомым кусочком. Как следствие этого, поездки французов и англичан в Крым и Стамбул, где сходились интересы Востока и Запада, имели, несомненно, важное политическое значение.

Среди тех, кто выполнял дипломатическую миссию в Стамбуле, следует назвать барона Франсуа де Тотта. Подробное исследование об этом периоде жизни дипломата словацкого происхождения дано в статье члена редакционного совета данного ежегодника М. Даниша (Запад – Восток. 2015. № 8. С. 35–48). Де Тотт родился в 1733 году на севере Франции, некоторое время он находился на военной службе, в 1755 году получил звание лейтенанта. Оставив военную службу, он становится дипломатом при дворе Людовика XV и несколько лет работает консулом в Стамбуле (60-е гг. XVIII в.). В 1767 году его отправляют французским резидентом при крымском хане Максуде Гирее. Увидев Крым, Барон де Тотт был им очарован: «Бесчисленные лавки торговцев и ремесленников, яркие краски тканей и сафьяна, запахи пряностей и кофе» – такими были первые впечатления француза от Крыма. Французский дипломат обладал незаурядными способностями устанавливать хорошие приятельские отношения с первыми лицами государства, барону пришлось быть консулом при двух ханах Максуде Гирее (1767–1768) и Кырым Гирее (1768–1769) – и с первым, и вторым правителем он научился не только ладить, но и дружить. «Хан вообще так привык и так полюбил меня, что я постоянно был его собеседником. Кырым Гирей любил поговорить» [1, с. 23]. До самой смерти де Тотт с большой теплотой вспоминал о годах, проведенных в Крыму.

Крым был местом, куда охотно ехали не только военные, дипломаты, путешественники, но и люди искусства. Речь идет об итальянце Карло Боссоли, родившемся в 1815 году в швейцарском городе Лугано италоязычного кантона Тичино. В 1820 году отец будущего художника переезжает в Одессу, и с этого времени для мальчика Карла Крым становится второй родиной. Крым вдохновлял художника Боссоли, за два года он создает (1840–1842) прекрасные акварели, на которых были запечатлены безбрежная гладь, заснеженные горы, необыкновенные красоты крымских долин. С помощью графа М. С. Воронцова в 1842 году в Одессе был издан альбом Боссоли «24 вида Крыма», имевший большой успех.

Пейзажи Крыма, Севастополя, Балаклавы, Одессы, Херсонеса были объектом пристального внимания не только у любителей живописи в России, но и за рубежом.

Картины охотно покупались во Франции, Англии, Италии. Заключительную часть своей жизни Карло провел в Италии, скончавшись в 1885 году.

Большой интерес представляют воспоминания Роберта Лайелла – врача, ботаника, литератора, приехавшего в Россию в 1815 году и прожившего там много лет. Лайелл сумел доходчиво и интересно рассказать о своих путешествиях по России, Крыму, Кавказу [1, с. 30].

Знакомясь с Крымом, англичанин не только восхищался его природой, щедростью и гостеприимством жителей, но и изменившимся обликом крымских городов: «В новом городе (Симферополь) – широкие улицы и помимо государственных зданий, таких как дом губернатора и вице-губернатора, полицейская управа, есть еще больница, казарма и изящный собор» [1, с. 33]. По душе англичанину были «многочисленные мечети, с изящными минаретами, особенно одна – с двойными балкончиками; христианские церкви, дома с островерхими выбеленными дымоходами» [1, с. 33]. Лайелл будучи тонким наблюдателем замечал неизбежный процесс европеизации, проникающий в тогдашнее крымское общество: «Представители их высшего сословия сидят на стульях и во время еды пользуются ножами и вилками, вместо того чтобы сидеть по-турецки на низеньких диванах и есть руками» [1, с. 33].

В 1823 году Лайелл покинул Россию, но в его памяти навсегда остались яркие впечатления об удивительной и загадочной крымской земле.

Англичанина Эдмунда Спенсера трудно назвать просто путешественником, не исключено, что его поездка по древней земле Тавриды носила и разведывательный характер. Время его пребывания совпадает с Кавказской войной (1817–1863), которую вела Россия против горцев, во главе с имамом Шамилем.

В путевых заметках англичанина отводится большое место и роли России на европейском континенте. Говоря о расстановке политических сил в Европе, Спенсер отмечал, что Россия широко открыла дверь иностранцам: военным, ученым, деятелям искусства, деяния которых, по замечанию англичанина, «облагородили», «причесали» Россию [1, с. 43]. Не без тревоги Спенсер замечал, что Россия пренебрежительно относится к иностранцам, единственный народ, который они уважают, заключил автор, – это англичане [1, с. 43].

Записки иностранных авторов о Крыме, включенные в книгу Елены Деремедведь-Эрбаш, несомненно, имеют большое познавательное значение, они дают возможность более широко и детально представить отношение англичан, французов и представителей других национальностей к природе, истории, традициям Крыма.

О. Г. ЛЕВЕНШТЕЙН

Поступила 20.10.2016; принята к публикации 20.11.2016

Левенштейн Олег Генрихович, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, nel-levenshtein@yandex.ru

CRIMEA IN TRAVEL NOTES OF EUROPEANS (XVII–XIX CENTURIES).

[REVIEW TO BOOK: E. N. DEREMEDVED-ERBASH.

CRIMEA: IN THE FOOTSTEPS OF FORGOTTENS.

NOTES ACCORDING TO THE LITERATURE LOCAL HISTORY.

SIMFEROPOL: BUSINESS-INFORM, 2013. 184 P.]

Submitted 20.10.2016; revised 20.11.2016

Levenshtejn Oleg G., Candidate of History, Associate Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, *nel-levenshtein@yandex.ru*

УДК 94(4)=(16)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЕ И СЛОВАКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ:
КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ».
ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И СЛОВАКИИ
(г. ЙОШКАР-ОЛА, 20–22 СЕНТЯБРЯ 2016 Г.)**

Г. В. Рокина, М. Ю. Дронов

Для цитирования: Рокина Г. В., Дронов М. Ю. Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память». Шестое заседание Комиссии историков России и Словакии (г. Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 185–188.

Отрадно констатировать, что вопреки сложностям, которые в последние годы осложняют международные научные контакты, сотрудничество между российскими и словацкими историками, напротив, продолжается и укрепляется. Свидетельством этому стало проведение при поддержке РГНФ (проект № 16-01-14040) международной научной конференции «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память». Конференция была изначально задумана как форма проведения очередного, VI, заседания двусторонней Комиссии историков России и Словакии (КИРС), собирающейся раз в два года в одной из стран. В качестве организаторов конференции выступили ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук» (ИСЛ РАН), ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (МарГУ) и МОО «Российское общество интеллектуальной истории» (РОИИ).

Йошкар-Ола была избрана для проведения российско-словацкой конференции отнюдь не случайно. Дело в том, что первые четыре заседания КИРС проходили в столичных Братиславе (2005, 2010 гг.) и Москве (2007, 2012 гг.). Однако предпоследнее заседание было организовано словацкими коллегами в г. Банска-Бистрица в центральной части страны. Тем самым была возрождена традиция научных встреч в разных городах, которая успешно практиковалась Комиссией историков СССР и Чехословакии, поэтому и совместную конференцию в нашей стране было решено подготовить в Республике Марий Эл, в которой в том числе активно развивается и славистика.

Большая часть участников конференции прибыла в Йошкар-Олу 20 сентября. В этот день прошли рабочие заседания оргкомитета мероприятия и предварительные консультации Комиссии историков России и Словакии.

21 сентября состоялось торжественное открытие конференции. Участников научной встречи тепло поприветствовали главный местный организатор проф. МарГУ,

д-р ист. наук Г. В. Рокина, ректор МарГУ, д-р экон. наук М. Н. Шевцов, представитель МИД РФ в г. Йошкар-Оле Л. В. Полушина, председатель российской части КИРС, член-корр. РАН Л. П. Репина и представитель председателя словацкой части КИРС проф. Мирослав Даниш (Университет им. Коменского, г. Братислава). К сожалению, председатель словацкой части КИРС д-р Татьяна Ивантышынова (Институт истории САН, г. Братислава) и ее заместитель – директор Института истории Прешовского университета, канд. наук Любица Гарбулева – по важным обстоятельствам не смогли присутствовать на конференции.

В первом блоке докладов «На рубеже столетий», модераторами которого стали М. Даниш и Л. П. Репина, прозвучало семь выступлений. Л. П. Репина представила концептуальный теоретический доклад «Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории». М. Даниш выступил с обзорной темой «Словаки и Россия в XVIII веке». Проф., д-р ист. наук И. В. Крючков (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь) осветил восприятие российским поляком Леоном Василевским национального вопроса в Венгерском королевстве на рубеже XIX и XX веков. Коллега И. В. Крючкова канд. ист. наук А. Н. Птицын остановился на деятельности словацких преподавателей в российских гимназиях и университетах в конце XIX – начале XX вв. Проф. Казанского федерального университета Г. П. Мягков озвучил доклад, подготовленный совместно с Н. И. Недашковской, о словацких сюжетах в трудах казанских славистов XIX–XX веков. Науч. сотр. ИСл РАН, канд. ист. наук М. Ю. Дронов (секретарь российской части КИРС) выступил с сообщением «Угорские русины и словаки в восприятии патриарха Тихона». Проф. Чебоксарского государственного университета, д-р ист. наук Т. Н. Иванова рассказала о развитии славистики в своем университете (доклад был подготовлен совместно с не приехавшей на конференцию М. Н. Красновой).

В завершение тематического блока была проведена дискуссия, которая неизменно открывалась и после всех последующих блоков основной части конференции. Был представлен стендовый доклад Т. Ивантышыновой «Роль символов в отношении словаков к России в XIX столетии».

Модераторами второго блока, «Первая мировая война и ее последствия», выступили д-р Михал Кшинян (Институт истории САН) и д-р ист. наук Е. П. Серапионова (ИСл РАН). Введением в тему послужило выступление самой Е. П. Серапионовой «Словаки в России в годы Первой мировой войны». М. Кшинян представил доклад «Использование социального капитала М. Р. Штефаника в борьбе за ориентацию чехословацкого движения сопротивления в России (1916–1917 гг.)». Г. В. Рокина осветила значение российского Поволжья в судьбе словацкого легионера Й. Клемпы. Проф. МарГУ, д-р ист. наук С. В. Стариков выступил с презентацией «Царевококшаец А. Е. Котомкин о чехословацких легионерах в Сибири». В подобном формате построил свое выступление об уроженцах Марийского края в австро-венгерском плену молодой исследователь А. Н. Кудрявцев (Марийский научно-исследовательский институт им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола).

Третий, по стечению обстоятельств, самый короткий, блок конференции, посвященный межвоенному периоду и Второй мировой войне, модерировали М. Ю. Дронов и Г. В. Рокина. Так, директор Музея Словацкого национального восстания (г. Банска-Бистрица) д-р Станислав Мичев выступил с презентацией о наиболее интересных экспонатах своего музея, посвященных участию русских в восстании. Канд. ист. наук А. В. Зорин (Вятский государственный университет, г. Киров)

представил доклад «Словацкий фактор в отношениях США с правительством Э. Бенеша в годы Второй мировой войны». Коллега С. Мичева д-р Вера Ковачова осветила печально известные страницы истории еврейского народа в Словакии в 1939–1945 гг. Полковник, канд. наук Йозеф Бистрицкий из Института военной истории САН (г. Братислава) подготовил стендовый доклад «Обстоятельства вступления Словакии в войну против СССР в 1941 г. (К 75-й годовщине)».

В рамках последнего, четвертого, блока «Русско-словацкие взаимосвязи в послевоенный период», который вели д-р Юрай Бенко (Институт истории САН) и заместитель председателя российской части КИРС д-р ист. наук Э. Г. Задорожнюк (ИСЛ РАН), прозвучало пять докладов. Так, мл. науч. сотр. ИСЛ РАН С. М. Слоистов рассказал о новых документах российских архивов о венгерском нацменьшинстве в Словакии в 1944–1951 гг. Выступление Ю. Бенко касалось изменений образа молодого Клемента Готвальда, произошедших с ним в историографии после 1948 года. Д-р Марина Завацка, также из Института истории САН, осветила тему послевоенных посещений Словакии лингвистом Романом Якобсоном. Э. Г. Задорожнюк представила доклад «Модификация идеи социализма. К 95-летию со дня рождения Александра Дубчека». Литературовед, канд. филол. наук Л. Ф. Широкова (ИСЛ РАН) выступила с темой «1968 г. в отражении словацкой прозы XXI в.». Стендовый доклад блока, подготовленный д-р ист. наук Г. П. Мурашко (ИСЛ РАН), был посвящен чешско-словацким отношениям на рубеже 1950–1960-х гг. сквозь оптику советских дипломатов.

22 сентября состоялся круглый стол «Изучение истории и культуры славянских народов на исторических факультетах российских университетов», участниками которого стали председатели и члены региональных отделений РОИИ: Т. Н. Иванова, И. В. Крючков, Г. П. Мягкова, проф. МарГУ д-ра филос. наук Ю. С. Обидина, А. Н. Птицын, Л. П. Репина, Г. В. Рокина, канд. ист. наук О. Н. Сутырина (Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола) и другие.

Во время конференции состоялась официальная часть VI заседания КИРС. По сложившейся традиции председателем российской части комиссии Л. П. Репиной и представителем председателя словацкой части М. Данишем по итогам мероприятия был подписан документ – в русской и словацкой языковых версиях. Присутствовавшие члены КИРС признали конференцию успешной. Материалы конференции будут изданы на русском языке в йошкар-олинском научном ежегоднике «Запад – Восток» (редактор Г. В. Рокина) в 2017 году. Следующее, VII заседание КИРС запланировано на 2018 год. Его будет организовывать в г. Прешове словацкая часть комиссии. Организаторами прешовской конференции «Словакия и Россия в переломные моменты истории: люди, идеи, события» станут Прешовский университет, Институт истории САН и Университет им. Коменского. Также было решено продолжить сотрудничество рабочей группы по военно-мемориальной работе (Й. Бистрицкий, С. Мичев, Г. В. Рокина, С. М. Слоистов). Кроме этого членами КИРС были приняты к сведению изменения в составе российской части комиссии.

Важным пунктом программы последнего дня мероприятия стало посещение участниками конференции ректората МарГУ и комнаты-музея поискового отряда «Воскресение» (руководитель П. И. Бусыгин) исторического отделения историко-филологического факультета. Его результатом стало подписание договора о сотрудничестве между Марийским государственным университетом и банско-бистрицким Музеем Словацкого национального восстания.

Следует упомянуть, что на время пребывания в Марийском крае организаторами была подготовлена интересная культурная программа для участников конференции. Ученые приняли участие в кратком «этнотуре» по республике, посетив священные рощи и родники марийского народа. Профессор С. В. Стариков, являющийся также известным краеведом и почетным жителем города Йошкар-Олы, провел экскурсию по главным достопримечательностям г. Йошкар-Олы.

Думается, что прошедшая в Йошкар-Оле российско-словацкая научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» может быть признана удачным примером актуального международного научного сотрудничества в гуманитарной сфере, а также связи академической науки с высшей школой, в том числе в российских регионах.

Поступила 30.10.2016; принята к публикации 30.11.2016

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, *galina@rokina.ru*

Дронов Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник (секретарь российской части КИРС), ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук», Россия, г. Москва, *galina@rokina.ru*

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“RUSSIAN AND SLOVAKS IN HISTORICAL RETROSPECTIVE:
CULTURE, POLITICS AND HISTORICAL MEMORY”.
SIXTH MEETING OF THE COMMISSION OF HISTORIANS
IN RUSSIA AND SLOVAKIA (YOSHKAR-OLA, 20–22 SEPTEMBER 2016)**

G. V. Rokina, M. Ju. Dronov

Citation for an article: Rokina G. V., Dronov M. Ju. International scientific conference “Russian and Slovaks in historical retrospective: culture, politics and historical memory”. Sixth meeting of the commission of historians in Russia and Slovakia (Yoshkar-Ola, 20–22 September 2016). West – East. 2016, no. 9, pp. 185–188.

Submitted 30.10.2016; revised 30.11.2016

Rokina Galina V., Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, *galina@rokina.ru*

Dronov Mihail Ju., Candidate of History, Researcher, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, *galina@rokina.ru*

УДК 470:343:316.346.32-0.53.6

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ
ЙОШКАР-ОЛИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В 2016 ГОДУ**

Е. В. Лежнина

Для цитирования: Лежнина Е. В. Деятельность молодежной секции Йошкар-Олинского отделения Российского общества интеллектуальной истории в 2016 году // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 189–191.

2016 год для молодежной секции Йошкар-Олинского отделения Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ), действующего с сентября 2015 года на базе историко-филологического факультета Марийского государственного университета, был насыщен знаменательными событиями.

Секция значительно увеличилась благодаря привлечению нового поколения студентов, интересующихся вопросами интеллектуальной истории, расширила тематику научных исследований, а также активно занялась общественной и культурно-просветительской деятельностью.

Важнейшим направлением исследовательской работы молодежной секции Йошкар-Олинского отделения РОИИ стал сбор, систематизация и анализ данных о боевом и трудовом подвиге участников Великой Отечественной войны – уроженцев Марийского края и соседних регионов. Использование современных информационных технологий, в частности, обобщенного компьютерного банка данных Министерства обороны Российской Федерации, позволило восстановить утраченные страницы жизни уроженцев Марийского края, студентов и преподавателей Марийского государственного университета, а обращение к материалам семейных архивов – обрести эмоциональную «точку памяти», через которую происходит восприятие прошлого. Работа с документальными материалами и источниками личного происхождения позволяет формировать критический подход к трактовкам военных событий и успешно противостоять попыткам фальсификации прошлого. Собранные материалы, без сомнения, являются важными источниками по истории Великой Отечественной войны, в том числе для исследований в проблематике интеллектуальной истории.

На базе молодежной секции Российского общества интеллектуальной истории в феврале – июне 2017 года в рамках памятных мероприятий, посвященных 75-летней годовщине начала Великой Отечественной войны, был проведен конкурс научно-исследовательских и творческих работ «Как ковалась Победа на фронте и в тылу». В конкурсе приняли участие как студенты вузов, так и школьники общеобразовательных учреждений Республики Марий Эл. В этой связи большой

интерес представили исследовательские работы обучающихся в Марийском государственном университете студентов-иностранцев, выходцев из Средней Азии и Кавказа, во многом отразившие общие для постсоветского пространства способы рецепции событий 1941–1945 годов. Чувство глубокой гордости за подвиг советского народа и вклад малой родины в приближение Победы, стремление проследить жизненный путь членов собственной семьи в данный исторический период, внести посильный вклад в формирование коллективного портрета Воина Великой Отечественной войны, несомненно, свойственно молодому поколению, сохранившему связь с прошлым советского народа.

Тематике Великой Отечественной войны были посвящены отдельные заседания научных клубов «Хронос» (история), «Сократ» (политология), «Логос» (филология), «Молодое перо» (журналистика). Студенты историко-филологического факультета продолжили работу по пополнению коллекций созданного в 2015 году интерактивного музея, в котором содержатся сведения об участниках войны – студентах, сотрудниках и преподавателях Марийского педагогического института им. Н. К. Крупской / Марийского государственного университета. Многие из членов секции были участниками общественно значимых мероприятий – Вахт Памяти, встреч с ветеранами Великой Отечественной войны, всероссийских патриотических акций «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк». Стоит отметить, что студенты историко-филологического факультета также являются бойцами действующего в Марийском государственном университете студенческого поискового отряда «Воскресение», занимающегося восстановлением исторической памяти о событиях и участниках Великой Отечественной войны. В сентябре 2016 года во время прохождения на базе Маргосуниверситета международной конференции «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» состоялся круглый стол «Изучение истории и культуры славянских народов на исторических факультетах российских университетов», участниками которого стали председатели и члены региональных отделений РОИИ. Важным пунктом программы конференции стало подписание договора о сотрудничестве между музеем поискового отряда «Воскресение» и Музеем Словацкого национального восстания (Банска Быстрица, Словацкая Республика).

Другим важнейшим направлением работы секции стала подготовка к мероприятиям, связанным с 85-летием высшего педагогического образования Республики Марий Эл. Студенты Йошкар-Олинского отделения РОИИ приняли активное участие в сборе материала по истории Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской / Марийского государственного университета, с их участием была проведена историческая викторина, художественная и фотовыставка.

В феврале 2016 года на базе Марийского государственного университета прошла XLVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК), в которой приняли участие представители 33 вузов Урала и Поволжья, Северо-Европейской части Российской Федерации, Крыма и Казахстана. Участие в крупнейшем всероссийском студенческом форуме позволило не только обсудить достижения в области археологии и этнологии, но и наметить направления междисциплинарных исследований.

В целом 2016 год открыл новые возможности для развития молодежной секции Йошкар-Олинского отделения РОИИ. В ближайших планах работы секции – проведение на регулярной основе круглых столов и семинаров по вопросам

истории и методологии, участие в грантовой и проектной деятельности, развитие научного сотрудничества со студентами российских и зарубежных вузов. Результаты лучших научно-исследовательских работ членов молодежной секции Йошкар-Олинского отделения РОИИ будут опубликованы в разделе «Дебют молодого ученого» научно-практического ежегодника «Запад – Восток».

Поступила 30.11.2016; принята к публикации 30.12.2016

Лежнина Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Россия, г. Йошкар-Ола, *lezhnina.ev@marsu.ru*

**ACTIVITIES OF THE YOUTH SECTION OF YOSHKAR-OLA BRANCH
OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE INTELLECTUAL HISTORY IN 2016**

E. V. Lezhnina

Citation for an article: Lezhnina E. V. Activities of the youth section of Yoshkar-Ola branch of the Russian Society of the intellectual history in 2016. West – East. 2016, no. 9, pp. 189–191.

Submitted 30.11.2016; revised 30.12.2016

Lezhnina Elena V., Candidate of History, Senior Lecturer, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola, *lezhnina.ev@marsu.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. В. Рокина.</i> Травелог как исторический источник	5
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	9
<i>Ю. С. Обидина.</i> Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления места человека в греческой архаической космологии.....	9
<i>И. Р. Чикалова.</i> Наблюдения об Англии и англичанах в эгодокументах и отчетах российских путешественников (конец XVIII – начало XX вв.).....	18
<i>Мирослав Даниш.</i> Словакия и Россия в записках словацких и российских путешественников XVIII века.....	36
<i>Д. Кодайова.</i> «Из Лондона в Константинополь»: путевой дневник английской аристократки леди Мэри Уортли Монтегю	45
<i>Т. Н. Жуковская.</i> Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х годах (по письмам и дневникам).....	59
<i>Г. Н. Лебедева.</i> Путешествия русских славистов в славянские земли (из истории становления отечественной славистики).....	96
<i>Л. Лысова.</i> Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г. Г. Москвича	107
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ.....	126
<i>Н. Л. Пушкарёва.</i> Мужская сексуальность и конвенциональная маскулинность в русской дворянской культуре на рубеже XIX–XX вв. (на примере биографии Л. Н. Толстого).....	126
<i>А. Г. Бахтин.</i> Египетская судьба татарской царевны Тулунбай.....	138
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ	155
<i>В. М. Новик.</i> Первая мировая война: участники и их современники в памяти белорусских потомков.....	155
<i>А. Н. Кудрявцев, А. В. Соколов.</i> В окопах и в плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны (продолжение).....	163
НАУЧНАЯ ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.....	181
<i>О. Г. Левенштейн.</i> Крым в путевых заметках европейцев (XVII–XIX вв.) [Рец. на книгу: Е. Н. Деремедведь-Эрбаш. Крым: По следам забытых путешествий. Заметки по литературно-историческому краеведению. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. 184 с.]	181
<i>Г. В. Рокина, М. Ю. Дронов.</i> Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память». Шестое заседание Комиссии историков России и Словакии (г. Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.)	185
<i>Е. В. Лежнина.</i> Деятельность молодежной секции Йошкар-Олинского отделения Российского общества интеллектуальной истории в 2016 году	189

CONTENTS

<i>G. V. Rockina</i> . Travelogue as a historical source	5
ARTICLES AND POSTS	
<i>Yu. S. Obidina</i> . Odysseus’s journey to the afterlife: experience of comprehension of human place in Greek the archaic cosmology	9
<i>I. R. Chikalova</i> . Observations about England and the English in ego documents and records of Russian travelers (the end of XVIII – early XX centuries)	18
<i>Miroslav Danish</i> . Slovakia and Russia in notes of Slovak and Russian travelers of the XVIII century	36
<i>Daniela Kodajova</i> . “From London to Constantinople” – the travel diary by the English aristocrat Lady Mary Wortley Montagu	45
<i>T. N. Zhukovskaya</i> . Scholarships of russian universities in Europe in 1800–1810-th (on the basis of letters and diaries)	59
<i>G. N. Lebedeva</i> . Trips of russian slavists to the slavic lands (from the history of the formation of the national Slavic studies)	96
<i>L. Lysova</i> . Unknown pages of life author of the first guide to Crimea G. G. Moskvich	107
GENDER STUDIES IN THE HUMANITIES	
<i>N. N. Pushkarjova</i> . Male sexuality and conventional masculinity in Russian aristocratic culture at the turn of XIX–XX centuries (on the example of L. N. Tolstoy’s biography)	126
<i>A. G. Bakhtin</i> . Egyptian fate Tatar princess Tulunbay	138
PUBLICATION OF DOCUMENTS AND MATERIALS	
<i>V. M. Novik</i> . World War I: participants and contemporaries in minds of descendants	155
<i>A. N. Kudryavtsev, A. V. Sokolov</i> . In the trenches and in captivity: a soldiers diary of the First World War (continued)	163
CHRONICLES AND BIBLIOGRAPHY	
<i>O. G. Levenshtejn</i> . Crimea in travel notes of Europeans (XVII–XIX centuries). [Review to book: E. N. Deremedved-Erbash. Crimea: In the footsteps of forgottens. Notes According to the literature local history. Simferopol: Business-Inform, 2013. 184 p.]	181
<i>G. V. Rockina, M. Ju. Dronov</i> . International scientific conference “Russian and Slovaks in historical retrospective: culture, politics and historical memory”. Sixth meeting of the commission of historians in Russia and Slovakia (Yoshkar-Ola, 20–22 September 2016)	185
<i>Lezhnina E. V.</i> Activities of the youth section of Yoshkar-Ola branch of the Russian Society of the intellectual history in 2016	189

ЗАПАД – ВОСТОК

9/2016

Главный редактор

Галина Викторовна РОКИНА

Адрес редакции:

424000, г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30, к. 313

Web-страница: <http://www.marsu.ru/nauka/zapad-vostok>

Электронная почта: galina@rokina.ru

Литературный редактор

Березина О. С.

Компьютерная верстка

Окишева С. А.

Дизайн обложки

Земцова О. Г.

Тем. план 2016 г. № 93.

Подписано в печать 28.12.2016 г. Формат 60×84/8.

Усл.-печ. л. 22,55. Уч.-изд. л. 16,40. Тираж 300. Заказ № 879.

Оригинал-макет подготовлен к печати
в учебно-исследовательской лаборатории этногендерных исследований
и отпечатан в ООП ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

ISSN 2227-6874

ЗАПАД – ВОСТОК

9/2016